

С момента своего выхода на мировую арену COVID-19 кардинально разорвал сценарий того, как управлять странами, жить с другими людьми и участвовать в глобальной экономике.

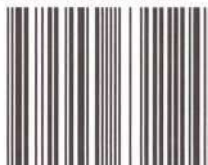
«КОВИД-19: Великий сброс» - это руководство для всех, кто хочет понять, как новый коронавирус смог вызвать столько беспорядков и страданий, и какие изменения необходимы для создания более инклюзивного, жизнестойкого и устойчивого мира.

В книге представлен тревожный, но вселяющий надежду анализ. COVID-19, будучи величайшим кризисом общественного здравоохранения столетия, привел к огромному экономическому опустошению и усугубил существующее неравенство. Но сила человеческих существ заключается в их прозорливости, изобретательности и - по крайней мере, в определенной степени - способности взять свою судьбу в свои руки и планировать лучшее будущее. Эта книга показывает нам, с чего начать.

Профессор Клаус Шваб является основателем и исполнительным председателем Всемирного экономического форума. Он является автором различных книг, в том числе "Четвертая промышленная революция", и сторонником "капитализма заинтересованных сторон".

Тьерри Маллере - управляющий партнер компании Monthly Barometer, занимающейся лаконичным прогностическим анализом. Он написал несколько деловых и научных книг и опубликовал четыре романа.

ISBN 9782940631124

9 782940 631124

90000

COVID-19: ВЕЛИКИЙ СБРОС

KLAUS SCHWAB
THIERRY MALLERET

FORUM PUBLISHING

Издание 1.0

© 2020 Всемирный экономический форум

Все права защищены

Никакая часть данной публикации не может быть воспроизведена или передана в любой форме или любым способом, включая фотокопирование или запись, или с помощью любой системы хранения и поиска информации.

Всемирный экономический форум

91-93 route de la Capite

CH-1223 Кельн/Женева

Швейцария

Тел: +41 (0)22 869 1212

факс +41 (0)22 786 2744

почта: contact@weforum.org

www.weforum.org

ISBN 978-2-940631-12-4

О «Covid-19: Великий Сброс»

С момента своего выхода на мировую арену COVID-19 кардинально разорвал существующие представления о том, как управлять странами, жить с другими людьми и участвовать в глобальной экономике. Написанная основателем Всемирного экономического форума Клаусом Швабом и автором Monthly Barometer Тьерри Маллере, книга "COVID-19: Великий Сброс" рассматривает ее далеко идущие и драматические последствия для мира завтрашнего дня..

Главная цель книги - помочь понять, что грядет во множестве областей. Опубликованная в июле 2020 года, в разгар кризиса, когда еще могут возникнуть новые волны инфекции, она представляет собой гибрид между современным эссе и академическим слепком важнейшего момента истории. Она включает в себя теорию и практические примеры, но в основном носит объяснительный характер и содержит множество предположений и идей о том, как может и, возможно, должен выглядеть мир после пандемии.

Книга состоит из трех основных глав, предлагающих панорамный обзор будущего ландшафта. В первой оценивается влияние пандемии на пять ключевых макрокатегорий: экономические, общественные, геополитические, экологические и технологические факторы. Вторая рассматривает влияние на микроуровень, на конкретные отрасли и компании. Третья гипотеза касается характера возможных последствий на индивидуально-личностном уровне.

В начале июля 2020 года мы находимся на перепутье, утверждают авторы книги COVID-19 "Великий Сброс". Один из путей приведет нас к лучшему миру: более инклюзивному, более справедливому и более уважительному к матери-природе. Другой приведет нас к миру, похожему на тот, который мы только что оставили позади - но хуже и постоянно преследуемому

неприятными сюрпризами. Поэтому мы должны сделать все правильно. Надвигающиеся проблемы могут оказаться более серьезными, чем мы до сих пор могли себе представить, но наша способность к перезагрузке/сбросу также может оказаться более значительной, чем мы раньше смели надеяться.

Об авторах

Профессор **Клаус Шваб** (1938, Равенсбург, Германия) является основателем и исполнительным председателем Всемирного экономического форума. В 1971 году он опубликовал книгу "Современное управление предприятием в машиностроении". В этой книге он утверждает, что для достижения долгосрочного роста и процветания компания должна служить не только акционерам, но и всем заинтересованным сторонам. Для продвижения

концепции заинтересованных сторон он в том же году основал Всемирный экономический форум.

Профессор Шваб имеет докторские степени по экономике (Фрибургский университет) и инженерии (Швейцарский федеральный институт технологии) и получил степень магистра государственного управления (МРА) в Школе государственного управления имени Кеннеди Гарвардского университета. В 1972 году, в дополнение к своей руководящей роли в Форуме, он стал профессором Женевского университета. С тех пор он получил множество международных и национальных наград, включая 17 почетных докторских степеней. Его последние книги - "Четвертая промышленная революция" (2016), ставшая мировым бестселлером и переведенная на 30 языков, и "Формирование будущего четвертой промышленной революции" (2018).

Тьерри

Barometer,
инвесторам,
лицам,

опыт

Всемирном

программной группой.

Маллере (1961 г., Париж, Франция) является управляющим партнером компании Monthly предоставляющей краткие прогнозы частным руководителям международных компаний и формирующим общественное мнение и принимающим решения. Его профессиональный включает основание Глобальной сети рисков на экономическом форуме и руководство ее

Маллере получил образование в Сорбонне и Школе высших исследований в области естественных наук в Париже, а также в колледже Святого Антония в Оксфорде. Он имеет степени магистра экономики и истории, а также докторскую степень по экономике. Его карьера охватывает инвестиционный банкинг, аналитические центры, научные круги и правительство (с трехлетней работой в канцелярии премьер-министра в Париже). Он написал несколько книг по бизнесу и науке, а также опубликовал четыре романа. Он живет в Шамони, Франция, со своей женой Мэри Энн.

Содержание

Об авторах.....	5
Содержание	7
Введение	11
1. Макро Сброс.....	20
1.1. Концептуальная основа - три определяющие характеристики современного мира.....	20
1.1.1. Взаимозависимость	20
Скорость.....	24
1.1.3. Сложность	28
1.2. Экономический сброс.....	32
1.2.1. Экономика COVID-19.....	32
1.2.3. Фискальная и монетарная политика	59
1.3. Социальный сброс	70
1.3.1. Неравенство.....	73
1.3.2. Социальные волнения	77
1.3.4. Общественный договор.....	88
1.4. Геополитический сброс	95
1.4.2. Глобальное управление	105
1.4.3. Растущее соперничество между Китаем и США.....	110
1.4.4. Хрупкие и несостоятельные государства	118

1.5.	Экологический сброс	123
1.5.1.	Коронавирус и окружающая среда	127
1.5.2.	Влияние пандемии на изменение климата и на другие экологические инициативы	132
1.6.	Технологический сброс.....	140
1.6.1.	Ускорение цифровой трансформации	142
1.6.2.	Отслеживание контактов, слежение за контактами и наблюдение.....	147
1.6.3.	Риск антиутопии	154
2.	Микросброс (Промышленность и бизнес)	160
2.1.	Микротренды	162
2.1.1.	Ускорение цифровизации	162
2.1.2.	Эластичные цепочки поставок	167
2.1.3.	Правительство и бизнес	169
2.1.4.	Капитализм заинтересованных сторон (Stakeholder capitalism) и ESG	172
2.2.	Промышленный сброс.....	176
2.2.1.	Социальное взаимодействие и деденсификация («разуплотнение», de-densification).....	176
2.2.2.	Поведенческие изменения – постоянные и временные... ..	182
2.2.3.	Устойчивость.....	188
3.	Индивидуально-личностный сброс.....	196
3.1.1.	Лучшие ангелы – в нашей природе... или нет	196
3.1.2.	Моральный выбор	201
3.2.	Психическое здоровье и благополучие	207
3.3.	Изменение приоритетов	215

3.3.1. Творчество	217
3.3.2. Время	219
3.3.3. Потребление	220
3.3.4. Природа и благополучие	222
Заключение	226
Благодарности.....	234
Примечания.....	236

Введение

Всемирный кризис, вызванный пандемией коронавируса, не имеет аналогов в современной истории. Нас нельзя обвинить в преувеличении, когда мы говорим, что он ввергает наш мир в целом и каждого из нас в отдельности в самые сложные времена, с которыми мы сталкивались на протяжении многих поколений. Это наш определяющий момент – и мы будем иметь дело с его последствиями в течение многих лет, а многие вещи изменятся навсегда. Он принесет монументальные экономические потрясения, создаст опасный и нестабильный период на нескольких фронтах – политическом, социальном, геополитическом; вызовет глубокую озабоченность состоянием окружающей среды, а также расширит сферу влияния (пагубного или иного) технологий на нашу жизнь. Ни одна отрасль промышленности или бизнеса не останется в стороне от воздействия этих изменений. Миллионы компаний рискуют исчезнуть, многие отрасли ждёт неопределенное будущее, и лишь некоторые из них будут процветать.

На индивидуальном уровне для многих жизнь, какой они ее всегда знали, разрушается с пугающей скоростью. Но глубокие, экзистенциальные кризисы также способствуют самоанализу и могут таить в себе потенциал для преобразований. Линии разлома мира – прежде всего, социальные противоречия, отсутствие справедливости, отсутствие сотрудничества, несостоятельность глобального управления и лидерства сейчас обнажены как никогда раньше, и люди чувствуют, что пришло время для переосмысления.

Возникает новый мир, контуры которого нам предстоит представить и нарисовать.

На момент написания этой книги (июнь 2020 года) пандемия продолжает усугубляться во всем мире. Многие из нас задумываются о том, когда все вернется на круги своя.

Короткий ответ: никогда.

Ничто и никогда не вернется к "нарушенному" ощущению нормальности, которое преобладало до кризиса, потому что пандемия коронавируса знаменует собой фундаментальную точку перелома в нашей глобальной траектории. Некоторые аналитики называют это точкой крупной бифуркации, другие глубоким кризисом "библейских" масштабов, но суть остается неизменной: мир, каким мы его знали в первые месяцы 2020 года, больше не существует, он растворился в контексте пандемии. Грядут радикальные изменения такого масштаба, что некоторые эксперты называют эпоху "до коронавируса" (BC) и "после коронавируса" (AC). Мы будем продолжать удивляться стремительности и неожиданности этих изменений - по мере того, как они будут накладываться друг на друга, они будут провоцировать последствия второго, третьего, четвертого и более порядка, каскадные эффекты и непредвиденные результаты. Таким образом, они сформируют "новую нормальность", радикально отличающуюся от той, которую мы постепенно оставляем позади. Многие наши убеждения и предположения о том, как может или должен выглядеть мир, будут разрушены в ходе этого процесса.

Однако широкие и радикальные заявления (например, "все изменится") и анализ по принципу "все или ничего", "черное или белое" следует применять с большой осторожностью. Конечно, реальность будет гораздо более

нюансированной. Сама по себе пандемия, возможно, не полностью изменит мир, но она, скорее всего, ускорит многие изменения, которые уже происходили до ее начала, что, в свою очередь, приведет в движение и другие изменения. Единственное, в чем можно быть уверенным: изменения не будут линейными и будут преобладать резкие скачки. Книга «COVID-19: Великий Сброс» – это попытка определить и пролить свет на грядущие изменения, а также внести скромный вклад в определение того, на что может быть похожа их более желательная и устойчивая форма.

Давайте начнем с общей перспективы: человек существует около 200 000 лет, самые древние бактерии – миллиарды лет, а вирусы не менее 300 миллионов лет. Это означает, что, скорее всего, пандемии существовали всегда и были неотъемлемой частью человеческой истории с тех пор, как люди начали путешествовать; за последние 2000 лет они стали правилом, а не исключением. В силу своей разрушительной природы эпидемии на протяжении всей истории были силой длительных и зачастую радикальных перемен: они вызывали беспорядки, приводили к беспорядкам среди населения и военным поражениям, но, в то же самое время, они давали толчок инновациям, перекраивали государственные границы и часто прокладывали путь к революциям. Вспышки заставляли империи менять курс как, например, Византийскую империю, пораженную чумой Юстиниана в 541-542 годах, а некоторые империи даже исчезали совсем – когда императоры ацтеков и инков умирали вместе с большинством своих подданных от европейских микробов. Кроме того, властные меры по сдерживанию эпидемий всегда были частью политического арсенала. Таким образом, нет ничего нового в заключении и изоляции, наложенных на большую часть мира с целью борьбы с COVID-19. Они были обычной практикой на протяжении веков. Самые ранние формы заключения появились в виде карантинных мер, введенных в попытке сдержать Черную смерть, которая в период с 1347 по 1351 год убила около трети всех европейцев. Происходя от слова *quaranta* (что

в переводе с итальянского означает "сорок"), идея заключения людей на 40 дней возникла без четкого понимания властями того, что они хотят сдержать, но эти меры стали одной из первых форм "институционализированного общественного здравоохранения", которая помогла узаконить "наращивание власти" современным государством¹. Период в 40 дней не имеет медицинского обоснования; он был выбран по символическим и религиозным причинам: как Ветхий, так и Новый Заветы часто упоминают число 40 в контексте очищения, в частности, 40 дней Великого поста и 40 дней потопа в Бытие.

Распространение инфекционных заболеваний обладает уникальной способностью нагнетать страх, тревогу и массовую истерию. При этом, как мы видели, оно также бросает вызов нашей социальной сплоченности и коллективной способности справляться с кризисом. Эпидемии по своей природе разделяют и травмируют. То, с чем мы боремся, невидимо; наша семья, друзья и соседи могут стать источниками инфекции; те повседневные ритуалы, которыми мы дорожим, например, встреча с другом в общественном месте, могут стать средством передачи инфекции; а власти, которые пытаются обеспечить нашу безопасность, применяя меры по ограничению свободы, часто воспринимаются как агенты угнетения. На протяжении всей истории важным и повторяющимся примером является поиск козлов отпущения и возложение вины на других. В средневековой Европе евреи почти всегда оказывались в числе жертв самых известных погромов, спровоцированных чумой. Один трагический пример иллюстрирует эту мысль: в 1349 году, через два года после того, как Черная смерть начала распространяться по континенту, в Страсбурге в день Святого Валентина евреям, которых обвинили в распространении чумы путем загрязнения городских колодцев, было предложено обратиться в христианство. Около 1000 человек отказались и были сожжены заживо. В том же году еврейские общины в других европейских городах были стерты с лица земли, что

вынудило их массово мигрировать в восточную часть Европы (в Польшу и Россию), перманентно изменяя демографию континента в процессе. То, что справедливо для европейского антисемитизма, относится и к подъему абсолютистского государства, постепенному отступлению церкви и многим другим историческим событиям, которые в немалой степени можно объяснить пандемиями. Изменения были настолько разнообразными и масштабными, что привели к "концу эпохи покорности", положив конец феодализму и крепостному праву и положив начало эпохе Просвещения. Проще говоря: "Черная смерть, возможно, стала непризнанным началом современного человека"². Если такие глубокие социальные, политические и экономические изменения могла вызвать чума в средневековом мире, может ли пандемия COVID-19 ознаменовать наступление аналогичного поворотного момента с долгосрочными и драматическими последствиями для нашего сегодняшнего мира? В отличие от некоторых прошлых эпидемий, COVID-19 не представляет собой новой экзистенциальной угрозы. Она не приведет к непредвиденному голоду больших масс населения, крупным военным поражениям или смене режимов. Целые группы населения не будут ни истреблены, ни перемещены в результате пандемии. Однако это не равнозначно обнадеживающему анализу. В действительности пандемия значительно усугубляет уже существующие опасности, которым мы слишком долго не могли адекватно противостоять. Она также ускорит тревожные тенденции, которые нарастали в течение долгого времени.

Чтобы приступить к разработке осмысленного ответа, нам нужна концептуальная основа (или простая ментальная карта), которая поможет нам осмыслить грядущие события и понять их суть. Особенно полезными могут быть идеи и примеры, предлагаемые историей. Именно поэтому мы так часто ищем обнадеживающий "ментальный якорь", который может служить ориентиром, когда мы вынуждены задавать себе сложные вопросы о том, что изменится и в какой степени. При этом мы ищем прецеденты, задавая такие

вопросы, как: «Похожа ли пандемия на испанский грипп 1918 года (по оценкам, в результате трех последовательных волн погибло более 50 миллионов человек по всему миру)?», «Может ли она быть похожа на Великую депрессию, начавшуюся в 1929 г. Есть ли сходство с психологическим шоком, вызванным 11 сентября?», «Есть ли сходство с тем, что произошло с атипичной пневмонией в 2003 году и H1N1 в 2009 году (хотя и в других масштабах)?», «Может ли это быть похоже на великий финансовый кризис 2008 года, но гораздо более масштабный?». Правильным, хотя и нежелательным, ответом на все эти вопросы будет: нет! Ни один из них не соответствует масштабам и характеру человеческих страданий и экономических разрушений, вызванных нынешней пандемией. В частности, экономические последствия не похожи ни на один кризис в современной истории. Как отмечали многие главы государств и правительств в разгар пандемии, мы находимся в состоянии войны, но с врагом невидимым и, конечно, метафорическим: «Если то, что мы переживаем, действительно можно назвать войной, то это, конечно, не типичная война. Ведь сегодняшний враг – общий для всего человечества»³.

Тем не менее, Вторая мировая война может стать одним из самых важных ментальных якорей в попытке оценить, что будет дальше. Вторая мировая война была квинтэссенцией трансформационной войны, вызвавшей не только фундаментальные изменения в мировом порядке и мировой экономике, но и радикальные сдвиги в общественных взглядах и убеждениях, которые, в конечном счете, проложили путь для радикально новой политики и положений общественного договора (например, женщины тоже стали рабочими, а затем стали и избирателями). Очевидно, что между пандемией и войной есть фундаментальные различия (которые мы рассмотрим более подробно на следующих страницах), но масштабы их преобразующей силы сопоставимы. И то, и другое способно стать трансформационным кризисом невообразимых ранее масштабов. Однако мы должны остерегаться

поверхностных аналогий. Даже в самом худшем случае COVID-19 убьет гораздо меньше людей, чем Великая чума, Черная смерть или Вторая мировая война. Кроме того, сегодняшняя экономика не похожа на экономику прошлых веков, которая опиралась на ручной труд и сельскохозяйственные земли или тяжелую промышленность. Тем не менее, в современном взаимосвязанном и взаимозависимом мире последствия пандемии выйдут далеко за рамки (уже ошеломляющей) статистики, связанной "просто" со смертностью, безработицей и банкротствами.

“COVID-19: Великий Сброс” написана и опубликована в разгар кризиса, последствия которого будут проявляться в течение многих лет. Неудивительно, что все мы чувствуем себя несколько обескураженными - чувство, которое очень понятно, когда происходит экстремальное потрясение, несущее с собой тревожную уверенность в том, что его последствия будут неожиданными и необычными. Эта странность хорошо передана Альбером Камю в его романе “Чума” 1947 года. “И все же все эти изменения были в каком-то смысле настолько фантастическими и были сделаны так поспешно, что нелегко было считать, что они могут иметь какое-то постоянство”⁴. Теперь, когда немыслимое свершилось, что же будет дальше, сразу после пандемии и в обозримом будущем?

Конечно, еще слишком рано с достаточной точностью говорить о том, что повлечет за собой COVID-19 в плане “судьбоносных” изменений, но цель этой книги - предложить некоторые последовательные и концептуально обоснованные рекомендации о том, что может ждать нас впереди, и сделать это как можно более всеобъемлющим образом. Наша цель - помочь читателям осознать многогранность грядущих перемен. По крайней мере, как мы будем утверждать, пандемия ускорит системные изменения, которые уже были очевидны до кризиса: частичный отход от глобализации, растущее разделение между США и Китаем, ускорение автоматизации, опасения по

поводу усиления слежки и контроля, растущая привлекательность политики благополучия, рост национализма и последующий страх перед иммиграцией, растущая мощь технологий, необходимость для компаний иметь еще более сильное присутствие в Интернете, среди многих других. Но это может выйти за рамки простого ускорения, изменив то, что раньше казалось неизменным. Это может спровоцировать изменения, которые казались бы немыслимыми до того, как пандемия разразилась, такие как новые формы монетарной политики, как вертолетные деньги (что уже – данность), пересмотр/перекалибровка некоторых социальных приоритетов и усиленный поиск общего блага как цели политики, понятие справедливости, приобретающее политическую силу, радикальные меры по обеспечению благосостояния и изменение налогообложения, а также радикальные геополитические изменения.

Суть в следующем: возможности для изменений и возникающего в результате нового порядка теперь безграничны (или ограничиваются только нашим воображением), как в лучшую, так и в худшую сторону. Общество может стать более эгалитарным или более авторитарным, более солидарным или более индивидуалистичным, предпочитающим интересы немногих или большинства; экономика, когда она восстановится, может пойти по пути большей инклюзивности и быть более приспособленной к потребностям нашего глобального сообщества, или же она может вернуться к функционированию в прежнем режиме. Вы поняли суть: мы должны воспользоваться этой беспрецедентной возможностью переосмыслить наш мир, чтобы сделать его лучше и устойчивее по ту сторону кризиса.

Мы осознаем, что попытка охватить масштаб и широту всех вопросов, рассматриваемых в этой книге, является огромной задачей, которая может оказаться невыполнимой. Тема и все неопределенности, связанные с ней, имеют гигантские размеры и могли бы заполнить страницы издания в пять

раз большего объема, чем эта книга. Но нашей целью было написать относительно сжатую и простую книгу, чтобы помочь читателю понять, что его ждет во множестве областей. Чтобы как можно меньше прерывать повествование, справочная информация помещена в конце книги, а прямые цитаты сведены к минимуму. Опубликованная в разгар кризиса, когда ожидаются новые волны инфекции, книга будет постоянно развиваться с учетом меняющейся природы предмета. Будущие издания будут обновляться с учетом новых данных, последних исследований, пересмотра политических мер и постоянной обратной связи с читателями.

Данный труд представляет собой гибрид между легкой академической книгой и эссе. Он включает в себя, как теорию, так и практические примеры, но, в основном, книга носит разъяснительный характер, содержит множество предположений и идей о том, как может и, возможно, должен выглядеть мир после пандемии. Она не предлагает ни простых обобщений, ни рекомендаций для мира, переходящего к новой норме, но мы верим, что она будет полезной.

Книга состоит из трех основных глав, предлагающих панорамный обзор ландшафта будущего. В первой главе оценивается влияние пандемии на пять ключевых макрокатегорий: экономические, социальные, геополитические, экологические и технологические факторы. Вторая рассматривает влияние на микроуровень, на конкретные отрасли и компании. Третий же предлагает гипотезы о характере возможных последствий на индивидуальном уровне.

1. Макро Сброс

Первый этап нашего путешествия проходит по пяти макрокатегориям, которые предлагают всеобъемлющую аналитическую основу для понимания того, что происходит в современном мире и как он может развиваться. Для удобства мы пройдемся по каждой из них отдельно. В действительности они взаимозависимы, и именно с этого мы начнем: наш мозг заставляет нас мыслить линейно, но мир, который нас окружает, нелинеен, то есть сложен, адаптивен, стремителен и неоднозначен.

1.1. Концептуальная основа - три определяющие характеристики современного мира

Макросброс будет происходить в контексте трех преобладающих светских сил, которые определяют наш сегодняшний мир: взаимозависимость, скорость и сложность. Эта троица в меньшей или большей степени оказывает свое влияние на всех нас, кем бы мы ни были и где бы ни находились.

1.1.1. Взаимозависимость

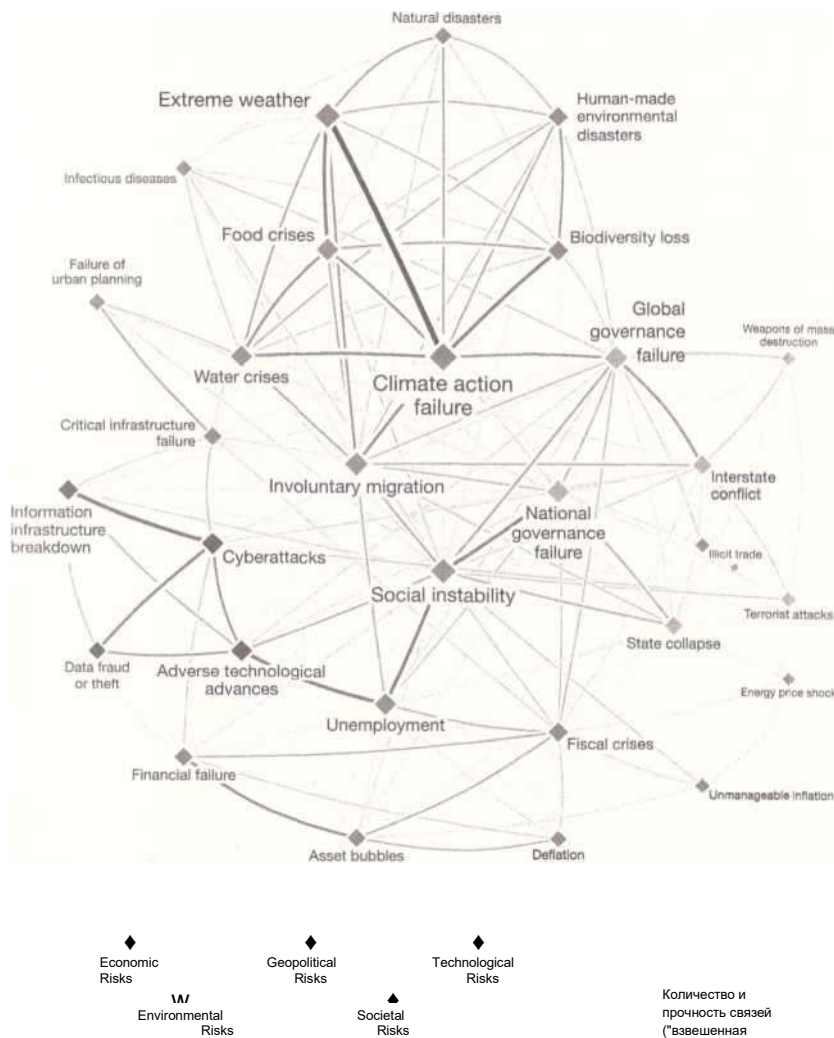
Взаимозависимый мир - это мир глубокой системной связанности, в котором все риски влияют друг на друга через паутину сложных взаимодействий. В таких условиях утверждение, что экономический риск ограничится экономической сферой или что экологический риск не окажет влияния на

риски другого характера (экономические, геополитические и т.д.), уже не выдерживает критики. Мы все можем вспомнить, как экономические риски превращаются в политические (например, резкий рост безработицы приводит к социальным волнениям), или как технологические риски превращаются в общественные (например, вопрос отслеживания пандемии по мобильным телефонам провоцирует социальную реакцию). При изолированном рассмотрении отдельных рисков – экономических, геополитических, социальных или экологических – создается ложное впечатление, что их можно сдержать или смягчить; в реальной жизни системная взаимосвязь показывает, что это практически невозможно. Во взаимозависимом мире риски усиливают друг друга и, таким образом, имеют каскадные последствия. Вот почему изоляция или сдерживание не могут рифмоваться с взаимозависимостью и взаимосвязанностью.

Приведенная ниже диаграмма, взятая из доклада Всемирного экономического форума «Глобальные риски 2020»⁶, наглядно демонстрирует это. Она иллюстрирует взаимосвязанную природу рисков, с которыми мы коллективно сталкиваемся; каждый отдельный риск всегда сочетается с рисками из своей собственной макрокатегории, а также с отдельными рисками из других макрокатегорий (экономические риски выделены синим цветом, геополитические – оранжевым, социальные – красным, экологические – зеленым, технологические – фиолетовым). Таким образом, каждый отдельный риск способен вызвать эффект рикошета, провоцируя другие риски. Как видно из диаграммы, риск "инфекционных заболеваний" обязательно окажет прямое влияние на "провал глобального управления", "социальную нестабильность", "безработицу", "фискальные кризисы" и "недобровольную миграцию" (и это только некоторые из них). Каждый из них, в свою очередь, будет влиять на другие индивидуальные риски, что означает, что индивидуальный риск, с которого началась цепочка эффектов (в данном конкретном случае "инфекционные заболевания"), в конечном

итоге усиливает и многие другие риски, не только в своей собственной макрокатегории (социальные риски), но и в других четырех макрокатегориях. В этом проявляется феномен заражения системной связью. В следующих подразделах мы рассмотрим, что может повлечь за собой риск пандемии с экономической, социальной, геополитической, экологической и технологической точек зрения.

Рисунок 1

Источник: Всемирный экономический форум, Отчет о глобальных рисках 2020, Рисунок IV: Карта взаимосвязей глобальных рисков 2020, Исследование восприятия глобальных рисков Всемирного экономического форума 2019-2020 гг.

Взаимозависимость имеет важный концептуальный эффект: она препятствует "бункерному мышлению". Поскольку взаимосвязь и системная взаимосвязь – это то, что в конечном итоге имеет значение, решение проблемы или оценка вопроса или риска в отрыве от других является бессмысленным и бесполезным. В прошлом было такое "бункерное мышление", и это отчасти объясняет, почему так много экономистов не смогли предсказать кредитный кризис (в 2008 году) и почему так мало политологов предвидели наступление "арабской весны" (в 2011 году). Сегодня та же проблема существует и с пандемией. Эпидемиологам, специалистам по общественному здравоохранению, экономистам, социологам и всем другим ученым и специалистам, которые занимаются тем, что помогают лицам, принимающим решения, понять, что их ждет впереди, трудно (а иногда и невозможно) переступить границы своей собственной дисциплины. Именно поэтому решение сложных компромиссных задач, таких как сдерживание развития пандемии и возобновление работы экономики, является таким чудовищно трудным. Понятно, что большинство бывших специалистов в конечном итоге оказываются замкнутыми во все более узких областях. Поэтому им не хватает расширенного взгляда, необходимого для соединения множества различных точек, которые дают более полную картину, в которой так нуждаются лица, принимающие решения.

Скорость

Вышеизложенное решительно указывает на технический прогресс и глобализацию как на главных "виновников", ответственных за усиление мультизависимости. Кроме того, они создали такую культуру непосредственности, что не будет преувеличением утверждать, что в современном мире все происходит гораздо быстрее, чем раньше. Если выделить только одну вещь для объяснения этого поразительного увеличения скорости, то это, несомненно, будет Интернет. Более половины

(52%) населения планеты сейчас находится в Сети, тогда как 20 лет назад их было менее 8%; в 2019 году в мире было продано более 1,5 млрд смартфонов - символ и вектор той скорости, что позволяет нам быть на связи в любом месте и в любое время. Интернет вещей (IoT) сегодня объединяет 22 миллиарда устройств в режиме реального времени - от автомобилей до больничных коек, электросетей и насосов водонапорных станций, от кухонных плит до сельскохозяйственных систем орошения. Ожидается, что в 2030 году это число достигнет 50 миллиардов или более. Другие объяснения роста скорости указывают на элемент "дефицита": по мере того, как общество становится богаче, время приобретает все большую ценность и поэтому воспринимается как все более дефицитное. Это может объяснить исследования, показывающие, что люди в богатых городах всегда ходят быстрее, чем в удаленных - им нельзя терять время! Независимо от причинно-следственной связи, конечная цель всего этого очевидна: как потребители и производители, супруги и родители, лидеры и последователи, мы все подвергаемся постоянным, хотя и неуверенным, быстрым изменениям.

Мы видим эту скорость повсюду: будь то кризис, социальное недовольство, развитие и внедрение технологий, геополитические потрясения, финансовые рынки и, конечно же, проявление инфекционных заболеваний – всё сейчас работает в ускоренном режиме. В результате мы работаем в обществе (и в режиме) реального времени, и нас не покидает ощущение, что темп жизни постоянно увеличивается. Эта новая культура непосредственности, одержимая скоростью, проявляется во всех аспектах нашей жизни: от цепочек поставок "точно в срок" до "высокочастотной" торговли, от быстрых свиданий до фастфуда. Она настолько распространена, что некоторые эксперты называют это новое явление "диктатурой срочности". Она действительно может принимать крайние формы. Исследования, проведенные учеными из Microsoft, показывают, например, что достаточно замедлить работу сайта всего лишь на 250 миллисекунд (четверть секунды), чтобы он проиграл в посещаемости своим "более быстрым" конкурентам! Всеобъемлющим результатом является то, что срок жизни политики,

продукта или идеи, а также жизненный цикл лица, принимающего решения, или проекта резко и часто непредсказуемо сокращается.

Ничто не иллюстрирует это более ярко, чем бешеная скорость, с которой продвигался COVID-19 в марте 2020 года. Менее чем за месяц из водоворота, вызванного ошеломляющей скоростью, с которой пандемия охватила большую часть мира, казалось, возникла совершенно новая эра. Считалось, что начало вспышки произошло в Китае несколько раньше, но экспоненциальное глобальное развитие пандемии застало врасплох многих лиц, принимающих решения, и большую часть общественности, поскольку нам обычно трудно осознать значение экспоненциального роста. Если пандемия растет со скоростью 30% в день (как это было в середине марта в некоторых наиболее пострадавших странах), то зарегистрированные случаи заболевания (или смерти) удвоятся чуть более чем за два дня. Если он будет расти со скоростью 20%, это займет от четырех до пяти дней, а если со скоростью 10%, то чуть больше недели. Выражаясь иначе: на глобальном уровне COVID-19 потребовалось три месяца, чтобы достичь 100 000 случаев, 12 дней, чтобы удвоиться до 200 000 случаев, четыре дня, чтобы достичь 300 000 случаев, а затем 400 000 и 500 000 случаев были достигнуты за два дня. От этих цифр голова идет кругом - экстремальная скорость в действии! Экспоненциальный рост настолько озадачивает наши когнитивные функции, что мы часто справляемся с ним, развивая экспоненциальную "близорукость"⁷, считая его не более чем "очень быстрым". В известном эксперименте, проведенном в 1975 году, два психолога обнаружили, что, когда нам нужно предсказать экспоненциальный процесс, мы часто недооцениваем его в 10 раз⁸. Понимание этой динамики роста и силы экспоненты проясняет, почему скорость является такой проблемой и почему скорость вмешательства для сдерживания темпов роста так важна. Эрнест Хемингуэй понимал это. В его романе "Солнце тоже восходит" два героя ведут следующий разговор: "Как ты обанкротился?" спросил Билл. "Двумя способами", - ответил Майк. "Постепенно, а потом внезапно". То же самое, как правило, происходит и при больших системных сдвигах и сбоях в целом:

сначала все меняется постепенно, а потом – сразу. Того же следует ожидать и от макросброса.

Скорость не только принимает крайние формы, но и может порождать порочные эффекты. Например, "нетерпение", последствия которого можно наблюдать в поведении участников финансовых рынков (новые исследования показывают, что импульс торгуется на финансовых рынках).

Скорость также заставила многих наблюдателей установить ложную эквивалентность, сравнивая сезонный грипп с COVID-19. Это сравнение, неоднократно проводившееся в первые месяцы пандемии, вводило в заблуждение и было концептуально ошибочным. Давайте рассмотрим пример США, чтобы лучше понять роль скорости во всем этом. По данным Центров по контролю заболеваний (CDC), в зимний сезон 2019-2020 годов от 39 до 56 миллионов американцев заболели гриппом, от 24 000 до 62 000 человек умерли⁹. Для сравнения, по данным Университета Джона Хопкинса, на 24 июня 2020 года диагноз COVID-19 был поставлен более чем 2,3 миллионам человек, и почти 121 000 человек умерли¹⁰. Но на этом сравнение заканчивается; оно бессмысленно по двум причинам: 1) цифры по гриппу соответствуют предполагаемому общему бремени гриппа, в то время как цифры по COVID-19 – это подтвержденные случаи; и 2) сезонный грипп распространяется "мягкими" волнами в течение (до шести) месяцев равномерно, в то время как вирус COVID-19 распространяется как цунами в "горячих точках" (в нескольких городах и регионах, где он концентрируется) и при этом он может перегрузить и возможности здравоохранения, монополизируя больницы в ущерб пациентам, не зараженным COVID-19. Вторая причина – скорость распространения пандемии COVID-19 и внезапность возникновения кластеров – имеет решающее значение и делает сравнение с гриппом неуместным.

Скорость лежит в основе первой и второй причин: в подавляющем большинстве стран скорость, с которой развивалась эпидемия, не позволила иметь достаточные возможности для тестирования, а затем перегрузила многие национальные системы здравоохранения, приспособленные для

борьбы с предсказуемым, рецидивирующим и довольно медленным сезонным гриппом, но не со "сверхбыстрой" пандемией.

Еще одним важным и далеко идущим последствием скорости является то, что лица, принимающие решения, имеют больше информации и больше анализа, чем когда-либо прежде, но меньше времени для принятия решений. Для политиков и бизнес-лидеров необходимость получения стратегической перспективы все чаще сталкивается с повседневным давлением сиюминутных решений, что особенно очевидно в контексте пандемии и усиливается сложностью, как мы увидим в следующем разделе.

1.1.3. Сложность

В самой простой форме сложность можно определить как то, что мы не понимаем или находим трудным для понимания. Что касается сложной системы, то психолог Герберт Саймон определил ее как "систему, состоящую из большого количества частей, которые взаимодействуют не простым образом"¹¹. Сложные системы часто характеризуются отсутствием видимых причинно-следственных связей между их элементами, что делает их практически не предсказуемыми. В глубине души мы чувствуем, что чем сложнее система, тем больше вероятность того, что что-то может пойти не так, что может произойти и распространиться случайность или отклонение.

Сложность можно приблизительно измерить тремя факторами:

- 1) объем информации или количество компонентов в системе;
- 2) взаимосвязь - определяемая как динамика взаимной отзывчивости – между этими частями информации или компонентами;
- 3) эффект нелинейности (нелинейные элементы часто называют "переломными точками").

Нелинейность является ключевой характеристикой сложности, поскольку она означает, что изменение только одного компонента системы может привести к неожиданному и непропорциональному эффекту в другом месте"¹².

Именно по этой причине модели пандемии так часто дают широкий диапазон результатов: разница в предположениях относительно только одного компонента модели может резко повлиять на конечный результат. Когда мы слышим о "черных лебедях", "известных неизвестных" или "эффекте бабочки", речь идет о нелинейности; поэтому неудивительно, что мы часто ассоциируем сложность мира с "неожиданностями", "турбулентностью" и "неопределенностью". Например, в 2008 году сколько "экспертов" предполагали, что ипотечные ценные бумаги, выпущенные в США, приведут к краху банков по всему миру и в конечном итоге поставят глобальную финансовую систему на грань краха? А в первые недели 2020 года сколько лиц, принимающих решения, предвидели, насколько возможная пандемия разрушит одни из самых сложных систем здравоохранения в мире и нанесет такой серьезный ущерб мировой экономике?

Пандемия – это сложная адаптивная система, состоящая из множества различных компонентов или частей информации (таких разных, как биология или психология), на поведение которой влияют такие переменные, как роль компаний, экономическая политика, вмешательство правительства, политика в области здравоохранения или национальное управление. По этой причине ее можно и нужно рассматривать как "живую сеть", которая адаптируется к изменяющимся условиям – не что-то застывшее, а сложную и адаптивную систему взаимодействий. Она сложна, потому что представляет собой "кошачью колыбель" взаимозависимости и взаимосвязей, из которых она проистекает, и адаптивна в том смысле, что ее "поведение" определяется взаимодействием между узлами (организациями, людьми – нами!), которые могут стать запутанными и "неуправляемыми" во время стресса (приспособимся ли мы к нормам заключения? Будет ли большинство из нас - или нет – соблюдать правила? и т.д.). Управление (сдерживание, в данном конкретном случае) сложной адаптивной системой требует постоянного сотрудничества в режиме реального времени, но постоянно меняющегося сотрудничества между огромным количеством дисциплин, а также между различными областями внутри этих дисциплин. В качестве примера можно

привести широкий и слишком упрощенный пример: сдерживание пандемии коронавируса потребует глобальной сети наблюдения, способной выявлять новые вспышки, как только они возникают, лабораторий в разных точках мира, способных быстро анализировать новые штаммы вирусов и разрабатывать эффективные методы лечения, крупной IT-инфраструктуры, чтобы сообщества могли эффективно готовиться и реагировать, соответствующих и скоординированных политических механизмов для эффективной реализации решений после их принятия, и так далее. Важный момент заключается в следующем: каждый отдельный вид деятельности сам по себе необходим для борьбы с пандемией, но его недостаточно, если не рассматривать его в совокупности с другими. Из этого следует, что эта сложная адаптивная система больше, чем сумма ее частей. Ее эффективность зависит от того, насколько хорошо она работает в целом, и она сильна лишь настолько, насколько сильно ее самое слабое звено.

Многие эксперты ошибочно называют пандемию COVID-19 событием "черного лебедя" просто потому, что она обладает всеми признаками сложной адаптивной системы. Но на самом деле это событие - событие "белого лебедя", о котором ясно сказал Нассим Талеб в книге "Черный лебедь", опубликованной в 2007 году: то, что в конечном итоге произойдет с большой долей уверенности¹³. Действительно! На протяжении многих лет международные организации, такие как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), такие учреждения, как Всемирный экономический форум и Коалиция инноваций по обеспечению готовности к эпидемиям (CERI - создана на ежегодной встрече 2017 года в Давосе), и такие личности, как Билл Гейтс, предупреждали нас о следующем риске пандемии, даже уточняя, что она:

- 1) возникнет в густонаселенном месте, где экономическое развитие заставляет людей и диких животных объединяться;
- 2) будет распространяться быстро и бесшумно, используя сети человеческих путешествий и торговли;
- 3) охватит множество стран, препятствуя сдерживанию.

Как мы увидим в следующих главах, правильная характеристика пандемии и понимание ее особенностей жизненно важны, поскольку именно они лежали в основе различий в степени готовности. Многие азиатские страны отреагировали быстро, потому что они были готовы логистически и организационно (из-за произошедшей ранее пандемии атипичной пневмонии) и, таким образом, смогли уменьшить воздействие пандемии. Напротив, многие западные страны оказались неподготовленными и были опустошены пандемией - не случайно именно в них больше всего циркулировало ложное представление о "черном лебеде". Однако мы можем с уверенностью утверждать, что пандемия (событие с высокой вероятностью и большими последствиями, связанное с белым лебедем) спровоцирует множество событий с черным лебедем через эффекты второго, третьего, четвертого и более порядка. Трудно, если не невозможно, предвидеть, что может произойти в конце цепочки, когда эффекты множественного порядка и их последующие каскады последствий произойдут после того, как безработица подскочит, компании разорятся, а некоторые страны окажутся на грани краха. Ни один из этих факторов сам по себе не является непредсказуемым, но именно их склонность создавать идеальные штормы, когда они сочетаются с другими рисками, застанет нас врасплох. Подводя итог, можно сказать, что пандемия не является событием-«черным лебедем», но некоторые из ее последствий будут таковыми.

Фундаментальный момент заключается в следующем: сложность создает пределы нашего знания и понимания вещей; поэтому может случиться так, что сегодняшняя растущая сложность буквально перегружает возможности политиков в частности и лиц, принимающих решения в целом, принимать хорошо обоснованные решения. Один физик-теоретик, ставший главой государства (президент Армении Армен Саркисян), высказал эту мысль, когда придумал выражение "квантовая политика", объясняя, как классический мир постньютоновской физики – линейный, предсказуемый и в какой-то степени даже детерминированный – уступил место квантовому миру: очень взаимосвязанному и неопределенному, невероятно сложному и меняющемуся в зависимости от положения наблюдателя. Это выражение

напоминает о квантовой физике, которая объясняет, как всё работает, и является "лучшим описанием природы частиц, составляющих материю, и сил, с которыми они взаимодействуют"¹⁴. Пандемия COVID-19 обнажила этот квантовый мир.

1.2. Экономический сброс

1.2.1. Экономика COVID-19

Наша современная экономика радикально отличается от экономики прошлых веков. По сравнению с прошлым, она бесконечно более взаимосвязана, запутанна и сложна. Она характеризуется экспоненциальным ростом населения планеты, самолетами, которые соединяют любую точку в любом месте земного шара с другой точкой всего за несколько часов, в результате чего более миллиарда из нас ежегодно пересекают границы; вторжением людей в природу и среду обитания диких животных, вездесущими, разрастающимися мегаполисами, в которых миллионы людей живут бок о бок (часто без надлежащих санитарных условий и медицинского обслуживания). По сравнению с ландшафтом всего лишь нескольких десятилетий, не говоря уже о столетиях назад, сегодняшняя экономика просто не узнать. Тем не менее, некоторые экономические уроки, которые можно извлечь из исторических пандемий, актуальны и сегодня, чтобы помочь понять, что нас ждет впереди. Глобальная экономическая катастрофа, с которой мы сейчас сталкиваемся, является самой глубокой из зафиксированных с 1945 года; по своей скорости она не имеет аналогов в истории. Хотя она не сравнится с бедствиями и абсолютным экономическим отчаянием, которые пережили общества в прошлом, есть некоторые характерные черты, которые поразительно похожи. Когда в 1665 году за 18 месяцев последняя бубонная чума уничтожила четверть населения Лондона, Даниэль Дефо писал в "Дневнике чумного года"¹⁵ (опубликованном в 1722 году): "Все ремесла были остановлены, работа прекратилась: труд, а вместе с

ним и хлеб бедняков были отрезаны; и поначалу крики бедняков были очень горестны... тысячи из них оставались в Лондоне, пока ничто, кроме отчаяния, не заставило их уехать, смерть настигала их в пути, и они были ни чем иным, как вестниками смерти". Книга Дефо полна анекдотов, которые перекликаются с сегодняшней ситуацией: он рассказывает о том, как богатые бежали в деревню, "унося с собой смерть", и замечает, что бедные гораздо больше подвержены вспышке болезни, или описывает, как "шарлатаны и конюхи" продавали ложные лекарства¹⁶.

История предыдущих эпидемий снова и снова показывает, как пандемии используют торговые пути и столкновение интересов здравоохранения и экономики (что является экономической "аберрацией", как мы увидим всего через несколько страниц). Как описывает историк Саймон Шама:

В разгар бедствия экономика всегда вступала в противоречие с интересами здравоохранения.

Несмотря на то, что до появления понимания болезней, передающихся через микробы, чуму в основном приписывали "дурному воздуху" и вредным испарениям, которые, как говорили, исходили от застойных или загрязненных болот, все же существовало ощущение, что те самые торговые артерии, которые обеспечивали процветание, теперь превратились в переносчиков яда. Но когда предлагались или вводились карантинные (...), те, кто больше всего терял, купцы, а в некоторых местах ремесленники и рабочие, от остановки ярмарок, ярмарок и торговли, оказывали жесткое сопротивление. Должна ли экономика умереть, чтобы ее можно было воскресить в здоровом виде? Да, говорили блюстители общественного здоровья, которые стали частью городской жизни в Европе начиная с XV века¹⁷.

История показывает, что эпидемии были великим разрушителем экономики и социальной структуры стран. Почему с COVID-19 должно быть иначе? Фундаментальная работа о долгосрочных экономических последствиях крупных пандемий в истории показывает, что значительные макроэкономические последствия могут сохраняться в течение 40 лет, существенно снижая реальные нормы прибыли¹⁸. Это противоположно войнам, которые имеют обратный эффект: они уничтожают капитал, в то время как пандемии этого не делают – войны вызывают повышение реальных процентных ставок, что означает рост экономической активности, в то время как пандемии вызывают снижение реальных ставок, что означает вялую экономическую активность. Кроме того, потребители, как правило, реагируют на шок увеличением своих сбережений, либо из-за новых мер предосторожности, либо просто для замещения богатства, утраченного во время эпидемии. Что касается трудовых ресурсов, то здесь выигрыш будет получен за счет капитала, поскольку реальная заработная плата после пандемий обычно растет. Еще во время Черной смерти, свирепствовавшей в Европе с 1347 по 1351 год (и уничтожившей 40% населения Европы всего за несколько лет), рабочие впервые в жизни обнаружили, что власть изменить ситуацию находится в их руках. Едва прошел год после того, как эпидемия утихла, текстильщики в Сент-Омере (небольшом городе на севере Франции) потребовали и получили последовательное повышение заработной платы. Два года спустя многие рабочие гильдии договорились о сокращении рабочего дня и повышении заработной платы, иногда на треть больше, чем до эпидемии. Похожие, но менее экстремальные примеры других пандемий указывают на тот же вывод: труд (и человек труда) становится сильнее в ущерб капиталу. Сегодня это явление может усугубляться старением большей части населения во всем мире (Африка и Индия являются заметными исключениями), но такой сценарий сегодня рискует быть радикально измененным ростом автоматизации, к чему мы вернемся в разделе 1.6. В отличие от предыдущих пандемий, далеко не факт, что кризис

COVID-19 изменит баланс в пользу трудящихся и против капитала. По политическим и социальным причинам это может произойти, но технология изменит соотношение.

1.2.1.1. Неопределенность

Высокая степень неопределенности вокруг COVID-19 делает невероятно сложной точную оценку риска, который он представляет. Как и все новые риски, вызывающие страх, это порождает сильную социальную тревогу, которая влияет на экономическое поведение. В мировом научном сообществе сложился подавляющий консенсус – Цзинь Ци (Jin Qi , один из ведущих ученых Китая) был прав, когда в апреле 2020 года сказал: «Весьма вероятно, что это будет эпидемия, которая сосуществует с людьми в течение длительного времени, приобретает сезонный характер и поддерживается в человеческих телах»¹⁹.

С момента начала пандемии нас постоянно бомбардировали потоком данных, но в июне 2020 года, спустя примерно полгода после начала вспышки, наши знания все еще очень обрывочны, и в результате мы до сих пор не знаем, насколько опасен COVID-19. Несмотря на огромное количество научных работ, опубликованных по этому коронавирусу, коэффициент смертности от инфекции (т.е. количество случаев COVID-19, выявленное или нет, которые приводят к смерти) остается предметом споров (около 0,4%-0,5% и, возможно, до 1%). Соотношение невыявленных и подтвержденных случаев, скорость передачи инфекции от бессимптомных людей, эффект сезонности, продолжительность инкубационного периода, национальные показатели инфицированности – прогресс в понимании каждого из этих аспектов достигается, но они и многие другие элементы в значительной степени остаются "известными неизвестными". Для политиков и государственных чиновников этот преобладающий уровень неопределенности делает очень

трудным разработку правильной стратегии общественного здравоохранения и сопутствующей экономической стратегии.

Это не должно удивлять. Анн Римойн, профессор эпидемиологии Калифорнийского университета, признается: «Это новый вирус, новый для человечества, и никто не знает, что произойдет»²⁰. Такие обстоятельства требуют хорошей дозы смирения, потому что, по словам Питера Пиота (одного из ведущих мировых вирусологов): "Чем больше мы узнаем о коронавирусе, тем больше вопросов возникает"²¹. COVID-19 - мастер маскировки, проявляющийся с протеиновыми симптомами, которые ставят в тупик медицинское сообщество. В первую очередь это респираторное заболевание, но у небольшого, но значительного числа пациентов симптомы варьируются от воспаления сердца и проблем с пищеварением до поражения почек, образования тромбов и менингита. Кроме того, у многих выздоровевших людей остаются хронические проблемы с почками и сердцем, а также длительные неврологические последствия.

В условиях неопределенности имеет смысл прибегнуть к разработке возможных сценариев, чтобы лучше понять, что ждет нас впереди. Хорошо известно, что в случае с пандемией возможен широкий спектр потенциальных исходов, зависящих от непредвиденных событий и случайностей, однако выделяются три правдоподобных сценария. Каждый из них может помочь очертить контуры того, какими могут быть следующие два года.

Все эти три вероятных сценария²² основаны на предположении, что пандемия может продолжаться до 2022 года; таким образом, они могут помочь нам задуматься о том, что нас ждет впереди. В первом сценарии за первой волной, начавшейся в марте 2020 года, следует серия более мелких волн, которые возникают до середины 2020 года, а затем в течение одного-двух лет, постепенно уменьшаясь в 2021 году, подобно «пикам и спадам».

Возникновение и амплитуда этих пиков и долин различаются географически и зависят от конкретных мер по смягчению последствий. Во втором сценарии за первой волной следует более крупная волна, которая проходит в третьем или четвертом квартале 2020 года, и одна или несколько более мелких последующих волн в 2021 году (как во время пандемии испанского гриппа 1918-1919 годов). Этот сценарий требует повторного внедрения мер по предотвращению распространения инфекции примерно в четвертом квартале 2020 года, чтобы сдерживать распространение инфекции и предотвратить перегрузку систем здравоохранения. В третьем сценарии, который не наблюдался в прошлых пандемиях гриппа, но возможен для COVID-19, за первой волной 2020 года последует "медленное горение" продолжающейся передачи и возникновения случаев заболевания, но без четкого волнового паттерна, просто с меньшими подъемами и спадами. Как и в других сценариях, эта картина варьируется в географическом плане и в определенной степени определяется характером ранее принятых мер по смягчению последствий в каждой конкретной стране или регионе. Случаи заражения и смерти продолжают происходить, но не требуют восстановления мер по смягчению последствий.

Многие ученые, похоже, согласны с концепцией, предложенной этими тремя сценариями. Какому бы из трех сценариев ни следовала пандемия, все они означают, как прямо заявляют авторы, что политики должны быть готовы к тому, что «по крайней мере еще 18-24 месяца будет наблюдаться значительная активность COVID-19, а очаги будут периодически возникать в различных географических областях». Как мы будем утверждать далее, полноценное восстановление экономики не может произойти до тех пор, пока вирус не будет побежден или не останется в прошлом.

1.2.1.1. Экономическое заблуждение: пожертвовать несколькими жизнями ради спасения роста

На протяжении всей пандемии велись постоянные дебаты о том, что «спасение жизни против спасения экономики» – жизнь против средств к существованию. Это ложный компромисс. С экономической точки зрения, миф о необходимости выбора между общественным здравоохранением и снижением роста ВВП можно легко развенчать. Если оставить в стороне (немаловажный) этический вопрос о том, является ли жертвование некоторыми жизнями ради спасения экономики социал-дарвинистским предложением (или нет), то решение не спасать жизни не приведет к повышению экономического благосостояния.

Это объясняется двумя причинами:

1. Со стороны предположения что, если преждевременное ослабление различных повторных ограничений и правил социального дистанцирования приведет к ускорению распространения инфекции (а почти все ученые считают, что это произойдет), то больше служащих и рабочих станут инфицированными и больше предприятий просто перестанут функционировать. После начала пандемии в 2020 году справедливость этого аргумента была доказана в нескольких случаях. Они варьировались от заводов, которые были вынуждены прекратить работу из-за того, что слишком много работников заболело (в первую очередь это касается условий труда, вынуждающих работников находиться в непосредственной близости друг от друга, например, на мясоперерабатывающих предприятиях), до военных кораблей, севших на мель из-за того, что слишком много членов экипажа были инфицированы, что не позволяло судну нормально функционировать. Дополнительным фактором, негативно влияющим на предложение рабочей силы, является то, что во всем мире неоднократно наблюдались случаи, когда работники отказывались возвращаться на работу из-за страха заразиться. Во многих крупных компаниях сотрудники,

чувствовавшие себя уязвимыми перед болезнью, вызвали волну активизма, включая остановку работы.

2. Со стороны спроса аргументация сводится к самому основному и в то же время фундаментальному фактору, определяющему экономическую активность: настроениям. Поскольку потребительские настроения – это то, что действительно движет экономикой, возвращение к какому-либо виду "нормальной" ситуации произойдет только тогда, когда вернется уверенность, не раньше. Восприятие людьми безопасности определяет потребительские и деловые решения, а это значит, что устойчивое экономическое улучшение зависит от двух вещей: уверенности в том, что пандемия позади – без этого люди не будут потреблять и инвестировать – и доказательства того, что вирус побежден в глобальном масштабе – без этого люди не смогут чувствовать себя в безопасности сначала на местном уровне, а затем и за его пределами.

Логический вывод из этих двух пунктов таков: правительства должны сделать все необходимое и потратить все средства в интересах нашего здоровья и нашего коллективного благосостояния для устойчивого восстановления экономики. Как сказал один экономист и специалист по общественному здравоохранению: «Только спасение жизней спасет средства к существованию»²³, ясно давая понять, что только политические меры, ставящие здоровье людей во главу угла, позволят восстановить экономику, добавляя: «Если правительствам не удастся спасти жизни людей, люди, опасаясь вируса, не возобновят покупки, путешествия и ужины в ресторанах. Это будет препятствовать восстановлению экономики, независимо от того, будет ли локдаун или нет».

Только будущие данные и последующий анализ дадут неопровержимое доказательство того, что компромисса между здоровьем и экономикой не

существует. Тем не менее, некоторые американские данные, собранные на ранних стадиях возобновления работы в некоторых штатах, свидетельствуют о снижении расходов и числа работающих еще до закрытия предприятий²⁴. Как только люди начали беспокоиться о пандемии, они фактически начали "закрывать" экономику, даже до того, как правительство официально попросило их об этом. Аналогичное явление произошло и после того, как некоторые американские штаты решили (частично) возобновить работу: потребление оставалось на низком уровне. Это доказывает тот факт, что экономическая жизнь не может быть активизирована по мановению руки, но также иллюстрирует затруднительное положение, в котором оказалось большинство лиц, принимающих решения, когда им пришлось решать, возобновлять работу или нет. Экономический и социальный ущерб от локдауна очевиден для всех, в то время как успех в плане сдерживания вспышки и предотвращения смертей – необходимое условие для успешного открытия – более или менее незаметен. Здесь нет никакого общественного ликования, когда не происходит случая заболевания коронавирусом или смерти, что приводит к парадоксу политики общественного здравоохранения: "Когда все делаешь правильно, ничего не происходит". Именно поэтому задержка с закрытием или слишком раннее открытие всегда были таким сильным политическим соблазном. Однако впоследствии несколько исследований показали, что такой соблазн несет в себе значительный риск. Два исследования пришли к схожим выводам с помощью различных методологий, смоделировали то, что могло бы произойти без локдауна. Согласно одному из них, проведенному Имперским колледжем Лондона, широкомасштабные строгие меры изоляции, введенные в марте 2020 года, позволили избежать 3,1 миллиона смертей в 11 европейских странах (включая Великобританию, Испанию, Италию, Францию и Германию).²⁵ Согласно другому, проведенному Калифорнийским университетом в Беркли, в шести странах (Китай, Южная Корея, Италия, Иран, Франция и США) благодаря принятым мерам изоляции удалось избежать 530 миллионов

инфекций, что соответствует 62 миллионам подтвержденных случаев²⁶. Вывод прост: в странах, страдающих от зарегистрированных случаев COVID-19, которые на пике заболевания удваивались каждые два дня, у правительств не было другой разумной альтернативы, кроме как ввести строгие меры изоляции. Пробовать что-либо сделать иначе — значит игнорировать силу экспоненциального роста и значительный ущерб, который он может нанести в результате пандемии. Из-за чрезвычайной скорости распространения COVID-19 время и сила вмешательства были крайне важны.

1.2.1. Рост и занятость

До марта 2020 года никогда еще мировая экономика не останавливалась так резко и жестоко; никогда еще никто из живущих не сталкивался с экономическим коллапсом, столь драматичным и радикальным как по своей природе, так и по темпам.

Потрясение, которое пандемия нанесла мировой экономике, было более сильным и произошло гораздо быстрее, чем что-либо другое в описанной экономической истории. Даже во время Великой депрессии в начале 1930-х годов и Глобального финансового кризиса 2008 года потребовалось несколько лет, чтобы ВВП сократился на 10% и более, а уровень безработицы превысил 10%. В случае с пандемией макроэкономические результаты, подобные катастрофе, в частности, взрывной рост безработицы и падение темпов роста ВВП, произошли в марте 2020 года в течение всего трех недель. COVID-19 вызвал кризис спроса и предложения, который привел к самому глубокому падению мировой экономики за последние 100 лет. Как предупреждал экономист Кеннет Рогофф: «Все зависит от того, как долго это продлится, но если это будет продолжаться долго, то это определенно будет матерью всех финансовых кризисов»²⁷.

Продолжительность и острота спада, а также его последующий удар по росту и занятости зависят от трех вещей:

- 1) продолжительность и тяжесть вспышки;
- 2) успех каждой страны в сдерживании пандемии и смягчении ее последствий;
- 3) сплоченность каждого общества в отношении постконфликтных мер и различных стратегий открытия.

На момент написания книги (конец июня 2020 года) все три аспекта остаются неизвестными. Возникают новые волны вспышек (больших и малых), успехи стран в сдерживании вспышек могут либо затянуться, либо внезапно смениться новыми волнами, а сплоченность общества может быть нарушена новой экономической и социальной болью.

1.2.2.1. Экономический рост

В разные моменты с февраля по май 2020 года, пытаясь сдержать пандемию, правительства разных стран мира принимали взвешенное решение о закрытии большей части своих экономических систем. Этот беспрецедентный ход событий привел к фундаментальным изменениям в функционировании мировой экономики, ознаменовавшимся резким и непрошенным возвращением к форме относительной автаркии, когда каждая страна пытается перейти к определенным формам самообеспечения и сокращению национального и глобального производства. Последствия этих решений казались тем более драматичными, что они касались, прежде всего, сферы услуг - сектора, традиционно более невосприимчивого, чем другие отрасли (например, строительство или производство), к циклическим

колебаниям экономического роста. Следовательно, сектор услуг, представляющий собой крупнейший компонент экономической деятельности в любой развитой экономике (около 70% ВВП и более 80% занятости в США), больше всего пострадал от пандемии. Он также пострадал от другой отличительной особенности: в отличие от производства или сельского хозяйства, потерянные доходы в сфере услуг исчезают навсегда. Их нельзя отсрочить, поскольку компании сферы услуг не хранят товарно-материальные запасы и не запасают сырье.

Спустя несколько месяцев после начала пандемии кажется, что даже проблеск возможности возврата к «обычному ведению бизнеса» для большинства компаний сферы услуг немыслим, пока COVID-19 остается угрозой для нашего здоровья. Это в свою очередь говорит о том, что полное возвращение к нормальной жизни невозможно до появления вакцины. Когда это может произойти? По мнению большинства экспертов, это вряд ли произойдет раньше первого квартала 2021 года. В середине июня 2020 года уже проводилось более 135 испытаний, что является весьма хорошим темпом, учитывая, что в прошлом на разработку вакцины могло уйти до 10 лет (в случае с Эболой – пять), так что причина не в науке, а в производстве. Производство миллиардов доз представляет собой настоящую проблему, которая потребует масштабного расширения и перенаправления существующих мощностей. Следующим препятствием является политическая проблема вакцинации достаточного количества людей по всему миру (мы коллективно сильны настолько, насколько сильно самое слабое звено) с достаточно высоким уровнем соблюдения требований, несмотря на рост популярности идей антивакцинаторов. В промежуточные месяцы экономика не будет работать на полную мощность: это явление, зависящее от страны, получило название "экономика 80%". Компании в таких различных секторах, как туризм, гостиничный бизнес, розничная торговля, спорт и мероприятия, столкнутся со следующим тройным ударом:

- 1) уменьшение числа клиентов (которые в ответ на неопределенность будут менее склонными к риску);
- 2) те, кто потребляет, будут тратить в среднем меньше (из-за осторожной экономии);
- 3) транзакционные издержки будут выше (обслуживание одного клиента будет стоить дороже из-за мер по физическому устранению препятствий и санитарии).

Принимая во внимание критическую важность услуг для роста ВВП (чем богаче страна, тем большее значение имеют услуги для его роста), эта новая реальность 80%-ной экономики заставляет задуматься о том, будет ли возможное последовательное прекращение деловой активности в секторе услуг иметь долгосрочные последствия для экономики в целом грубые банкротства и потери рабочих мест, что в свою очередь заставляет задуматься о том, могут ли за этими возможными долгосрочными последствиями последовать крах спроса, поскольку люди теряют свои доходы и уверенность в будущем. Такой сценарий почти неизбежно приведет к обвалу инвестиций в бизнесе и резкому росту сбережений среди потребителей, что повлечет за собой последствия для всей мировой экономики в виде бегства капитала - быстрого и неопределенного перемещения больших сумм денег из страны, которое, как правило, усугубляет экономические кризисы.

По данным ОЭСР, немедленное ежегодное воздействие "отключения" экономики может привести к сокращению ВВП в странах "Большой семерки" на 20-30%²⁸. Но опять же, эта оценка зависит от продолжительности и серьезности вспышки в каждой стране: чем дольше длятся локдауны, тем больший структурный ущерб они наносят, оставляя неизгладимые шрамы в экономике в виде потери рабочих мест, банкротств и отмены капитальных

вложений. Как правило, каждый месяц, когда значительная часть экономики остается закрытой, годовой рост может снизиться еще на 2 процентных пункта. Но, как и следовало ожидать, зависимость между продолжительностью ограничительных мер и соответствующим влиянием на ВВП не является линейной. Голландское центральное бюро планирования обнаружило, что каждый дополнительный месяц сдерживания приводит к большему, непропорциональному ухудшению экономической активности. Согласно модели, полный месяц экономической "спячки" приведет к потере 1,2% голландского роста в 2020 году, а три месяца - к потере 5%²⁹.

Для регионов и стран, которые уже вышли из режима локдауна, еще слишком рано говорить о том, как будет развиваться рост их ВВП. В конце июня 2020 года некоторые V-образные графики показателей (например, индекс деловой активности в производственном секторе еврозоны – PMI) и некоторые анекдотические свидетельства породили более сильное, чем ожидалось, представление о восстановлении экономики, но нам не следует им увлекаться по двум причинам:

1. Заметное улучшение индексов PMI в еврозоне и США не означает, что экономика этих стран развернулась. Оно просто указывает на улучшение деловой активности по сравнению с предыдущими месяцами, что вполне естественно, поскольку значительный подъем активности должен следовать за периодом бездействия, вызванного жесткими ограничениями.

2. С точки зрения будущего роста, одним из наиболее значимых показателей, за которым необходимо следить, является норма сбережений. В апреле (разумеется, во время локдауна) норма личных сбережений в США поднялась до 33%, а в еврозоне норма сбережений домохозяйств (рассчитываемая иначе, чем норма личных сбережений в США) показала рост до 19%. Оба показателя значительно снизятся по мере возобновления работы экономик, но, вероятно,

недостаточно для того, чтобы эти показатели оставались на исторически высоких уровнях.

В своем «Обновлении перспектив развития мировой экономики», опубликованном в июне 2020 года, Международный валютный фонд (МВФ) предупредил о «кризисе, подобного которому не было» и «неопределенной возможности восстановления»³⁰. По сравнению с апрелем он пересмотрел свои прогнозы глобального роста в сторону понижения, ожидая, что мировой ВВП в 2020 году составит -4,9%, что почти на два процентных пункта ниже его предыдущей оценки.

1.2.2.2. Занятость

Эта пандемия сталкивает экономику с кризисом рынка труда гигантских масштабов. Разрушения настолько внезапны, что даже самые опытные политики почти потеряли дар речи (или, что еще хуже, почти лишились "политики"). В своих показаниях перед банковским комитетом Сената США 19 мая председатель Федеральной резервной системы Джером «Джей» Пауэлл признался: «Это стремительное падение экономической активности вызвало такой уровень боли, который трудно передать словами, поскольку жизни людей ломаются на фоне большой неуверенности в будущем»³¹. Всего за два месяца - март и апрель 2020 года - более 36 миллионов американцев потеряли работу, что свело на нет 10 лет роста занятости. В США, как и в других странах, временные увольнения, вызванные первичным закрытием предприятий, могут стать постоянными, причиняя сильную социальную боль (которую может смягчить только надежная система социальной защиты) и нанося серьезный структурный ущерб экономике стран.

Уровень глобальной безработицы в конечном итоге будет зависеть от глубины спада экономической активности, но двузначные цифры по всему

миру – это данность. В США, что является предвестником грядущих трудностей в других странах, по оценкам, официальный уровень безработицы может достичь пика в 25% в 2020 году – уровень, эквивалентный уровню Великой депрессии – и будет еще выше, если учесть скрытую безработицу (например, работников, которые не учитываются в официальной статистике, потому что они настолько обескуражены, что бросили работу и перестали ее искать, или работников с частичной занятостью, которые ищут работу на полный рабочий день). Особенно тяжелым будет положение работников сферы услуг. Положение работников, не имеющих официального трудоустройства, будет еще хуже.

Что касается роста ВВП, то масштабы и тяжесть ситуации с безработицей зависят от страны. Каждая страна будет затронута по-разному, в зависимости от экономической структуры и характера общественного договора, но США и Европа предлагают две радикально разные модели того, как эта проблема будет решаться политиками и что ждет нас в будущем.

По состоянию на июнь 2020 года рост уровня безработицы в США (до пандемии он составлял всего 3,5%) был намного выше, чем где-либо еще. В апреле 2020 года уровень безработицы в США вырос на 11,2 процентных пункта по сравнению с февралем, в то время как за тот же период в Германии он вырос менее чем на один процентный пункт. Такая разительная разница объясняется двумя причинами:

- 1) на рынке труда США существует культура "найма и увольнения", которой нет и которая часто запрещена законом в Европе;
- 2) с самого начала кризиса Европа ввела в действие фискальные меры, направленные на поддержку занятости.

В США государственная поддержка на данный момент (июнь 2020 года) была более масштабной, чем в Европе, но имела принципиально иную природу. Она предусматривает поддержку доходов тех, кто потерял работу, причем в отдельных случаях это приводит к тому, что перемещенные лица оказываются в лучшем положении, чем те, кто работал в период затишья до кризиса. В Европе, напротив, правительства решили напрямую поддерживать те предприятия, которые сохраняли формально "занятость" работников на их прежних рабочих местах, даже когда они уже не работали полный рабочий день или не работали вообще.

В Германии схема кратковременной занятости (называемая *Kurzarbeit* - модель, которую подражали другие страны) заменила до 60% заработка 10 миллионам работников, которые в противном случае потеряли бы работу, в то время как во Франции аналогичная схема также компенсировала аналогичное число работников, предоставляя им до 80% их прежней зарплаты. Многие другие европейские страны предложили аналогичные решения, без которых увольнения и сокращения были бы гораздо более серьезными. Эти меры по поддержке рынка труда сопровождаются другими чрезвычайными мерами правительства, такими, как предоставление неплатежеспособным компаниям возможности выиграть время. Во многих европейских странах, если компании смогут доказать, что их проблемы с ликвидностью были вызваны пандемией, им не придется подавать заявление о банкротстве до более позднего срока (возможно, до марта 2021 года в некоторых странах). Это имеет большой смысл, если восстановление пойдет полным ходом, но может оказаться, что такая политика лишь откладывает решение проблемы. В глобальном масштабе полное восстановление рынка труда может занять десятилетия, и в Европе, как и в других странах, существует страх перед массовыми банкротствами, за которыми последует массовая безработица.

В ближайшие месяцы ситуация с безработицей будет ухудшаться по той простой причине, что она не сможет значительно улучшиться до тех пор, пока не начнется устойчивое восстановление экономики. Это произойдет не раньше, чем будет найдена вакцина или лечение, а значит, многие люди будут испытывать двойную тревогу - по поводу потери работы и по поводу того, что они не смогут найти другую работу, если потеряют ее (что приведет к резкому увеличению нормы сбережений). В чуть более отдаленном времени (от нескольких месяцев до нескольких лет) две категории людей столкнутся с особенно мрачной ситуацией в сфере занятости: молодые люди, впервые выходящие на рынок труда, опустошенный пандемией, и работники, которых могут заменить роботы. Это фундаментальные вопросы на пересечении экономики, общества и технологий, имеющие определяющие последствия для будущего работы. Автоматизация, в частности, станет источником острой озабоченности. Экономические аргументы в пользу того, что технологии всегда оказывают положительный экономический эффект в долгосрочной перспективе, хорошо известны. Суть аргумента такова: автоматизация разрушительна, но она повышает производительность и увеличивает богатство, что, в свою очередь, ведет к росту спроса на товары и услуги и, следовательно, к появлению новых видов рабочих мест для удовлетворения этого спроса. Это верно, но что произойдет между сегодняшним днем и долгосрочной перспективой?

По всей вероятности, рецессия, вызванная пандемией, приведет к резкому росту замещения труда, то есть физический труд будет заменен роботами и "умными" машинами, что, в свою очередь, вызовет долгосрочные и структурные изменения на рынке труда. В главе, посвященной технологиям, мы более подробно проанализируем влияние пандемии на автоматизацию, но уже есть достаточно доказательств того, что она ускоряет темпы трансформации. Сектор колл-центров является ярким примером такой ситуации.

В допандемическую эпоху новые технологии на основе искусственного интеллекта (AI) постепенно внедрялись для автоматизации некоторых задач, выполняемых человеческими сотрудниками. Кризис COVID-19 и сопутствующие ему меры социального дистанцирования неожиданно ускорили этот процесс инноваций и технологических изменений. Быстро внедряются чат-боты, которые часто используют ту же технологию распознавания голоса, что и Alexa от Amazon, и другие программы, которые выполняют задачи, обычно выполняемые человеческими сотрудниками. Эти инновации, вызванные необходимостью (т.е. санитарными мерами), вскоре приведут к потере сотен тысяч, а в перспективе и миллионов рабочих мест...

Так как потребители еще некоторое время могут предпочитать автоматизированные услуги личному общению, ведёт к тому, что сейчас происходит с центрами обработки вызовов (коллцентрами), и это неизбежно произойдет в других секторах экономики. Таким образом, «беспокойство по поводу автоматизации» готовится к возрождению³², которое усугубится в связи с экономическим спадом. Процесс автоматизации никогда не бывает линейным; как правило, он происходит волнами и часто в тяжелые экономические времена, когда снижение доходов компаний приводит к относительному удорожанию рабочей силы. Это происходит, когда работодатели заменяют менее квалифицированных работников автоматизацией, чтобы повысить производительность труда³³. Больше всего пострадают работники с низким уровнем дохода, занятые на рутинных работах (в обрабатывающей промышленности и в сфере услуг, таких, как продукты питания и транспорт). Рынок труда будет все больше поляризован между высокооплачиваемой работой и множеством рабочих мест, которые исчезли или не очень хорошо оплачиваются, а потому не очень интересны. В странах с формирующимся рынком труда и развивающихся странах (особенно в странах с «молодежным демографическим пиком») технологии рискуют превратить «демографические дивиденды» в «демографический

кошмар», поскольку автоматизация значительно затруднит выход на эскалатор экономического роста.

Легко поддаться чрезмерному пессимизму, потому что нам, людям, гораздо легче представить себе то, что исчезает, чем то, что появится в будущем. Мы знаем и понимаем, что уровень безработицы в обозримом будущем будет расти во всем мире, но в ближайшие годы и десятилетия мы можем быть удивлены. Мы можем стать свидетелями беспрецедентной волны инноваций и креативности, вызванной новыми методами и средствами производства. Также может произойти глобальный взрыв сотен тысяч новых микроиндустрий, в которых, как мы надеемся, будут заняты сотни миллионов людей. Конечно, мы не можем знать, что нас ждет в будущем, но многое будет зависеть от траектории будущего экономического роста.

1.2.2.3. Как может выглядеть будущий рост

В эпоху после пандемии, согласно текущим прогнозам, новая экономическая "норма" может характеризоваться гораздо более низким уровнем, чем в прошлые десятилетия. В начале восстановления рост ВВП от квартала к кварталу может выглядеть впечатляющим (поскольку он начнется с очень низкой базы), но могут пройти годы, прежде чем общий размер экономики большинства стран вернется к уровню, существовавшему до пандемии. Это также связано с тем, что тяжесть экономического шока, вызванного коронавирусом, будет сочетаться с долгосрочной тенденцией: сокращением численности населения во многих странах и старением (демография – это "судьба" и важнейший фактор роста ВВП). В таких условиях, когда снижение темпов экономического роста кажется почти несомненным, многие люди могут задуматься о том, полезно ли вообще "задумываться" о росте, и прийти к выводу, что нет смысла гнаться за целью все более высокого роста ВВП.

Глубокие потрясения, вызванные COVID-19 во всем мире, дали обществу вынужденную паузу для размышлений о том, что действительно представляет ценность. Теперь, когда экономические меры чрезвычайного реагирования на пандемию приняты, можно воспользоваться возможностью для проведения таких институциональных изменений и выбора политики, которые выведут экономику на новый путь к более справедливому и экологичному будущему. История радикального переосмысления в годы после Второй мировой войны, включавшая создание Бреттон-Вудских институтов, Организации Объединенных Наций, ЕС и расширение государств всеобщего благосостояния, показывает масштабы возможных изменений.

В связи с этим возникают два вопроса:

- 1) Каким должен быть новый компас для отслеживания прогресса?
- 2) Какими будут новые движущие силы инклюзивной и устойчивой экономики?

Что касается первого вопроса, то изменение курса потребует изменения мышления мировых лидеров, чтобы они уделяли больше внимания и приоритета благополучию всех граждан и планеты. Исторически сложилось так, что национальная статистика собиралась главным образом для того, чтобы дать правительствам лучшее понимание доступных ресурсов для налогообложения и ведения войны. По мере укрепления демократии, в 1930-х годах сфера охвата национальной статистики была расширена, чтобы охватить экономическое благосостояние населения³⁴, но при этом в форме ВВП. Экономическое благосостояние стало эквивалентом текущего производства и потребления без учета наличия ресурсов в будущем. Чрезмерная зависимость политиков от ВВП как показателя экономического

процветания привела к нынешнему состоянию истощения природных и социальных ресурсов.

Какие еще элементы должна включать в себя усовершенствованный набор показателей для отслеживания прогресса? Во-первых, сам ВВП необходимо обновить, чтобы отразить стоимость, созданную в цифровой экономике, стоимость, созданную в результате неоплачиваемого труда, а также стоимость, потенциально уничтоженную в результате определенных видов экономической деятельности. Отсутствие стоимости, созданной в результате работы, выполняемой в домашнем хозяйстве, является давней проблемой, и исследовательские усилия по созданию системы подобных измерений должны получить новый импульс. Кроме того, по мере развития цифровой экономики разрыв между измеряемой деятельностью и фактической экономической деятельностью становится все более значительным. Более того, некоторые виды финансовых продуктов, которые благодаря включению в ВВП учитываются как создающие стоимость, просто перемещают стоимость из одного места в другое, а иногда даже разрушают ее.

Во-вторых, важен не только общий размер экономики, но и распределение доходов и прогрессивная эволюция доступа к возможностям. Поскольку во многих странах неравенство в доходах выражено как никогда, а технологическое развитие ведет к дальнейшей поляризации и увеличению неравенства, общий ВВП или средние показатели, такие как ВВП на душу населения, становятся все менее полезными в качестве истинных индикаторов качества жизни людей. Неравенство богатства является важным аспектом современной динамики неравенства и должно отслеживаться более систематически.

В-третьих, для оценки истинного здоровья экономики необходимо более тщательно измерять и отслеживать устойчивость, включая такие

определяющие производительность факторы, как социальные институты, инфраструктура, человеческий капитал и инновационные экосистемы, которые имеют решающее значение для общей прочности системы. Кроме того, необходимо системно отслеживать резервы капитала, которые страна может использовать во время кризиса, включая финансовый, физический, природный и социальный капитал. Несмотря на то, что природный и социальный капитал, в частности, трудно измерить, они имеют решающее значение для социальной сплоченности и экологической устойчивости страны, и важность их нельзя недооценивать. Современные академические усилия начинают решать проблему измерения показателей путем объединения источников данных государственного и частного секторов.

Реальные примеры смещения акцентов политиков становятся все более очевидными. Не случайно в 2019 году страна, вошедшая в первую десятку рейтинга World Happiness Report, представила "бюджет благополучия". Решение премьер-министра Новой Зеландии выделить деньги на социальные проблемы, такие как психическое здоровье, детская бедность и насилие в семье, сделало благополучие явной целью государственной политики. Тем самым премьер-министр Ардерн сделала политикой то, о чем все знали уже много лет: рост ВВП не гарантирует повышения уровня жизни и социального благосостояния.

Кроме того, ряд учреждений и организаций, от городов до Европейской комиссии, размышляют над вариантами, которые позволят поддерживать будущую экономическую деятельность на уровне, соответствующем удовлетворению наших материальных потребностей и бережному отношению к границам нашей планеты. Муниципалитет Амстердама - первый в мире, который официально принял на себя обязательства по использованию этой концепции в качестве отправной точки для принятия решений в области государственной политики в постпандемическом мире.

Рамки напоминают "пончик", в котором внутреннее кольцо представляет собой минимум, необходимый нам для хорошей жизни (как провозглашено в Целях устойчивого развития ООН), а внешнее кольцо – экологический потолок, определенный учеными земной системы (который подчеркивает границы, которые человеческая деятельность пересекать не должна, чтобы избежать экологически негативного воздействия на климат, почву, океаны, озоновый слой, пресную воду и биоразнообразие). Между этими двумя кольцами находится "сладкая точка" (или "тесто"), где удовлетворяются наши человеческие потребности и потребности планеты³⁵.

Мы еще не знаем, придет ли конец "тирании роста ВВП", но различные сигналы говорят о том, что пандемия может ускорить изменение многих укоренившихся социальных норм. Если мы коллективно признаем, что после определенного уровня благосостояния, определяемого ВВП на душу населения, счастье в большей степени зависит от таких нематериальных факторов, как доступное здравоохранение и прочная социальная структура, чем от материального потребления, то такие ценности, как бережное отношение к окружающей среде, ответственное питание, сочувствие или щедрость, могут укрепиться и постепенно стать характеристикой новых социальных норм.

Помимо непосредственно текущего кризиса, в последние годы роль экономического роста в повышении уровня жизни варьировалась в зависимости от контекста. В странах с высоким уровнем дохода рост производительности труда неуклонно снижается с 1970-х годов, и утверждается, что в настоящее время нет четких политических путей для возобновления долгосрочного роста³⁶. Кроме того, тот рост, который все же произошел, в непропорционально большой степени достался людям, находящимся в верхней части распределения доходов. Более эффективный подход может заключаться в том, чтобы политические деятели более

непосредственно направляли меры по повышению благосостояния населения³⁷. В странах с низким и средним уровнем дохода преимущества экономического роста позволили миллионам людей вырваться из бедности на крупных, развивающихся рынках. Варианты политики для повышения эффективности роста более известны (например, устранение основных диспропорций), однако необходимо найти новые подходы, поскольку модель развития, основанная на производстве, быстро теряет свою силу с приходом четвертой промышленной революции³⁸.

Отсюда вытекает второй ключевой вопрос, касающийся будущего роста. Если направление и качество экономического роста имеют такое же значение, как и его скорость, а может быть, даже большее, чем скорость, то каковы будут новые движущие силы этого качества в постпандемической экономике? Несколько областей могут предложить среду, способную стимулировать более инклюзивный и устойчивый динамизм.

Зеленая экономика охватывает целый ряд возможностей – от экологически чистой энергии до экотуризма и циркулярной экономики. Например, переход от подхода к производству и потреблению по принципу "взять – сделать – утилизировать" к модели, которая является "восстановительной и регенеративной по замыслу"³⁹, позволяет сохранить ресурсы и минимизировать отходы за счет повторного использования продукта по истечении срока его службы, создавая тем самым дополнительную ценность, которая, в свою очередь, может принести экономические выгоды, способствуя инновациям, созданию рабочих мест и, в конечном счете, росту. Компании и стратегии, отдающие предпочтение ремонтируемым товарам с более длительным сроком службы (от телефонов и автомобилей до моды), предлагающие даже бесплатный ремонт (например, одежда для активного отдыха Patagonia) и платформы для торговли подержанными товарами, быстро развиваются⁴⁰.

Социальная экономика охватывает и другие быстрорастущие и создающие новые рабочие места области – уход и персональные услуги, образование и здравоохранение. Инвестиции в уход за детьми, уход за престарелыми и другие элементы экономики ухода создадут 13 миллионов рабочих мест только в США и 21 миллион рабочих мест в семи странах, а также приведут к увеличению роста ВВП в исследуемых странах на 2%⁴¹. Образование также является областью массового создания рабочих мест, особенно если рассматривать вместе начальное и среднее образование, техническое и профессиональное образование и подготовку, университетское образование и обучение взрослых. Здравоохранение, как показала пандемия, требует гораздо больших инвестиций как в инфраструктуру и инновации, так и в человеческий капитал. Эти три области создают мультипликативный эффект как за счет собственного потенциала занятости, так и за счет долгосрочных преимуществ, которые они высвобождают в обществе с точки зрения равенства, социальной мобильности и инклюзивного роста.

Инновации в производстве, распределении и бизнес-моделях могут способствовать повышению эффективности и созданию новых или более совершенных продуктов, создающих более высокую добавленную стоимость, что ведет к появлению новых рабочих мест и экономическому процветанию. Таким образом, в распоряжении правительств есть инструменты для перехода к более инклюзивному и устойчивому процветанию, сочетая определение направлений и стимулы государственного сектора с коммерческим инновационным потенциалом путем фундаментального переосмысления рынков и их роли в нашей экономике и обществе. Для этого необходимо по-другому и целенаправленно инвестировать в пограничные рынки, о которых говорилось выше, в области, где рыночные силы могут оказать преобразующее воздействие на экономику и общество, но где некоторые необходимые предпосылки для функционирования еще отсутствуют (например, технические возможности для устойчивого производства

продукта или актива в масштабах страны еще недостаточны, стандарты не определены или правовая база еще не развита). Формирование правил и механизмов этих новых рынков может оказать преобразующее воздействие на экономику. Если правительства хотят перейти к новому и лучшему типу роста, у них есть возможность действовать уже сейчас, чтобы создать стимулы для инноваций и творчества в вышеупомянутых областях.

Некоторые призывают к "degrowth" («не-рост», «антирост», «деградация») – движению, которое поддерживает нулевой или даже отрицательный рост ВВП, которое набирает обороты (по крайней мере, в самых богатых странах). По мере того, как критика экономического роста выходит на первый план, финансовое и культурное доминирование потребительства в общественной и частной жизни будет пересмотрено⁴². Это становится очевидным при активизации движения за деградацию в некоторых нишевых сегментах - например, при выступлении за меньшее количество мяса в корзине продуктов питания или меньшее количество авиаперелетов на человека. Спровоцировав период принудительной деградации, пандемия вызвала новый интерес к этому движению, которое хочет обратить вспять темпы экономического роста. В результате более 1100 экспертов со всего мира выпустили манифест в мае 2020 года, выдвинув стратегию деградации для преодоления экономического и человеческого кризиса, вызванного COVID-19⁴³. Их открытое письмо призывает к принятию демократического "планового, но адаптивного, устойчивого и справедливого снижения масштабов экономики, ведущего к будущему, где мы сможем жить лучше с меньшими затратами".

Однако следует остерегаться того, что стремление к деградации окажется столь же бесцельным, как и стремление к росту! Наиболее дальновидные страны и их правительства вместо этого будут отдавать предпочтение более инклюзивному и устойчивому подходу к управлению и измерению своей экономики, который также будет способствовать росту рабочих мест,

повышению уровня жизни и сохранению планеты. Технология, позволяющая делать больше меньшими средствами, уже существует⁴⁴. Если мы примем этот более целостный и долгосрочный подход к определению прогресса и стимулированию инвестиций в "зеленые" и социальные передовые рынки, то не будет фундаментального компромисса между экономическими, социальными и экологическими факторами.

1.2.3. Фискальная и монетарная политика

Реакция фискальной и монетарной политики на пандемию была решительной, масштабной и быстрой.

В системообразующих странах центральные банки практически сразу после начала эпидемии приняли решение о снижении процентных ставок и запустили масштабные программы количественного смягчения, обязавшись печатать деньги, необходимые для поддержания низкой стоимости государственных займов. ФРС США обязалась покупать казначейские облигации и ипотечные ценные бумаги агентств, а Европейский центральный банк пообещал покупать любые инструменты, которые будут выпускать правительства (этот шаг позволил сократить разрыв в стоимости заимствований между более слабыми и более сильными членами еврозоны).

Одновременно с этим большинство правительств начали проводить амбициозную и беспрецедентную фискальную политику. Срочные и экспансивные меры были приняты в самом начале кризиса с тремя конкретными целями:

1) бороться с пандемией, расходуя столько средств, сколько необходимо для того, чтобы как можно быстрее взять ее под контроль (за счет производства тестов, оснащения больниц, исследований в области лекарств и вакцин и т.д.);

- 2) предоставить чрезвычайные средства домохозяйствам и фирмам, находящимся на грани банкротства и катастрофы;
- 3) поддержать совокупный спрос, чтобы экономика могла работать как можно ближе к потенциальному уровню⁴⁵.

Эти меры приведут к очень большим бюджетным дефицитам, с вероятным увеличением отношения долга к ВВП до 30% ВВП в богатых экономиках. На глобальном уровне совокупный стимул от государственных расходов, вероятно, превысит 20% от мирового ВВП в 2020 году, при значительных различиях между странами: от 33% в Германии до более чем 12% в США.

Такое расширение фискальных возможностей имеет кардинально разные последствия в зависимости от того, относится ли данная страна к развитым или развивающимся. Страны с высоким уровнем дохода имеют больше возможностей для фискальной политики, поскольку более высокий уровень долга должен оказаться устойчивым и повлечь за собой приемлемый уровень расходов на благосостояние будущих поколений по двум причинам:

- 1) обязательство центральных банков приобрести любое количество облигаций, необходимое для поддержания низких процентных ставок;
- 2) уверенность в том, что процентные ставки, вероятно, останутся низкими в обозримом будущем, поскольку неопределенность будет продолжать препятствовать частным инвестициям и оправдывать высокий уровень предварительных сбережений.

Вследствие этого, ситуация в странах с формирующейся и развивающейся экономикой не может быть более разительной. Большинство из них не располагают фискальным пространством, необходимым для реакции на

пандемический шок; они уже страдают от крупного оттока капитала и падения цен на товары широкого потребления, что обозначает, что их курс валюты пострадает, если они решат начать экспансионистскую фискальную политику. В этих обстоятельствах помощь в виде грантов и облегчения долгового бремени, а возможно, и полного моратория⁴⁶, будет не только необходима, но и крайне важна.

Это беспрецедентные программы для беспрецедентной ситуации, настолько новые, что экономист Кармен Рейнхарт назвала их «моментом, когда нужно проводить масштабную, нестандартную фискальную и монетарную политику»⁴⁷. Меры, которые казались бы немыслимыми до пандемии, вполне могут стать стандартными во всем мире, поскольку правительства пытаются предотвратить перерастание экономического спада в катастрофическую депрессию. Все чаще звучат призывы к правительству выступить в роли "плательщика последней инстанции"⁴⁸, чтобы предотвратить или остановить массовые увольнения и разрушение бизнеса, вызванные пандемией.

Все эти изменения меняют правила "игры" в экономике и денежно-кредитной политике. Искусственный барьер, делающий монетарные и фискальные власти независимыми друг от друга, теперь разрушен, и центральные банкиры становятся (в относительной степени) подвластными избраным политикам. Теперь можно предположить, что в будущем правительство попытается использовать свое влияние на центральные банки для финансирования крупных государственных проектов, таких как инфраструктура или фонд «зеленых инвестиций». Аналогичным образом, представление о том, что правительство может вмешиваться для сохранения рабочих мест или доходов работников и защиты компаний от банкротства, может сохраниться и после завершения этой политики. Вполне вероятно, что общественное и политическое давление с целью сохранения таких схем будет сохраняться, даже когда ситуация улучшится. Одно из самых серьезных

опасений заключается в том, что такое неявное сотрудничество между фискальной и монетарной политикой ведет к неконтролируемой инфляции. Это связано с идеей о том, что политические деятели будут применять масштабные фискальные стимулы, которые будут полностью монетизированы, т.е. не будут финансироваться за счет стандартного государственного долга.

Именно здесь на помощь приходит современная монетарная теория (ММТ) и «вертолетные деньги»: при процентных ставках, висящих около нуля, центральные банки не могут стимулировать экономику классическими монетарными инструментами, то есть снижением процентных ставок - если только они не решат перейти к глубоко отрицательным процентным ставкам, что является проблематичным шагом, которому сопротивляется большинство центральных банков⁴⁹. Поэтому стимул должен исходить от увеличения фискального дефицита (это означает, что государственные расходы будут расти в то время, когда налоговые поступления снижаются). В самых простых возможных (и, в данном случае, упрощенных) терминах ММТ выглядит следующим образом: правительства выпускают некоторое долговое обязательство, которое покупает центральный банк. Если он никогда не продает его обратно, это приравнивается к монетарному финансированию: дефицит монетизируется (центральный банк покупает облигации, которые выпускает правительство), и правительство может использовать деньги по своему усмотрению. Например, оно может, образно говоря, сбрасывать их с вертолетов нуждающимся людям. Эта идея привлекательна и реализуема, но в ней заложена серьезная проблема социальных ожиданий и политического контроля: как только граждане поймут, что деньги можно найти на "волшебном денежном дереве", избранные политики окажутся под жестким и неустанным общественным давлением, требующим создавать все больше и больше, и тогда возникнет проблема инфляции.

1.2.3.1. Дефляция или инфляция?

С риском инфляции связаны два технических элемента, встроенных в проблему монетарного финансирования. Во-первых, решение о вечном количественном смягчении (т.е. о монетарном финансировании) не обязательно принимать, когда центральный банк покупает долговые обязательства, выпущенные правительством; его можно оставить на условное будущее, чтобы скрыть или обойти идею о том, что деньги "растут на деревьях". Во-вторых, инфляционное воздействие «вертолетных денег» не связано с тем, финансируется или не финансируется дефицит, а прямо пропорционально количеству задействованных денег. Номинальных ограничений на то, сколько денег может создать центральный банк, не существует, но есть разумные пределы того, сколько они захотят создать, чтобы добиться рефляции без риска слишком большой инфляции. В результате увеличение номинального ВВП будет разделено между эффектом реального выпуска и эффектом повышения уровня цен – этот баланс и его инфляционный характер будут зависеть от того, насколько жестко ограничено предложение, а значит, в конечном счете, от количества созданных денег. Центральные банкиры могут решить, что нет ничего страшного в инфляции на уровне 2% или 3%, и что 4-5% тоже вполне нормально, но им придется определить верхний предел, при котором инфляция становится разрушительной и вызывает реальную озабоченность. Задача будет заключаться в том, чтобы определить, на каком уровне инфляция становится коррозионной и вызывает навязчивое беспокойство у потребителей.

На данный момент одни опасаются дефляции, а другие беспокоятся об инфляции. Что скрывается за этими разнонаправленными опасениями за будущее? Те, кто опасается дефляции, указывают на разрушающийся рынок труда и падающие цены на сырьевые товары и задаются вопросом, как в таких условиях инфляция может в ближайшее время набрать обороты. Инфляционщики наблюдают за значительным увеличением балансов

центральных банков и дефицита бюджета и спрашивают, как это может в один прекрасный день не привести к инфляции, возможно, высокой инфляции и даже гиперинфляции. Они указывают на пример Германии после Первой мировой войны, которая раздула свой внутренний военный долг до гиперинфляции 1923 года, или Великобритании, которая с помощью небольшой инфляции размыла огромный долг (250%), доставшийся ей в наследство от Второй мировой войны. Эти люди признают, что в краткосрочной перспективе дефляция может быть большим риском, но утверждают, что инфляция в конечном итоге неизбежна, учитывая огромные и неизбежные объемы стимулирования.

На данном этапе трудно представить, как инфляция может усилиться в ближайшее время. Переориентация производственной деятельности может привести к появлению отдельных очагов инфляции, но они, скорее всего, останутся ограниченными. Сочетание мощных, долгосрочных, структурных тенденций, таких как старение и развитие технологий (обе эти тенденции являются дефляционными по своей природе), и исключительно высокого уровня безработицы, который будет сдерживать рост заработной платы в течение многих лет, оказывает сильное понижающее давление на инфляцию. В эпоху после пандемии высокий потребительский спрос маловероятен. Боль, причиняемая широко распространенной безработицей, снижение доходов широких слоев населения и неуверенность в завтрашнем дне, скорее всего, приведут к увеличению сбережений в целях предосторожности. Когда социальное дистанцирование в конечном итоге ослабнет, отложенный спрос может спровоцировать небольшой рост инфляции, но, скорее всего, он будет временным и поэтому не повлияет на инфляционные прогнозы. Оливье Бланшар, бывший главный экономист МВФ, считает, что инфляцию может вызвать только сочетание следующих трех элементов:

- 1) очень большое увеличение отношения долга к ВВП, большее, чем текущий прогноз в 20-30%;
- 2) очень большое увеличение нейтральной ставки (т.е. безопасной реальной ставки, необходимой для поддержания экономики на потенциальном уровне);
- 3) доминирование фискальной политики над монетарной⁵⁰.

Вероятность реализации каждого из этих элементов по отдельности уже низка, поэтому вероятность того, что эти три элемента будут реализованы одновременно – крайне низка (но не нулевая). Инвесторы в облигации думают одинаково. Конечно, ситуация может измениться, но в настоящий момент низкая разница в ставках между номинальными и индексированными на инфляцию облигациями рисует картину продолжающейся в лучшем случае очень низкой инфляции.

В ближайшие годы страны с высоким уровнем дохода вполне могут столкнуться с ситуацией, схожей с той, что сложилась в Японии за последние несколько десятилетий: структурно слабый спрос, очень низкая инфляция и сверхнизкие процентные ставки. Возможная "японизация" (богатого) мира часто изображается как безнадежное сочетание отсутствия роста, инфляции и невыносимого уровня долга. Это вводит в заблуждение. Когда данные корректируются с учетом демографических факторов, Япония показывает лучшие результаты, чем большинство других стран. Ее ВВП на душу населения высок и растет, а с 2007 года реальный ВВП на одного члена трудоспособного населения увеличивался быстрее, чем в любой другой стране G7. Естественно, для этого есть много специфических причин (очень высокий уровень социального капитала и доверия, а также рост производительности труда, превышающий средний показатель, и успешная абсорбция пожилых работников в рабочую силу), но это показывает, что

сокращение населения не обязательно приведет к экономическому забвению. Высокий уровень жизни и показатели благосостояния в Японии служат поучительным уроком того, что перед лицом экономических трудностей есть надежда.

1.2.3.2. Судьба доллара США

На протяжении десятилетий США пользовались "непомерной привилегией" сохранять за собой статус мирового валютного резерва, который долгое время был «преимуществом имперской мощи и экономическим эликсиром»⁵¹. В значительной степени американская мощь и процветание были построены и укреплены благодаря глобальному доверию к доллару и готовности клиентов за рубежом держать его, чаще всего в форме государственных облигаций США. Тот факт, что так много стран и иностранных институтов хотят держать доллары в качестве хранилища стоимости и инструмента обмена (для торговли), закрепил его статус мировой резервной валюты. Это позволило США дешево занимать за рубежом и пользоваться низкими процентными ставками внутри страны, что, в свою очередь, позволило американцам потреблять не по средствам. Это также сделало возможным крупный дефицит государственного бюджета США в последнее время, позволило США иметь значительный дефицит торгового баланса, снизило валютный риск и сделало финансовые рынки США более ликвидными. В основе статуса доллара США как резервной валюты лежит критический вопрос доверия: неамериканцы, владеющие долларами, верят, что США будут защищать как свои собственные интересы (разумно управляя своей экономикой), так и интересы остального мира в том, что касается доллара США (разумно управляя своей валютой, например, эффективно и быстро предоставляя долларовую ликвидность мировой финансовой системе).

В течение довольно долгого времени некоторые аналитики и политики рассматривали возможность постепенного прекращения доминирования доллара. Теперь они считают, что пандемия может стать тем катализатором, который докажет их правоту. Их аргументы двояки и касаются обеих сторон проблемы доверия.

С одной стороны (разумное управление экономикой), сомневающиеся в доминировании доллара указывают на неизбежное и резкое ухудшение финансового положения США. По их мнению, неустойчивый уровень долга в конечном итоге подорвет доверие к доллару США. Незадолго до пандемии расходы на оборону США, проценты по федеральному долгу, а также ежегодные выплаты на социальные нужды - Medicare, Medicaid и социальное обеспечение - составляли 112% от федеральных налоговых поступлений (против 95% в 2017 году). Этот неустойчивый путь усугубится в эпоху после пандемии и после спасения. Этот аргумент предполагает, что, в связи с этим должно произойти нечто серьезное: либо значительно снизится геополитическая роль, либо повысится налогообложение, либо и то, и другое, иначе растущий дефицит достигнет порога, за которым неамериканские инвесторы не захотят его финансировать. В конце концов, статус резервной валюты не может длиться дольше, чем уверенность иностранцев в способности держателя выполнять свои платежи.

С другой стороны (разумное управление долларом США в интересах остального мира), сомневающиеся в доминировании доллара указывают на несовместимость его статуса мировой резервной валюты с растущим экономическим национализмом внутри страны. Несмотря на то, что ФРС и Казначейство США эффективно управляют долларом и его влиятельной сетью по всему миру, скептики подчеркивают, что готовность администрации США использовать доллар в геополитических целях (например, наказывать

страны и компании, торгующие с Ираном или Северной Кореей) неизбежно подтолкнет держателей доллара к поиску альтернатив.

Существуют ли какие-либо жизнеспособные альтернативы? США остаются грозным мировым финансовым гегемоном (роль доллара в международных финансовых операциях гораздо выше, хотя и менее заметна, чем в международной торговле), но верно и то, что многие страны хотели бы бросить вызов глобальному господству доллара. В краткосрочной перспективе альтернатив нет. Китайский юань (RMB) может стать альтернативой, но только после того, как будет отменен жесткий контроль за движением капитала и юань превратится в валюту, определяемую рынком, что вряд ли произойдет в обозримом будущем. То же самое относится и к евро: он может стать вариантом, но только после того, как сомнения по поводу возможного распада еврозоны окончательно развеются, что опять же маловероятно в ближайшие несколько лет. Что касается глобальной виртуальной валюты, то ее пока не видно, но есть попытки запустить национальные цифровые валюты, которые могут даже в конечном итоге свергнуть господство доллара США. Самая значительная из них произошла в Китае в конце апреля 2020 года, когда в четырех крупных городах было проведено тестирование национальной цифровой валюты⁵². Эта страна на годы опередила остальной мир в разработке цифровой валюты в сочетании с мощными электронными платежными платформами; этот эксперимент ясно показывает, что существуют денежные системы, которые пытаются стать независимыми от американских посредников, двигаясь при этом в сторону большей цифровизации.

В конечном итоге, возможный конец главенства доллара США будет зависеть от того, что произойдет в США. Как сказал Генри Полсон, бывший министр финансов США: «Превосходство доллара начинается дома (...) - Соединенные Штаты должны поддерживать экономику, которая вызывает

доверие и уверенность во всем мире. Неспособность сделать это со временем поставит под угрозу положение доллара США»⁵³. В значительной степени глобальное доверие к США также зависит от геополитики и привлекательности их социальной модели. Непомерная привилегия тесно переплетается с глобальной мощностью, восприятием США как надежного партнера и их ролью в работе многосторонних институтов. «Если бы эта роль воспринималась как менее надежная, а гарантия безопасности - как менее железная, поскольку США отстраняются от глобальной геополитики в пользу более самостоятельной, ориентированной на внутренний мир политики, премия за безопасность, которой пользуется доллар США, могла бы уменьшиться», - предупреждают Барри Айхенгрин и представители Европейского центрального банка⁵⁴.

Вопросы и сомнения относительно будущего статуса доллара как мировой валюты являются хорошим напоминанием о том, что экономика не существует в изоляции. Эта реальность особенно сурова для развивающихся и бедных стран с чрезмерной задолженностью, которые сейчас не в состоянии погасить свои долги, часто деноминированные в долларах. Для них этот кризис приобретет огромные масштабы и потребуются годы, чтобы разобраться с ним, причем значительный экономический ущерб быстро перерастет в социальные и гуманитарные проблемы. Во всех этих странах кризис COVID-19 может положить конец постепенному процессу конвергенции, который должен был привести к сближению высокоразвитых стран и стран с формирующимся рынком или развивающихся стран. Это приведет к росту социальных и геополитических рисков – яркое напоминание о том, насколько сильно экономические риски пересекаются с социальными проблемами и геополитикой.

1.3. Социальный сброс

Исторически сложилось так, что пандемии проверяют общество на прочность; кризис 2020 года, вызванный COVID-19, не станет исключением. Сравнимые с экономикой, как мы только что видели, и геополитикой, как мы увидим в следующей главе, социальные потрясения, вызванные COVID-19, будут продолжаться годами, а возможно, и поколениями. Самое непосредственное и видимое воздействие заключается в том, что многие правительства будут взяты под контроль, причем гнев будет направлен на тех политиков и политических деятелей, которые оказались неадекватными или плохо подготовленными в плане их реакции на COVID-19. Как заметил Генри Киссинджер: «Нации скрепляются и процветают на вере в то, что их институты могут предвидеть бедствие, остановить его воздействие и восстановить стабильность». Когда пандемия COVID-19 закончится, институты многих стран будут восприниматься как потерпевшие неудачу⁵⁵. Это будет особенно верно для некоторых богатых стран, обладающих развитыми системами здравоохранения и сильными активами в области исследований, науки и инноваций, где граждане будут спрашивать, почему их власти так плохо справились с задачей по сравнению с другими. В этих странах может проявиться сама суть их социальной структуры и социально-экономической системы, и они будут осуждены как "настоящий" виновник, виновный в неспособности гарантировать экономическое и социальное благополучие для большинства граждан. В более бедных странах пандемия приведет к драматическим социальным издержкам. Она усугубит социальные проблемы, которые и так уже стоят перед ними – в частности, бедность, неравенство и коррупцию. В некоторых случаях это может привести к таким тяжелым последствиям, как социальная и общественная дезинтеграция ("социальная" относится к взаимодействию между отдельными людьми или группами людей, а "общественная" – это прилагательное, относящееся к обществу в целом).

Существуют ли какие-либо системные уроки, которые можно извлечь в отношении того, что сработало и не сработало в плане борьбы с пандемией? В какой степени реакция разных стран показывает некоторые внутренние сильные и слабые стороны конкретных обществ или систем управления? Некоторые страны, такие как Сингапур, Южная Корея и Дания (среди прочих), похоже, справились с ситуацией довольно успешно и, безусловно, лучше, чем большинство других. Другие, такие как Италия, Испания, США или Великобритания, по разным показателям, будь то подготовка, управление кризисом, связь с общественностью, количество подтвержденных случаев и смертей, а также различные другие показатели, похоже, не справились. Соседние страны, имеющие много общих характерных черт, такие как Франция и Германия, имели примерно эквивалентное количество подтвержденных случаев, но поразительно разное количество смертей от COVID-19. Чем, кроме различий в инфраструктуре здравоохранения, объясняются такие аномалии? Мы все еще сталкиваемся с множеством "неизвестных" причин того, почему COVID-19 поразил и распространился с особой вирулентностью в одних странах и регионах, а не в других. Однако в целом страны, которые оказались в лучшем положении, обладают следующими общими признаками:

- Они были "подготовлены" к тому, что предстояло (логистически и организационно).
- Они принимали быстрые и решительные меры.
- Они имеют экономически эффективную и инклюзивную систему здравоохранения.
- Это общества с высоким уровнем доверия, в которых граждане доверяют как руководству, так и предоставляемой им информации.

- Они, похоже, под давлением проявляют настоящее чувство солидарности, отдавая предпочтение общему благу перед индивидуальными стремлениями и потребностями.

За частичным исключением первого и второго атрибутов, которые являются более техническими (хотя техническая сторона имеет культурные элементы), все остальные можно отнести к категории "благоприятных" характеристик общества, доказывающих, что основные ценности инклюзивности, солидарности и доверия являются сильными определяющими элементами и важным вкладом в успех в сдерживании эпидемии.

Конечно, еще слишком рано с какой-либо степенью точности говорить о том, какую форму примет Сброс общества в разных странах, но некоторые ее широкие глобальные контуры уже можно очертить. Прежде всего, после пандемии наступит период массового перераспределения богатства от богатых к бедным и от капитала к труду. Во-вторых, COVID-19, вероятно, станет предсмертным звонком для неолиберализма – свода идей и политики, которые можно определить как предпочтение конкуренции солидарности, созидательного разрушения государственному вмешательству и экономического роста социальному обеспечению. В течение нескольких лет неолиберальная доктрина шла на убыль, многие комментаторы, бизнес-лидеры и политики все чаще осуждали ее "рыночный фетишизм", но COVID-19 произвел настоящий переворот. Не случайно две страны, которые в последние несколько лет с наибольшим рвением приняли политику неолиберализма – США и Великобритания – оказались в числе тех, кто понес наибольшие потери во время пандемии. Эти две сопутствующие силы – массовое перераспределение с одной стороны и отказ от неолиберальной политики с другой – окажут определяющее влияние на организацию наших обществ, начиная от того, как неравенство может подстегнуть социальные

волнения, и заканчивая усилением роли правительств и пересмотром социальных контрактов.

1.3.1. Неравенство

Одно из самых неверных клише о коронавирусе заключается в метафоре COVID-19 как "великого уравнилеля"⁵⁶. В действительности все обстоит совсем наоборот. COVID-19 усугубляет уже существовавшие условия неравенства везде и всегда. Как таковой, он не является "уравнилителем" ни в медицинском, ни в экономическом, ни в социальном, ни в психологическом плане. Пандемия в действительности является "великим неравенством"⁵⁷, которое усугубляет неравенство в доходах, богатстве и возможностях. Она обнажила для всех не только огромное количество экономически и социально уязвимых людей в мире, но и глубину и степень их уязвимости – явление, еще более распространенное в странах с плохо развитыми или несуществующими системами социальной защиты, слабыми семейными и социальными узами. Эта ситуация, конечно, сложилась еще до пандемии, но, как мы наблюдали в отношении других глобальных проблем, вирус подействовал как катализатор, заставив нас осознать и признать серьезность проблем, связанных с неравенством, от которых многие слишком долго отмахивались.

Первым эффектом пандемии стало усиление макропроблемы социального неравенства путем привлечения внимания к шокирующим различиям в степени риска, которому подвергаются разные социальные классы. В большинстве стран мира во время локдауна возникла приблизительная, хотя и показательная, картина. Она описывала дихотомию: представители высшего и среднего классов могли работать на дому и самостоятельно обучать своих детей, находясь в своих домах (начальных или, по возможности, средних, более отдаленные дома считались более безопасными), в то время как представители рабочего класса (те, у кого есть

работа) не находились дома и не следили за образованием своих детей, а работали на передовой, помогая спасать жизни (прямо или нет) и экономик – убирали больницы, обслуживали кассы, перевозили предметы первой необходимости и обеспечивали нашу безопасность. В случае с такой высокоразвитой экономикой услуг, как в США, примерно треть всех рабочих мест может выполняться из дома или но, со значительными расхождениями, которые сильно коррелируют с заработком по секторам. Более 75% американских работников финансовой и страховой сферы могут выполнять свою работу удаленно, в то время как только 3% гораздо менее оплачиваемых работников пищевой промышленности могут это делать.⁵⁸ В разгар пандемии (середина апреля) большинство новых случаев заражения и количество смертей сделали как никогда ясным, что COVID-19 далеко не является "великим уравниателем" или "выравнивателем", о котором так много говорили в начале пандемии. Вместо этого быстро выяснилось, что в том, как вирус выполнял свою смертоносную работу, не было ничего справедливого и беспристрастного.

В США COVID-19 нанес непропорционально большой урон афроамериканцам, людям с низким уровнем дохода и уязвимым группам населения, таким как бездомные. В штате Мичиган, где чернокожие составляют менее 15% населения, на чернокожих жителей приходится около 40% смертей от осложнений COVID-19. Тот факт, что COVID-19 так непропорционально сильно повлиял на черные общины, является простым отражением существующего неравенства. В Америке, как и во многих других странах, афроамериканцы беднее, чаще бывают безработными или неполностью занятыми и страдают от плохих жилищных и бытовых условий. В результате они чаще страдают от уже имеющихся заболеваний, таких как ожирение, болезни сердца или диабет, которые делают COVID-19 особенно смертельно опасным.

Вторым следствием пандемии и последовавшего за ней состояния изоляции стало обнажение глубокого несоответствия между сущностной природой, врожденной ценностью выполненной работы и экономическим вознаграждением за нее. Другими словами: мы меньше всего ценим в экономическом плане тех людей, в которых общество нуждается больше всего. Отрезвляющая правда заключается в том, что герои непосредственного кризиса COVID-19, те, кто (рискуя собой) заботился о больных и поддерживал экономику, являются одними из самых низкооплачиваемых профессионалов - медсестры, уборщицы, водители, работники на пищевых производствах, сотрудники домов престарелых, работники на складах и т.д.. Их вклад в экономическое и общественное благосостояние, конечно, признается меньше всего. Это явление носит глобальный характер, но особенно ярко проявляется в англосаксонских странах, где бедность сочетается с неустойчивостью. Граждане из этой группы не только хуже всех оплачиваются, но и больше всех рискуют потерять работу. В Великобритании, например, значительное большинство (почти 60%) работников по уходу за больными, работают по "нулевым часовым контрактам", что означает отсутствие гарантированных регулярных часов и, как следствие, отсутствие уверенности в постоянном доходе. Аналогичным образом, работники пищевых фабрик часто работают по временным трудовым договорам с меньшими правами, чем обычно, и без каких-либо гарантий. Что касается водителей доставки, то в большинстве случаев они относятся к категории самозанятых, им платят за "точку" и не оплачивают больничные или отпускные – реальность, остро показанная в последней работе Кена Лоуча "Извините, мы соскучились". В фильме, который иллюстрирует драматическую степень, в которой эти работники всегда находятся всего в одном несчастном случае от физического, эмоционального или экономического краха, с каскадными последствиями, усугубляемыми стрессом и тревогой.

В эпоху после пандемии социальное неравенство увеличится или уменьшится? Многие анекдотические данные свидетельствуют о том, что, по крайней мере в краткосрочной перспективе, неравенство, скорее всего, увеличится. Как уже говорилось ранее, люди без доходов или с низкими доходами страдают от пандемии непропорционально сильно: они более подвержены хроническим заболеваниям и иммунодефициту, и поэтому у них больше шансов заразиться COVID-19 и пострадать от тяжелых инфекций. Это будет продолжаться и в последующие месяцы после вспышки. Как и в случае с предыдущими пандемиями, такими как чума, не все получают одинаковую пользу от медицинского лечения и вакцин. Особенно в США, как заметил Ангус Дитон, нобелевский лауреат, написавший в соавторстве с Энн Кейс книгу «Смерть от отчаяния и будущее капитализма»: «производители лекарств и больницы станут могущественнее и богаче, чем когда-либо»⁵⁹, в ущерб беднейшим слоям населения. Кроме того, ультра-аккомодативная денежно-кредитная политика, проводимая во всем мире, усилит неравенство в благосостоянии за счет роста цен на активы, особенно на финансовых рынках и в сфере недвижимости.

Однако, выходя за рамки ближайшего будущего, эта тенденция может измениться и спровоцировать обратный процесс - уменьшение неравенства. Как это может произойти? Может случиться так, что достаточное количество людей будет возмущено вопиющей несправедливостью преференциального режима, которым пользуются исключительно богатые, и это вызовет широкий общественный резонанс. В США большинство или очень активное меньшинство может потребовать национального или общественного контроля над здравоохранением, а в Европе недофинансирование системы здравоохранения перестанет быть политически приемлемым. Возможно также, что пандемия заставит нас переосмыслить профессии, которые мы действительно ценим, и заставит нас пересмотреть способы их коллективного вознаграждения. Примет ли общество в будущем, что звездный менеджер

хедж-фонда, специализирующийся на коротких продажах (чей вклад в экономическое и социальное благополучие в лучшем случае сомнителен), может получать миллионные годовые доходы, в то время как медсестра (чей вклад в социальное благополучие неоспорим) зарабатывает бесконечно малую часть этой суммы? В таком оптимистичном сценарии, когда мы все больше признаем, что многие работники на низкооплачиваемых и небезопасных рабочих местах играют важную роль в нашем коллективном благосостоянии, политика будет направлена на улучшение условий труда и вознаграждения. Повышение заработной платы последует, даже если оно будет сопровождаться снижением прибыли компаний или ростом цен; будет оказано сильное социальное и политическое давление, чтобы заменить ненадежные контракты и лазейки для эксплуатации постоянными должностями и лучшей подготовкой. Таким образом, неравенство может уменьшиться, но, если верить истории, этот оптимистичный сценарий вряд ли будет реализован без массовых социальных потрясений..

1.3.2. Социальные волнения

Одной из самых серьезных опасностей, с которыми сталкивается постпандемическая эпоха, являются социальные волнения. В некоторых крайних случаях это может привести к дезинтеграции общества и политическому коллапсу. Бесчисленные исследования, статьи и предупреждения подчеркивают этот конкретный риск, основываясь на очевидном наблюдении: когда у людей нет работы, нет дохода и нет перспектив на лучшую жизнь, они часто прибегают к насилию. Следующая цитата отражает суть проблемы. Она относится к США, но ее выводы справедливы для большинства стран мира:

Те, кто остался без надежды, без работы и без имущества, могут легко ополчиться против тех, кто живет лучше. Уже сейчас около 30%

американцев имеют нулевое или отрицательное благосостояние. Если еще больше людей выйдут из нынешнего кризиса, не имея ни денег, ни работы, ни доступа к здравоохранению, и, если эти люди станут отчаявшимися и озлобленными, такие сцены, как недавний побег заключенных в Италии или мародерство, последовавшее за ураганом Катрина в Новом Орлеане в 2005 году, могут стать обычным явлением. Если правительствам придется прибегнуть к использованию военизированных или военных сил для подавления, например, беспорядков или нападений на собственность, общество может начать дезинтегрироваться⁶⁰.

Задолго до того, как пандемия охватила мир, во всем мире наблюдался рост социальных волнений, поэтому риск не нов, но он был усилен COVID-19. Существуют различные способы определения того, что является социальными волнениями, но за последние два года в мире произошло более 100 значительных антиправительственных протестов⁶¹, как в богатых, так и в бедных странах, от бунтов "желтых жилетов" во Франции до демонстраций против власти в таких странах, как Боливия, Иран и Судан. Большинство (из последних) были подавлены жестокими репрессиями, а многие впали в спячку (как и мировая экономика), когда правительства заставили свое население запереться по домам, чтобы сдержать пандемию. Но после снятия запрета собираться в группы и выходить на улицы трудно представить, что старые обиды и временно подавленное социальное недовольство не вспыхнут вновь, возможно, с новой силой. В эпоху после пандемии число безработных, обеспокоенных, несчастных, обиженных, больных и голодных резко возрастет. Личные трагедии будут накапливаться, вызывая гнев, негодование и отчаяние в различных социальных группах, включая безработных, бедных, мигрантов, заключенных, бездомных, всех тех, кто остался за бортом... Как все это давление может не закончиться извержением вулкана? Социальные явления часто имеют те же характеристики, что и пандемии, и, как уже

отмечалось на предыдущих страницах, переломные моменты в равной степени относятся и к тем, и к другим. Когда бедность, чувство бесправия и бессилия достигают определенной критической точки, разрушительные социальные действия часто становятся последним средством.

В первые дни кризиса выдающиеся личности выразили свою озабоченность и предупредили мир о растущем риске социальных потрясений. Якоб Валленберг, шведский промышленник, является одним из них. В марте 2020 года он писал: «Если кризис продлится долго, безработица может достигнуть 20-30 процентов, а экономика может сократиться на 20-30 процентов... Восстановления не будет. Будут социальные волнения. Будет насилие. Будут социально-экономические последствия: безработица драматических масштабов. Граждане будут столь же драматически страдать: некоторые умрут, другие будут чувствовать себя ужасно»⁶². Сейчас мы находимся за порогом того, что Валленберг считал "тревожным": во многих странах мира безработица превышает 20-30%, а экономика большинства стран сократилась во втором квартале 2020 года до уровня, который ранее считался тревожным. Как все это будет развиваться, где наиболее вероятно возникновение социальных волнений и в какой степени?

На момент написания этой книги COVID-19 уже запустил глобальную волну социальных волнений. Она началась в США с протестов Black Lives Matter после убийства Джорджа Флойда в конце мая 2020 года, но быстро распространилась по всему миру. COVID-19 был определяющим элементом: Смерть Джорджа Флойда стала искрой, зажегшей огонь социальных волнений, но условия, не скрываемые пандемией, в частности, расовое неравенство, которое она обнажила, и растущий уровень безработицы – стали тем топливом, которое усилило протесты и поддержало их. Каким образом? За последние шесть лет около 100 афроамериканцев погибли при задержании полицией, но для того, чтобы вызвать национальное восстание,

потребовалось убийство Джорджа Флойда. Поэтому не случайно, что эта вспышка гнева произошла во время пандемии, которая непропорционально сильно затронула афроамериканскую общину США (как указывалось ранее). В конце июня 2020 года уровень смертности, нанесенный COVID-19 чернокожим американцам, был в 2,4 раза выше, чем у белых американцев. Одновременно с этим занятость среди чернокожих американцев сокращалась под воздействием коронавирусного кризиса. Это не должно удивлять: экологический и социальный разрыв между афроамериканцами и белыми американцами настолько глубок, что почти по всем показателям черные работники находятся в неблагоприятном положении по сравнению с белыми⁶³. В мае 2020 года безработица среди афроамериканцев составляла 16,8% (по сравнению с 13,3% по стране) - очень высокий уровень, который способствует явлению, описанному социологами как "биографическая доступность"⁶⁴: отсутствие полной занятости, как правило, повышает уровень участия в общественных движениях. Мы не знаем, как будет развиваться движение Black Lives Matter и, если оно сохранится, какую форму оно примет. Однако, как показывают признаки, оно превращается в нечто более широкое, чем расовые проблемы. Протесты против системного расизма привели к более общим призывам к экономической справедливости и инклюзивности. Это логический переход к вопросам неравенства, рассмотренным в предыдущей подглаве, который также иллюстрирует, как риски взаимодействуют друг с другом и усиливают друг друга.

Важно подчеркнуть, что ни одна ситуация не является неизменной и что не существует "механических" триггеров для социальных волнений - они остаются выражением коллективной человеческой динамики и умонастроений, зависящих от множества факторов. В соответствии с понятиями взаимосвязанности и сложности, вспышки социальных волнений являются квинтэссенцией нелинейных событий, которые могут быть вызваны широким спектром политических, экономических, социальных,

технологических и экологических факторов. Они варьируются от таких разных вещей, как экономические потрясения, трудности, вызванные экстремальными погодными явлениями, расовая напряженность, нехватка продовольствия и даже чувство несправедливости. Все это и многое другое почти всегда взаимодействует друг с другом и создает каскадные эффекты. Поэтому конкретные ситуации беспорядков невозможно предсказать, но можно предвидеть. Какие страны наиболее восприимчивы? На первый взгляд, наиболее подвержены риску бедные страны, не имеющие систем социальной защиты, и богатые страны со слабыми системами социальной защиты, поскольку у них нет или меньше таких мер политики, как пособия по безработице, чтобы смягчить шок от потери дохода. По этой причине индивидуалистические общества, такие как США, могут быть более подвержены риску, чем европейские или азиатские страны, в которых либо больше чувства солидарности (как в Южной Европе), либо лучше социальная система помощи обездоленным (как в Северной Европе). Иногда эти два фактора объединяются. Такие страны, как Италия, например, обладают как сильной системой социальной защиты, так и сильным чувством солидарности (особенно в отношении поколений). Конфуцианство, распространенное во многих азиатских странах, ставит чувство долга и солидарность поколений выше индивидуальных прав; оно также придает большое значение мерам и правилам, которые приносят пользу обществу в целом. Все это, конечно, не означает, что европейские или азиатские страны застрахованы от социальных волнений. Это далеко не так! Как показало движение "желтых жилетов" во Франции, насильственные и продолжительные формы социальных волнений могут вспыхнуть даже в странах с надежной системой социальной защиты, но там, где социальные ожидания не оправдываются.

Социальные волнения негативно влияют как на экономическое, так и на социальное благосостояние, но важно подчеркнуть, что мы не бессильны перед лицом потенциальных социальных волнений по той простой причине,

что правительства и, в меньшей степени, компании и другие организации могут подготовиться к снижению риска, проводя правильную политику. Самой главной причиной социальных волнений является неравенство. Политические инструменты для борьбы с неприемлемым уровнем неравенства существуют, и они часто находятся в руках правительств.

1.3.3. Возвращение "большого" правительства

По словам Джона Миклтуэйта и Адриана Вулдриджа: «Пандемия COVID-19 снова сделала правительство важным. Не только снова могущественным (посмотрите на эти некогда могущественные компании, умоляющие о помощи), но и снова жизненно важным: очень важно, есть ли в вашей стране хорошая служба здравоохранения, компетентные чиновники и надежные финансы. Хорошее правительство – это разница между жизнью и смертью»⁶⁵.

Один из великих уроков последних пяти веков в Европе и Америке заключается в следующем: острые кризисы способствуют усилению власти государства. Так было всегда, и нет причин, почему с пандемией COVID-19 должно быть иначе. Историки указывают на тот факт, что рост финансовых ресурсов капиталистических стран, начиная с XVIII века, всегда был тесно связан с необходимостью ведения войн, особенно тех, которые происходили в отдаленных странах и требовали использования морского потенциала. Так было с Семилетней войной 1756-1763 годов, которую называют первой по-настоящему глобальной войной, в которой участвовали все великие державы Европы того времени. С тех пор ответы на крупные кризисы всегда еще больше укрепляли власть государства, начиная с налогообложения: «неотъемлемый и существенный атрибут суверенитета, принадлежащий по праву каждому независимому правительству»⁶⁶. Несколько примеров, иллюстрирующих этот тезис, убедительно показывают, что на этот раз, как и

в прошлом, налогообложение будет расти. Как и в прошлом, социальное обоснование и политическое оправдание этих увеличений будет основано на повествовании о "странах, находящихся в состоянии войны" (только на этот раз против невидимого врага).

В 1914 году верхняя ставка подоходного налога во Франции была нулевой; через год после окончания Первой мировой войны она составляла 50%. Канада ввела подоходный налог в 1917 году в качестве "временной" меры для финансирования войны, а затем резко расширила его во время Второй мировой войны, введя единый 20%-ный дополнительный налог, налагаемый на весь подоходный налог, выплачиваемый лицами, не являющимися корпорациями, и установив высокие предельные налоговые ставки (69%). После войны ставки снизились, но остались значительно выше, чем были до войны. Аналогичным образом, во время Второй мировой войны подоходный налог в Америке превратился из "классового налога" в "массовый налог", а число плательщиков выросло с 7 миллионов в 1940 году до 42 миллионов в 1945 году. Самыми прогрессивными налоговыми годами в истории США были 1944 и 1945, когда ставка в размере 94% применялась к любому доходу свыше 200 000 долларов (эквивалент 2,4 млн долларов в 2009 году). Такие максимальные ставки, которые часто называли конфискационными те, кому приходилось их платить, не опускались ниже 80% еще 20 лет. В конце Второй мировой войны многие другие страны приняли аналогичные и зачастую экстремальные налоговые меры. В Великобритании во время войны максимальная ставка подоходного налога выросла до необычайно ошеломляющих 99,25%⁶⁷.

Временами суверенная власть государства над налогами приводила к ощутимым социальным выгодам в различных областях, например, к созданию системы социального обеспечения. Однако эти масштабные переходы к чему-то совершенно "новому" всегда определялись как реакция

на сильное внешнее потрясение или угрозу такого потрясения. Вторая мировая война, например, привела к внедрению государственных систем социального обеспечения "от колыбели до могилы" в большинстве стран Европы. То же самое произошло и во время холодной войны: правительства капиталистических стран были настолько обеспокоены внутренним коммунистическим восстанием, что ввели в действие такую государственную модель, которая могла бы предотвратить его. Эта система, в которой государственные бюрократы управляли значительными частями экономики, от транспорта до энергетики, сохранялась вплоть до 1970-х годов.

Сегодня ситуация принципиально иная. За прошедшие десятилетия (в западном мире) роль государства значительно сократилась. Эта ситуация должна измениться, потому что трудно представить, как экзогенный шок такого масштаба, как тот, что был вызван COVID-19, может быть преодолен с помощью чисто рыночных решений. Уже сейчас, практически в одночасье, коронавирус сумел изменить представления о сложном и тонком балансе между частной и государственной сферами в пользу последней. Он показал, что социальное страхование эффективно и что перекладывание все большего количества обязанностей (таких как здравоохранение и образование) на частных лиц и рынки — может работать не в интересах общества. Удивительный и неожиданный поворот: идея, которая еще несколько лет назад была бы предана анафеме, о том, что правительство может способствовать общественному благу, в то время как безудержные экономики без контроля могут разрушить социальное благосостояние, теперь может стать нормой. На приборе, измеряющем взаимосвязь между правительством и рынками, стрелка решительно сдвинулась влево.

Впервые с тех пор, как Маргарет Тэтчер уловила дух эпохи, заявив, что "не существует такой вещи, как общество", правительства получают преимущество. Все, что произойдет в эпоху после пандемии, заставит нас

переосмыслить роль правительств. Вместо того чтобы просто исправлять провалы рынка, когда они возникают, они должны, как предлагает экономист Мариана Маццукато: "двигаться в направлении активного формирования и создания рынков, обеспечивающих устойчивый и инклюзивный рост. Они также должны обеспечить, чтобы партнерские отношения государства с бизнесом (с привлечением государственных средств) были обусловлены общественными интересами, а не прибылью"⁶⁸.

Как будет проявляться эта «расширенная роль» правительств? Значительный элемент нового «большого» правительства уже существует благодаря значительному усилению и квази-опосредованному контролю правительства над экономикой. Как подробно описано в главе 1, государственное вмешательство в экономику произошло очень быстро и в беспрецедентных масштабах. В апреле 2020 года, как раз когда пандемия начала охватывать мир, правительства по всему миру объявили о программах стимулирования экономики на сумму в несколько триллионов долларов, как будто почти одновременно были приняты восемь или девять планов Маршалла, чтобы поддержать основные потребности беднейших слоев населения, по возможности сохранить рабочие места и помочь бизнесу выжить. Центральные банки решили снизить ставки и обязались предоставить всю необходимую ликвидность, в то время как правительства начали расширять социальные выплаты, осуществлять прямые денежные переводы, выплачивать зарплаты, приостанавливать выплаты по кредитам, ипотеке и т.д. Только у правительств была власть, возможности и сфера влияния для принятия таких решений, без которых экономическое бедствие и полный социальный крах были бы преобладающими.

Заглядывая в будущее, правительства, с большой вероятностью, но с разной степенью интенсивности, решат, что в интересах общества необходимо переписать некоторые правила игры и надолго усилить свою роль. Как это

произошло в 1930-х годах в США, когда проблемы массовой безработицы и экономической незащищенности населения постепенно решались путем усиления роли государства, так и сегодня аналогичный курс действий, вероятно, будет характерен для обозримого будущего. Мы рассмотрим в других подразделах, в какой форме это произойдет (например, в следующем подразделе, посвященном новому общественному договору), но давайте здесь кратко обозначим некоторые наиболее важные моменты.

Страхование здоровья и страхование от безработицы придется либо создавать с нуля, либо укреплять там, где они уже существуют. Системы социальной защиты также должны быть укреплены - в англосаксонских обществах, наиболее «рыночно ориентированных»; расширенные пособия по безработице, больничные листы и многие другие социальные меры должны быть реализованы для смягчения последствий шока и впоследствии станут нормой. Во многих странах этому процессу будет способствовать активизация профсоюзов. Акционерная стоимость станет второстепенным фактором, выдвигая на первый план примат капитализма заинтересованных сторон («stakeholder capitalism» или «капитализм участия»). Финансиализация мира, получившая столь широкое распространение в последние годы, вероятно, пойдет вспять. Правительства, особенно в наиболее пострадавших от нее странах – США и Великобритании – будут вынуждены пересмотреть многие черты этой одержимости финансами. Они могут принять решение о широком спектре мер, от признания незаконным выкупа акций до запрета банкам стимулировать потребительскую задолженность. Общественный контроль за частными компаниями усилится, особенно (но не только) в отношении всех тех предприятий, что получили выгоду от государственных денег. Некоторые страны проведут национализацию, в то время как другие предпочтут брать доли в собственности таких предприятий или предоставлять кредиты. В целом, будет усилено регулирование по многим вопросам, таким как безопасность

работников или использование собственного, местного производства определенных товаров. Предприятия также будут привлечены к ответственности за социальные и экологические переломы и проблемы, от предприятий будут ожидать, что они станут частью решения этих проблем. Кроме того, правительства будут активно поощрять государственно-частное партнерство, чтобы частные компании активнее участвовали в снижении глобальных рисков. Независимо от деталей, роль государства будет возрастать и при этом существенно повлияет на методы ведения бизнеса. В той или иной степени руководителям предприятий во всех отраслях и во всех странах придется адаптироваться к более активному вмешательству государства. Будут активно проводиться исследования и разработки по поводу глобальных общественных благ, таких как здравоохранение или решение проблем изменения климата. Возрастет налогообложение, особенно для наиболее привилегированных слоев населения, поскольку правительствам придется укреплять свои возможности противодействия этим проблемам и они захотят вкладывать решение их более значительные средства. Как утверждает Джозеф Стиглиц:

Первым приоритетом является (...) обеспечение большего финансирования государственного сектора, особенно тех его частей, которые предназначены для защиты от множества рисков, с которыми сталкивается сложное общество, а также для финансирования достижений в области науки и высококачественного образования, от которых зависит наше будущее процветание. Это те области, в которых можно быстро создать продуктивные рабочие места – для исследователей, преподавателей и тех, кто помогает управлять институтами, которые их развивают. Даже выходя из этого кризиса, мы должны осознавать, что за углом наверняка скрывается еще один кризис. Мы не можем предсказать, как будет выглядеть следующий кризис - кроме того, что он будет отличаться от предыдущего⁶⁹.

Нигде это вторжение правительств, форма которого может быть доброкачественной или злокачественной в зависимости от страны и культуры, в которой оно происходит, не проявляется с большей силой, чем в пересмотре общественного договора.

1.3.4. Общественный договор

Почти неизбежно, что пандемия заставит многие сообщества по всему миру пересмотреть и переопределить условия своего социального договора. Мы уже упоминали о том, что COVID-19 действует как усилитель ранее существовавших условий, выдвигая на первый план давние проблемы, возникшие в результате глубоких структурных недостатков, которые никогда не решались должным образом. Этот диссонанс и возникающее сомнение в статус-кво находят свое выражение в громком призыве пересмотреть социальные договоры, которыми мы все более или менее связаны.

В широком смысле слова «общественный договор» означает (часто подразумеваемый) набор договоренностей и ожиданий, которые регулируют отношения между людьми и институтами государственной власти. Проще говоря, это "клей", который скрепляет общество; без него социальная ткань распадается. В течение десятилетий он медленно и почти незаметно развивался в направлении, которое заставляло отдельных людей брать на себя всё большую ответственность за свою жизнь и экономические результаты, что привело большую часть населения (наиболее очевидно в группах с низкими доходами) к выводу, что общественный договор в лучшем случае размывается, а в некоторых случаях и полностью разрушается. Кажущаяся иллюзия низкой инфляции или ее отсутствия является практическим и наглядным примером того, как эта эрозия проявляется в реальной жизни. В течение многих лет во всем мире темпы инфляции снижались для многих товаров и услуг, за исключением трех вещей, которые имеют наибольшее

значение для большинства из нас: жилье, здравоохранение и образование. Цены на все три вида услуг резко выросли, поглощая все большую часть располагаемых доходов, а в некоторых странах даже заставляя семьи влезать в долги, чтобы получить медицинскую помощь. Аналогичным образом, в допандемическую эпоху во многих странах расширились возможности трудоустройства, но рост уровня занятости часто совпадал со стагнацией доходов и трудовой поляризацией (work polarization). Такая ситуация в конечном итоге подрывала экономическое и социальное благосостояние значительного большинства людей, чьи доходы уже не могли гарантировать скромный достойный образ жизни (в том числе и среди представителей среднего класса в богатых странах). Сегодня фундаментальные причины, лежащие в основе утраты веры в наши социальные контракты, сводятся к проблемам неравенства, неэффективности большинства политик перераспределения, чувству отчуждения и маргинализации, а также общему ощущению несправедливости. Именно поэтому многие граждане стали заявлять о разрыве общественного договора, все более решительно выражая общую утрату доверия к государственным институтам и лидерам⁷⁰. В некоторых странах это всеобщее недовольство приняло форму мирных или насильственных демонстраций, в других - привело к победе на выборах популистских и экстремистских партий. Какую бы форму оно ни приняло, почти во всех случаях реакция истеблишмента оказалась неубедительной – он был плохо подготовлен к восстаниям и не имел идей или политических рычагов для решения проблемы. Несмотря на сложность, политические решения существуют, и в целом они заключаются в адаптации государства всеобщего благосостояния к современному миру путем расширения прав и возможностей людей и ответа на требования более справедливого общественного договора. За последние годы несколько международных организаций и аналитических центров адаптировались к этой новой реальности и сформулировали предложения о том, как ее реализовать. Пандемия станет поворотным моментом, ускорив этот переход. Она

выкристаллизовала проблему и сделала невозможным возврат к статус-кво, существовавшему до пандемии.

Какую форму может принять новый общественный договор? Не существует готовых моделей, потому что каждое потенциальное решение зависит от истории и культуры страны, к которой оно применяется. Неизбежно и понятно, что «хороший» общественный договор для Китая будет отличаться от договора для США, который, в свою очередь, не будет похож на договор Швеции или Нигерии. Однако все они могут иметь некоторые общие черты и принципы, абсолютная необходимость которых становится все более очевидной в связи с социальными и экономическими последствиями пандемического кризиса. Особенно выделяются два из них:

1. Более широкое, если не всеобщее, предоставление социальной помощи, социального страхования, здравоохранения и основных качественных услуг.
2. Движение в направлении усиления защиты работников и тех, кто в настоящее время наиболее уязвим (например, тех, кто занят в «гиг-экономике» (gig economy) и способствует ее развитию, в которой штатных работников заменяют независимые подрядчики и фрилансеры).

Часто говорят, что реакция страны на катастрофу говорит о ее сильных и слабых сторонах, и в первую очередь о "качестве" и прочности ее общественного договора. По мере того, как мы постепенно отходим от самых острых моментов кризиса и начинаем тщательно изучать, что было сделано правильно, а что нет, нам следует ожидать много душевных терзаний, которые, в конечном итоге, приведут к пересмотру условий нашего общественного договора. В странах, где были приняты недостаточно эффективные меры реагирования на пандемию, многие граждане начнут задавать критические вопросы, такие как: «Почему в разгар пандемии в моей

стране часто не хватало масок, респираторов и аппаратов искусственной вентиляции легких?», «Почему она не была должным образом подготовлена?», «Связано ли это с одержимостью краткосрочными перспективами?», «Почему мы так богаты в плане ВВП и так неэффективны в обеспечении хорошего здравоохранения для всех, кто в нем нуждается?», «Как может быть, что человек, который потратил более 10 лет на обучение, чтобы стать врачом, и чьи "результаты" в конце года измеряются в жизнях, получает вознаграждение, которое ничтожно мало по сравнению с вознаграждением трейдера или менеджера хедж-фонда?».

Кризис COVID-19 обнажил неадекватное состояние большинства национальных систем здравоохранения, как с точки зрения стоимости жизни пациентов, так и с точки зрения стоимости жизни медсестер и врачей. В богатых странах, где финансируемые за счет налогов службы здравоохранения долгое время страдали от нехватки ресурсов (наиболее яркий пример – Национальная служба здравоохранения Великобритании) из-за политической озабоченности ростом налогов, призывы к увеличению расходов (и, следовательно, повышению налогов) будут звучать все громче, поскольку растет понимание того, что "эффективное управление" не может компенсировать недостаточное инвестирование.

COVID-19 также выявил зияющие пробелы в большинстве систем социального обеспечения. На первый взгляд, страны, которые отреагировали наиболее всесторонним образом – это страны с развитой системой социального обеспечения, в первую очередь скандинавские страны. Для примера, уже в марте 2020 года Норвегия гарантировала 80% среднего дохода самозанятых работников (на основе налоговых деклараций за предыдущие три года), а Дания – 75%. С другой стороны, наиболее рыночно ориентированные страны играли в догонялки и проявляли нерешительность в вопросе защиты наиболее уязвимых сегментов рынка труда, в частности,

гиг-работников, независимых подрядчиков, фрилансеров и временных работников, чья занятость заключается в деятельности, приносящей доход вне традиционных взаимоотношений между работодателем и работником.

Важной темой, которая может оказать решающее влияние на новый общественный договор, является больничный лист. Экономисты, как правило, соглашались с тем, что отсутствие оплачиваемых больничных листов затрудняет сдерживание распространения эпидемии, по той простой причине, что, если работники лишены доступа к ним, они могут поддаться искушению или быть вынужденными выйти на работу, будучи инфицированными, и тем самым распространить болезнь. Это особенно актуально для работников с низким уровнем дохода и работников сферы обслуживания (эти вещи часто идут рука об руку). Когда в 2009-2010 годах произошла пандемия свиного гриппа (H1N1), по оценкам Американской ассоциации общественного здравоохранения, около 7 миллионов человек были инфицированы и еще 1 500 умерли, потому что заразные сотрудники не могли позволить себе не ходить на работу. Среди стран с богатой экономикой только в США существует система, которая оставляет на усмотрение работодателей решение о предоставлении оплачиваемого отпуска по болезни. В 2019 году почти четверть всех американских работников (около 40 миллионов человек, в основном занятых на низкооплачиваемых должностях) не воспользовались этим правом. В марте 2020 года, когда пандемия начала бушевать в США, президент Трамп подписал новый закон, который временно обязал работодателей предоставлять две недели отпуска по болезни плюс семейный отпуск с частичной оплатой, но только для работников, имеющих проблемы с уходом за детьми. Пока неясно, как это отразится на пересмотре общественного договора в США. В отличие от этого, почти все европейские страны требуют от работодателей предоставления оплачиваемого отпуска по болезни на различный срок, в течение которого работники также защищены от увольнения. Новые законы, принятые в начале пандемии, также

подразумевают, что государство будет компенсировать часть или всю зарплату людям, находящимся дома, включая тех, кто работает в гиг-экономике и фрилансеров. В Японии все работники имеют право на ежегодный оплачиваемый отпуск до 20 дней, в то время как в Китае они имеют право на оплату больничного листа в размере от 60% до 100% дневной заработной платы в течение любого периода болезни, при этом продолжительность больничного листа оговаривается в договоре или определяется между работником и работодателем. По мере продвижения вперед мы должны ожидать, что такие вопросы будут все больше и больше вторгаться в процесс переопределения нашего социального договора.

Еще один аспект, имеющий решающее значение для социального контракта в западных демократиях, касается свобод вообще и свободы в частности. В настоящее время растет опасение, что борьба с этой и будущими пандемиями приведет к созданию обществ постоянного наблюдения и контроля (*surveillance societies*). Более подробно этот вопрос рассматривается в главе о технологической перезагрузке, но достаточно сказать, что такое чрезвычайное положение может быть оправдано только тогда, когда угроза носит публичный, универсальный и экзистенциальный характер. Кроме того, политические теоретики часто подчеркивают, что чрезвычайные полномочия требуют санкции народа и должны быть ограничены во времени и пропорциях. С первой частью утверждения (публичная, всеобщая и экзистенциальная угроза) можно согласиться, но как насчет второй? Ожидайте, что это – станет важным компонентом будущих дискуссий о том, как должен выглядеть наш новый общественный договор.

Коллективное переосмысление условий нашего общественного договора – это эпохальная задача, которая связывает существенные вызовы настоящего момента с надеждами будущего. Как напомнил нам Генри Киссинджер: "Исторический вызов для лидеров состоит в том, чтобы справиться с

кризисом и одновременно построить будущее. Неудача может поджечь мир"⁷². Размышляя о контурах будущего общественного договора, мы на свой страх и риск игнорируем мнение молодого поколения, которому предстоит жить с этим договором. Их приверженность оному имеет решающее значение, поэтому, чтобы лучше понять, чего они хотят, мы должны не забывать слушать их. Это тем более важно, что молодое поколение, скорее всего, будет более радикальным, чем старшее, в изменении нашего общественного договора. Пандемия перевернула их жизнь, и целое поколение по всему миру столкнется с экономической и, зачастую, социальной незащищенностью, а миллионы людей должны будут вступить в ряды рабочей силы в разгар глубокой рецессии. Они навсегда оставят на себе эти шрамы. Кроме того, начало обучения в условиях дефицита – многие студенты имеют долги за образование – вероятно, будет иметь долгосрочные последствия. Уже сейчас миллениалы (по крайней мере, в западном мире) находятся в худшем положении, чем их родители, с точки зрения их заработка, активов и богатства. Вероятность того, что у них будет свой дом или дети, ниже, чем у их родителей. Теперь другое поколение (поколение Z) вступает в систему, которая, по его мнению, не справляется со своими задачами, и которая будет сталкиваться с давними проблемами, выявленными и усугубленными пандемией. Как сказал один из студентов колледжа, цитируемый в "Нью-Йорк Таймс": «У молодых людей есть глубокое желание радикальных перемен, потому что мы видим, что впереди нас ждет разрушенный путь»⁷³.

Как отреагирует это поколение? Предложением радикальных решений (и зачастую радикальных действий) в попытке предотвратить следующую катастрофу – будь то изменение климата или социальное неравенство. Скорее всего, оно будет требовать радикальной альтернативы нынешнему курсу, потому что его представители разочарованы и убеждены, что нынешняя система разрушена до невосстановимого состояния.

Молодежный активизм растет во всем мире⁷⁴, будучи революционизированным благодаря социальным медиа (being revolutionized by social media), которые увеличивают мобилизацию до такой степени, в какой раньше это было невозможно⁷⁵. Он принимает множество различных форм, начиная от неинституционализированного политического участия до демонстраций и протестов, и затрагивает такие разные вопросы, как изменение климата, экономические реформы, гендерное равенство и права ЛГБТК. Молодое поколение уверенно находится в авангарде социальных перемен. Нет сомнений в том, что именно оно станет катализатором перемен и источником решающего импульса для Великой перезагрузки.

1.4. Геополитический сброс

Связь между геополитикой и пандемиями взаимна. С одной стороны, хаотический конец многостороннего подхода, вакуум глобального управления и рост различных форм национализма⁷⁶ усложняют борьбу со вспышкой. Коронавирус распространяется по всему миру, не щадя никого, и одновременно геополитические линии разлома, разделяющие общества, побуждают многих лидеров сосредоточиться на национальных ответных мерах – ситуация, которая ограничивает коллективную эффективность и снижает способность искоренить пандемию. С другой стороны, пандемия явно усугубляет и ускоряет геополитические тенденции, которые были очевидны еще до начала кризиса. Каковы они были и каково нынешнее состояние геополитических дел?

Покойный экономист Жан-Пьер Леманн (преподавал в IMD в Лозанне) с большой проницательностью подытожил сегодняшнюю ситуацию, сказав: "Нет никакого нового глобального порядка, есть просто хаотический переход к неопределенности". Совсем недавно Кевин Радд, президент Института политики Азиатского общества и бывший премьер-министр Австралии,

выразил схожие чувства, беспокоясь, в частности, о «грядущей анархии, наступившей после COVID-19»: «Различные формы безудержного национализма приходят на смену порядку и сотрудничеству. Хаотичный характер национальных и глобальных реакций на пандемию, таким образом, служит предупреждением о том, что может произойти в еще более широком масштабе»⁷⁷. Все это складывалось годами, имея множество причин, которые пересекаются друг с другом, но определяющим элементом геополитической нестабильности является постепенное изменение баланса с Запада на Восток – переход, который создает стрессы и, в процессе, также порождает глобальный беспорядок. Это отражено в так называемой «ловушке Фукидида» – структурном стрессе, который неизбежно возникает, когда растущая держава, такая как Китай, соперничает с такой правящей державой, как США. Эта конфронтация будет источником глобального беспорядка и неопределенности в течение многих лет. Независимо от того, нравятся ли кому-то США или нет, их постепенное отступление (эквивалент «геополитического сужения», по выражению историка Нила Фергюсона) с международной арены неизбежно приведет к росту международной нестабильности. Все больше и больше стран, которые обычно полагались на глобальные общественные блага, предоставляемые «гегемоном» США (безопасность морских путей, борьба с международным терроризмом и т.д.), теперь будут вынуждены сами ухаживать за своими задними дворами. XXI век, скорее всего, будет эпохой без абсолютного гегемона, в течение которого ни одна держава не получит абсолютного господства – в результате власть и влияние будут перераспределяться хаотично и в некоторых случаях неохотно.

В этом запутанном новом мире, определяемом сдвигом к многополярности и интенсивной конкуренцией за влияние, конфликты или напряженность больше не будут определяться идеологией (за частичным и ограниченным исключением радикального ислама), а будут подстегиваться национализмом и борьбой за ресурсы. Если ни одна держава не сможет обеспечить порядок,

наш мир будет страдать от «дефицита глобального порядка». Если отдельные страны и международные организации не смогут найти решения для улучшения сотрудничества на глобальном уровне, мы рискуем вступить в «эпоху энтропии», когда ретрансляция, фрагментация, гнев и пристрастность будут все больше определять наш глобальный ландшафт, делая его менее понятным и более беспорядочным. Пандемический кризис одновременно обнажил и усугубил это печальное положение дел. Масштабы и последствия шока, который он вызвал, таковы, что теперь нельзя исключить ни одного экстремального сценария. Разрушение некоторых несостоятельных государств или нефтяных стран, возможный распад ЕС, разрыв отношений между Китаем и США, ведущий к войне: все эти и многие другие сценарии теперь стали правдоподобными (хотя, надеюсь, маловероятными).

На следующих страницах мы рассмотрим четыре основных вопроса, которые станут наиболее актуальными в постпандемическую эпоху и которые смешались друг с другом: эрозия глобализации, отсутствие глобального управления, растущее соперничество между США и Китаем, а также судьба хрупких и несостоятельных государств.

1.4.1. Глобализация и национализм

Глобализация – универсальное слово – это широкое и расплывчатое понятие, обозначающее глобальный обмен между странами товарами, услугами, людьми, капиталом, а теперь даже данными. Она помогла сотням миллионов людей вырваться из нищеты, но вот уже несколько лет она ставится под сомнение и даже начинает отступать. Как уже отмечалось ранее, современный мир взаимосвязан как никогда, но уже более десяти лет экономический и политический импульс, который послужил основанием и поддержкой для роста глобализации, ослабевает. Глобальные торговые переговоры, начавшиеся в начале 2000-х годов, не привели к достижению

соглашения, в то время как в тот же период политическая и общественная реакция против глобализации неуклонно набирала силу. В то время как социальные издержки, вызванные асимметричными эффектами глобализации, росли (особенно в плане безработицы в обрабатывающей промышленности в странах с высоким уровнем дохода), риски финансовой глобализации становились все более очевидными после Великого финансового кризиса, начавшегося в 2008 году. В совокупности они вызвали рост популистских и правых партий по всему миру (особенно на Западе), которые, придя к власти, часто уходят в национализм и продвигают изоляционистскую повестку дня – два понятия, противоречащих глобализации.

Мировая экономика настолько тесно переплетена, что невозможно положить конец глобализации. Однако ее можно замедлить и даже повернуть вспять. Мы ожидаем, что пандемия именно это и сделает. Она уже восстановила границы, усилив до крайности тенденции, которые уже проявлялись до того, как пандемия разразилась с полной силой в марте 2020 года (когда она стала действительно глобальной пандемией, не щадящей ни одну страну), такие как ужесточение пограничного контроля (в основном из-за опасений по поводу иммиграции) и усиление протекционизма (в основном из-за опасений по поводу глобализации). Ужесточение пограничного контроля с целью управления развитием пандемии имеет очевидный смысл, но риск того, что возрождение национального государства постепенно приведет к гораздо большему национализму, вполне реален, и эту реальность отражает "трилемма глобализации", предложенная Дани Родриком. В начале 2010-х годов, когда глобализация стала чувствительным политическим и социальным вопросом, экономист из Гарварда объяснил, почему она станет неизбежной жертвой в случае роста национализма. Трилемма предполагает, что три понятия – экономическая глобализация, политическая демократия и национальное государство – взаимно непримиримы, исходя из логики, что

только два из них могут эффективно сосуществовать в любой момент времени⁷⁸. Демократия и национальный суверенитет совместимы только при условии сдерживания глобализации. Напротив, если и национальное государство, и глобализация процветают, то демократия становится несостоятельной. А если и демократия, и глобализация расширяются, то для национального государства не остается места. Таким образом, из трех вариантов можно выбрать только два – в этом суть трилеммы. Европейский Союз часто используется в качестве примера, иллюстрирующего актуальность концептуальных рамок, предлагаемых трилеммой. Сочетание экономической интеграции (косвенное обозначение глобализации) и демократии подразумевает, что важные решения должны приниматься на наднациональном уровне, что так или иначе ослабляет суверенитет национального государства. В нынешних условиях "политическая трилемма" предполагает, что глобализацию необходимо сдерживать, если мы не хотим отказаться от национального суверенитета или демократии. Поэтому рост национализма делает отступление глобализации неизбежным в большей части мира – импульс, особенно заметный на Западе. Голосование за Brexit и избрание президента Трампа на протекционистской платформе – два знаковых события, свидетельствующих об отступлении Запада от глобализации. Последующие исследования не только подтвердили трилемму Родрика, но и показали, что отказ избирателей от глобализации является рациональной реакцией, когда экономика сильна, а неравенство велико⁷⁹.

В наиболее заметной форме прогрессирующая деглобализация произойдет в самом сердце ее "ядерного реактора": в глобальной цепи поставок, которая стала олицетворением глобализации. Как и почему это будет происходить? Сокращение или релокализация цепочек поставок будет поощряться:

1) предприятия, которые рассматривают это как меру снижения рисков, связанных с нарушением цепочки поставок (компромисс между устойчивостью и эффективностью);

2) политическое давление как справа, так и слева.

С 2008 года стремление к большей локализации производств прочно вошло в политическую повестку дня во многих странах (особенно на Западе), но теперь, в постпандемическую эпоху, оно будет ускорено. Справа против глобализации выступают протекционисты и "ястребы" национальной безопасности, которые набирали силу еще до начала пандемии. Теперь они будут создавать альянсы, а иногда и объединяться с другими политическими силами, которые увидят выгоду в принятии антиглобализационной повестки дня. Слева активисты и "зеленые" партии, которые уже клеймили позором авиаперелеты и требовали отказа от глобализации, получают поддержку благодаря положительному влиянию пандемии на окружающую среду (гораздо меньше выбросов углекислого газа, гораздо меньше загрязнения воздуха и воды). Даже без давления со стороны ультраправых и зеленых активистов многие правительства поймут, что некоторые ситуации торговой зависимости больше не являются политически приемлемыми. Как, например, администрация США может смириться с тем, что 97% антибиотиков, поставляемых в страну, поступают из Китая?⁸⁰

Процесс обращения глобализации вспять не произойдет в одночасье; сокращение цепочек поставок будет и очень сложным, и очень дорогостоящим. Например, тщательное и всеобъемлющее отделение от Китая потребует от компаний, делающих такой шаг, инвестиций в сотни миллиардов долларов в новые заводы, а от правительств – эквивалентных сумм для финансирования новой инфраструктуры, такой как аэропорты, транспортные коммуникации и жилье, для обслуживания перемещенных

цепочек поставок. Несмотря на то, что в некоторых случаях политическое желание отказаться от разделения может быть сильнее, чем реальная возможность сделать это, направление тенденции, тем не менее, очевидно. Правительство Японии сделало это очевидным, когда выделило 243 миллиарда из 108 триллионов японских иен на помощь японским компаниям в выводе их операций из Китая. Администрация США неоднократно намекала на аналогичные меры.

Наиболее вероятным результатом на континууме глобализации-не глобализации является промежуточное решение: регионализация. Успех Европейского союза как зоны свободной торговли или нового Регионального всеобъемлющего экономического партнерства в Азии (предлагаемое соглашение о свободной торговле между 10 странами, входящими в АСЕАН) являются важными примерами того, как регионализация вполне может стать новой смягченной версией глобализации.

Даже три государства, входящие в состав Северной Америки, сейчас больше торгуют друг с другом, чем с Китаем или Европой. Как отмечает Параг Кханна: «Регионализм явно преобладал над глобализмом еще до того, как пандемия выявила уязвимость нашей взаимозависимости на больших расстояниях»⁸¹. В течение многих лет, за частичным исключением прямой торговли между США и Китаем, глобализация (измеряемая обменом товарами) уже становилась больше внутрирегиональной, чем межрегиональной. Если в начале 1990-х годов Северная Америка поглощала 35% экспорта Восточной Азии, то сегодня эта доля снизилась до 20%, главным образом потому, что доля экспорта Восточной Азии самой себе растет с каждым годом – естественная ситуация, поскольку азиатские страны продвигаются вверх по цепочке создания стоимости, потребляя больше того, что они производят. В 2019 году, когда США и Китай развязали торговую войну, торговля США с Канадой и Мексикой выросла, а с Китаем упала. В то

же время объем торговли Китая с АСЕАН впервые вырос и превысил 300 млрд долларов. Короче говоря, деглобализация в форме большей регионализации уже происходит.

COVID-19 только ускорит это глобальное расхождение, поскольку Северная Америка, Европа и Азия все больше сосредотачиваются на региональной самодостаточности, а не на отдаленных и запутанных глобальных цепочках поставок, которые раньше олицетворяли суть глобализации. Какую форму это может принять? Это может напоминать последовательность событий, которые привели к окончанию предыдущего периода глобализации, но с региональным уклоном. Антиглобализация была сильна в преддверии 1914 года и до 1918 года, затем в 1920-е годы она была менее активна, но в 1930-е годы она вновь разгорелась в результате Великой депрессии, вызвав рост тарифных и нетарифных барьеров, которые разрушили многие предприятия и причинили много боли крупнейшим экономикам того времени. То же самое может произойти снова, при сильном импульсе к рещоризации (возврату? with a strong impulse to reshore), который распространяется не только на здравоохранение и сельское хозяйство, но и на большие категории нестратегических товаров. Как крайне правые, так и крайне левые воспользуются кризисом для продвижения протекционистской программы с более высокими барьерами на пути свободного движения средств производства и людей. Несколько опросов, проведенных в первые месяцы 2020 года, показали, что международные компании опасаются возвращения и усиления протекционизма в США, причем не только в сфере торговли, но и в области трансграничных слияний и поглощений и государственных закупок⁸². То, что происходит в США, неизбежно отразится в другие страны: другие страны с развитой экономикой введут дополнительные барьеры для торговли и инвестиций, игнорируя призывы экспертов и международных организаций воздержаться от протекционизма.

Этот мрачный сценарий не является неизбежным, но в ближайшие несколько лет следует ожидать, что напряженность между силами национализма и открытости будет проявляться в трех важнейших аспектах:

- 1) глобальные институты;
- 2) торговля;
- 3) движение капитала.

В последнее время глобальные институты и международные организации были либо ослаблены, как Всемирная торговая организация или ВОЗ, либо не справлялись с поставленной задачей, причем последнее объясняется скорее "недостаточным финансированием и чрезмерной управляемостью"⁸³, чем присущей им неадекватностью.

Глобальная торговля, как мы видели в предыдущей главе, почти наверняка будет сокращаться по мере того, как компании будут сокращать свою цепочку поставок и добиваться того, чтобы они больше не зависели от одной страны или предприятия за рубежом при поставке критически важных деталей и компонентов. В случае особо чувствительных отраслей (таких как фармацевтика или медицинские материалы) и секторов, представляющих интерес с точки зрения национальной безопасности (таких, как телекоммуникации или производство энергии), может даже происходить постоянный процесс деинтеграции. Это уже становится требованием в США, и будет удивительно, если такое отношение не распространится на другие страны и другие сектора. Геополитика также причиняет определенную экономическую боль через так называемое "вооружение торговли", вызывая страх среди глобальных компаний, что они больше не могут рассчитывать на

упорядоченное и предсказуемое разрешение торговых конфликтов с помощью международного правопорядка.

Что касается международных потоков капитала, то уже сейчас кажется очевидным, что национальные власти и общественное неповиновение будут сдерживать их. Как уже показали многие страны и регионы, такие разные, как Австралия, Индия или ЕС, протекционистские соображения будут все больше и больше присутствовать в постпандемическую эпоху. Меры будут варьироваться от покупки национальными правительствами долей в "стратегических" компаниях для предотвращения иностранного поглощения или введения различных ограничений на такое поглощение до утверждения правительством прямых иностранных инвестиций (ПИИ). Показательно, что в апреле 2020 года администрация США решила запретить государственному пенсионному фонду инвестировать в Китай.

В ближайшие годы, похоже, неизбежно произойдет некоторая деглобализация, подстегиваемая ростом национализма и большей международной фрагментацией. Бессмысленно пытаться восстановить прежний статус-кво («гиперглобализация» утратила весь свой политический и социальный капитал, и защищать ее политически уже невозможно), но важно ограничить негативные последствия возможного свободного падения, которое приведет к серьезному экономическому ущербу и социальным страданиям. Поспешное отступление от глобализации приведет к торговым и валютным войнам, которые нанесут ущерб экономике каждой страны, спровоцируют социальный хаос и вызовут этнический или клановый национализм. Создание гораздо более инклюзивной и справедливой формы глобализации, которая сделает ее устойчивой как в социальном, так и в экологическом плане, является единственным жизнеспособным вариантом управления таким отступлением. Для этого необходимы политические решения, рассмотренные в заключительной главе, и определенная форма

эффективного глобального управления. Прогресс действительно возможен в тех глобальных областях, которые традиционно выигрывают от международного сотрудничества, таких, как соглашения по охране окружающей среды, здравоохранение и налоговые убежища.

Этого можно добиться только путем совершенствования глобального управления – наиболее «естественного» и эффективного фактора, смягчающего протекционистские тенденции. Однако мы еще не знаем, как будут развиваться его рамки в обозримом будущем. В настоящее время есть тревожные признаки того, что оно движется в не самом правильном направлении. Нельзя терять время. Если мы не улучшим функционирование и легитимность наших глобальных институтов, мир скоро станет неуправляемым и очень опасным. Невозможно добиться прочного восстановления без глобальных стратегических рамок управления.

1.4.2. Глобальное управление

Глобальное управление обычно определяется как процесс сотрудничества между транснациональными субъектами, направленный на обеспечение ответов на глобальные проблемы (те, которые затрагивают более одного государства или региона). Оно включает в себя совокупность институтов, политики, норм, процедур и инициатив, с помощью которых национальные государства пытаются обеспечить большую предсказуемость и стабильность своих ответов на транснациональные вызовы. Из этого определения становится ясно, что любые глобальные усилия по решению любых глобальных вопросов или проблем будут беззубыми без сотрудничества национальных правительств и их способности действовать и принимать законы для поддержки своих целей. Национальные государства делают возможным глобальное управление (одно ведет за собой другое), вот почему ООН говорит, что "эффективное глобальное управление может быть

достигнуто только при эффективном международном сотрудничестве"⁸⁴. Два понятия – глобальное управление и международное сотрудничество – настолько взаимосвязаны, что практически невозможно, чтобы глобальное управление процветало в разделенном мире, который сокращается и дробится. Чем больше национализм и изоляционизм проникают в мировую политику, тем больше шансов, что глобальное управление потеряет свою актуальность и станет неэффективным. К сожалению, сейчас мы находимся на этом критическом этапе. Говоря прямо, мы живем в мире, в котором никто ни за что не отвечает.

COVID-19 напомнил нам, что самые большие проблемы, с которыми мы сталкиваемся, носят глобальный характер. Будь то пандемии, изменение климата, терроризм или международная торговля – все это глобальные проблемы, которые мы можем решать и риски которых могут быть снижены только коллективно. Но мир стал, по словам Яна Бреммера, миром GO, или, что еще хуже, миром G-minus-2 (США и Китай), по мнению индийского экономиста Арвинда Субра-маньяна⁸⁵ (чтобы объяснить отсутствие лидерства двух гигантов противостоянием G7, группе семи самых богатых стран – или G20 – G7 плюс 13 других значимых стран и организаций, которые должны быть лидерами). Все чаще и чаще крупные проблемы, стоящие перед нами, выходят из-под контроля даже самых могущественных национальных государств; риски и проблемы, которым необходимо противостоять, становятся все более глобализованными, взаимозависимыми и взаимосвязанными, в то время как возможности глобального управления, позволяющие решить эти проблемы, опасно ослабевают, находясь под угрозой возрождения национализма. Такая разобщенность означает не только то, что наиболее важные глобальные проблемы решаются крайне фрагментарно и, следовательно, неадекватно, но и то, что они фактически усугубляются из-за этой неспособности решать их должным образом. Таким образом, не оставаясь неизменными (с точки зрения риска, который они

представляют), они раздуваются и в конечном итоге усиливают системную хрупкость. Это показано на Рисунке 1, представленном на стр. 25; существует тесная взаимосвязь между провалом глобального управления, провалом климатических мер, провалом национальных правительств (с которыми это дополняет и самоподдерживающий эффект), социальной нестабильностью и, конечно, способностью успешно бороться с пандемиями. В двух словах, глобальное управление находится в узле всех этих проблем. Поэтому возникает опасение, что без надлежащего глобального управления мы окажемся парализованными в наших попытках решать и реагировать на глобальные вызовы, особенно когда существует такой сильный диссонанс между краткосрочными внутренними императивами и долгосрочными глобальными вызовами. Это вызывает серьезное беспокойство, учитывая, что сегодня не существует «комитета по спасению мира» (это выражение было использовано более 20 лет назад, в разгар азиатского финансового кризиса). Продолжая это высказывание, можно даже утверждать, что «общий институциональный упадок», который Фукуяма описывает в книге «Политический порядок и политический упадок»⁸⁶, усиливает проблемы мира, лишённого глобального управления. Это приводит в движение порочный круг, в котором национальные государства плохо справляются с основными проблемами, стоящими перед ними, что затем подпитывает недоверие общества к государству, что, в свою очередь, приводит к тому, что государство лишается власти и ресурсов, что, в свою очередь, приводит к еще более низкой эффективности, неспособности или нежеланию решать вопросы глобального управления.

COVID-19 показывает нам именно такую историю неудачного глобального управления. С самого начала вакуум в глобальном управлении, усугубленный напряженными отношениями между США и Китаем, подрвал международные усилия по реагированию на пандемию. В начале кризиса международное сотрудничество отсутствовало или было ограниченным, и

даже в период, когда оно было больше всего необходимо (в разгар кризиса: во втором квартале 2020 года), оставалось заметным его отсутствие. Вместо того чтобы инициировать комплекс мер, скоординированных на глобальном уровне, COVID-19 привел к обратному: череде закрытия границ, ограничений на международные поездки и торговлю, введенных почти без какой-либо координации, частым перебоям в распределении поставок медицинских товаров и последующей конкуренции за ресурсы, особенно заметной в различных попытках нескольких национальных государств получить крайне необходимое медицинское оборудование любым возможным способом. Даже в ЕС страны сначала решили действовать в одиночку, но впоследствии этот курс действий изменился, благодаря практической помощи между странами-членами, изменению бюджета ЕС в поддержку систем здравоохранения и объединению исследовательских фондов для разработки методов лечения и вакцин. И сейчас принимаются амбициозные меры, которые казались бы немыслимыми в допандемическую эпоху, способные подтолкнуть ЕС к дальнейшей интеграции, в частности, фонд восстановления в размере 750 миллиардов евро, предложенный Европейской комиссией. В рамках функционирующей системы глобального управления страны должны были объединиться для ведения глобальной и скоординированной «войны» против пандемии. Вместо этого возобладала реакция «моя страна превыше всего», которая серьезно затруднила попытки сдержать распространение первой волны пандемии. Это также ограничило доступность защитного оборудования и лечения, что, в свою очередь, подорвало устойчивость национальных систем здравоохранения. Кроме того, такой фрагментарный подход поставил под угрозу попытки скоординировать политику выхода из кризиса, направленную на «перезапуск» глобального экономического двигателя. В случае с пандемией, в отличие от других недавних глобальных кризисов, таких как 11 сентября или финансовый кризис 2008 года, система глобального управления потерпела неудачу, оказавшись либо несуществующей, либо нефункциональной. США прекратили

финансирование ВОЗ, но, независимо от того, чем было обосновано это решение, факт остается фактом: это единственная организация, способная координировать глобальный ответ на пандемию, а значит, пусть и далекая от совершенства ВОЗ бесконечно предпочтительнее, чем несуществующая, - аргумент, который Билл Гейтс убедительно и лаконично изложил в своем твите: "Их работа замедляет распространение COVID-19, и если эта работа будет остановлена, никакая другая организация не сможет их заменить. Мир нуждается в @WHO сейчас больше, чем когда-либо".

Этот провал – не вина ВОЗ. Это агентство ООН является лишь симптомом, а не причиной провала глобального управления. Снисходительная позиция ВОЗ по отношению к странам-донорам отражает ее полную зависимость от государств, согласных сотрудничать с ней. Организация ООН не имеет полномочий принуждать к обмену информацией или обеспечивать готовность к пандемии. Как и другие подобные агентства ООН, например, по правам человека или изменению климата, ВОЗ имеет ограниченные и сокращающиеся ресурсы: в 2018 году ее годовой бюджет составлял 4,2 млрд долларов, что ничтожно мало по сравнению с любым бюджетом здравоохранения во всем мире. Кроме того, она находится в постоянной зависимости от государств-членов и фактически не имеет в своем распоряжении инструментов для прямого мониторинга вспышек, координации планирования пандемии или обеспечения эффективной реализации готовности на уровне стран, не говоря уже о выделении ресурсов наиболее нуждающимся странам. Эта дисфункциональность является симптомом сломанной системы глобального управления, и пока неясно, могут ли существующие конфигурации глобального управления, такие как ООН и ВОЗ, быть перепрофилированы для решения современных глобальных рисков. Пока суть да дело: в условиях такого вакуума в глобальном управлении только национальные государства являются достаточно сплоченными, чтобы быть способными принимать коллективные

решения, но эта модель не работает в случае мировых рисков, требующих согласованных глобальных решений.

Мир станет очень опасным местом, если мы не исправим эти многосторонние институты. Глобальная координация станет еще более необходимой после эпидемиологического кризиса, поскольку невозможно представить, что мировая экономика может «перезапуститься» без устойчивого международного сотрудничества. Без этого мы будем двигаться к «более бедному, убогому и маленькому миру»⁸⁷.

1.4.3. Растущее соперничество между Китаем и США

1.4.4. В постпандемическую эпоху COVID-19 может запомниться как поворотный момент, положивший начало «холодной войне нового типа»⁸⁸ между Китаем и США (два слова «нового типа» имеют большое значение: в отличие от Советского Союза, Китай не стремится навязать свою идеологию всему миру). До пандемии напряженность между двумя доминирующими державами уже нарастала во многих сферах (торговля, права собственности, военные базы в Южно-Китайском море, технологии и инвестиции в стратегические отрасли), но после 40 лет стратегического взаимодействия США и Китай, похоже, не могут преодолеть разделяющие их идеологические и политические разногласия. Вместо объединения двух геополитических гигантов, пандемия сделала прямо противоположное: обострила их соперничество и усилила конкуренцию между ними.

1.4.5. Большинство аналитиков согласятся с тем, что во время кризиса COVID-19 политическая и идеологическая трещина между двумя гигантами увеличилась. По мнению Ван Цзиси, известного китайского ученого и декана Школы международных исследований Пекинского университета, последствия пандемии привели к тому, что отношения между Китаем и США

достигли наихудшего уровня с 1979 года, когда были установлены официальные связи. По его мнению, двусторонний экономический и технологический разрыв «уже необратим»⁸⁹, и может дойти до того, что «глобальная система распадется на две части», предупреждает Ван Хуэйяо, президент Центра Китая по Глобализации в Пекине⁸⁹. Даже общественные деятели открыто выражают свою обеспокоенность. В статье, опубликованной в июне 2020 года, Ли Сянь Лун, премьер-министр Сингапура, предостерег от опасностей конфронтации между США и Китаем, которая, по его собственным словам: «поднимает глубокие вопросы о будущем Азии и форме формирующегося международного порядка». Он добавил, что: «Страны Юго-Восточной Азии, включая Сингапур, особенно обеспокоены, поскольку они живут на пересечении интересов различных крупных держав и должны избегать того, чтобы оказаться в центре событий или быть вынужденными делать нежелательный выбор»⁹¹.

1.4.6. Разумеется, мнения о том, какая страна "права" или собирается выйти «в плюс», воспользовавшись предполагаемыми слабостями и неустойчивостью другой, кардинально расходятся. Но важно понять их контекст. Существует не "правильный" и "неправильный" взгляд, а различные и часто расходящиеся интерпретации, которые часто соотносятся с происхождением, культурой и личной историей тех, кто их исповедует. Продолжая метафору "квантового мира", упомянутую ранее, из квантовой физики можно сделать вывод, что объективной реальности не существует. Мы думаем, что наблюдение и измерение определяют "объективное" мнение, но микромир атомов и частиц (как и макромир геополитики) подчиняется странным правилам квантовой механики, в которой два разных наблюдателя имеют право на собственные мнения (это называется «суперпозицией»: «частицы могут находиться в нескольких местах или состояниях одновременно»)⁹². В мире международных отношений, если два разных наблюдателя имеют право на собственные мнения, это делает их

субъективными, но не менее реальными и не менее обоснованными. Если наблюдатель может воспринимать «реальность» только через различные идиосинкразические линзы, это заставляет нас переосмыслить наше понятие объективности. Очевидно, что представление реальности зависит от позиции наблюдателя. В этом смысле, «китайский» взгляд и «американский» взгляд могут сосуществовать, наряду с множеством других взглядов на этом континууме – все они реальны! В значительной степени и по понятным причинам на китайский взгляд на мир и свое место в нем влияет унижение, пережитое во время первой Опиумной войны в 1840 году и последующего вторжения в 1900 году, когда Альянс восьми наций разграбил Пекин и другие китайские города и потребовал компенсации⁹³. И наоборот, взгляд США на мир и свое место в нем в значительной степени основан на ценностях и принципах, которые формировали американскую общественную жизнь с момента основания страны⁹⁴. Они определили как ее выдающееся положение в мире, так и уникальную привлекательность для многих иммигрантов на протяжении 250 лет. Перспектива США также коренится в непревзойденном доминировании над остальным миром в течение последних нескольких десятилетий и неизбежных сомнениях и неуверенности, которые приходят с относительной потерей абсолютного превосходства. По понятным причинам и Китай, и США имеют богатую историю (китайская насчитывает 5000 лет), которой они гордятся, что заставляет их, как заметил Кишор Махбубани, переоценивать свои силы и недооценивать силы других.

В подтверждение сказанному выше, все аналитики и прогнозисты, специализирующиеся на Китае, США или обеих странах, имеют доступ к более или менее одинаковым данным и информации (теперь это глобальный товар), видят, слышат и читают более или менее одинаковые вещи, но иногда приходят к диаметрально противоположным выводам. Одни считают США окончательным победителем, другие утверждают, что Китай уже победил, а

третья группа заявляет, что победителей не будет. Давайте вкратце рассмотрим каждый из их аргументов по очереди.

Китай как победитель

Аргумент тех, кто утверждает, что пандемический кризис пошел на пользу Китаю, обнажив при этом слабости США, состоит из трех частей.

1. Он показал американскую силу, как самую выдающуюся военную державу мира, неуместной перед лицом невидимого и микроскопического врага.
2. По словам американского академика, придумавшего это выражение, оно нанесло ущерб мягкой силе США из-за «некомпетентности ее реакции»⁹⁵. (Важная оговорка: вопрос о том, была ли реакция общества на COVID-19 «компетентной» или «некомпетентной», породил огромное количество мнений и показал массу разногласий. Тем не менее, выносить суждение по этому вопросу по-прежнему сложно. В США, например, ответственность за принятие политических мер в значительной степени лежала на штатах и даже городах. Поэтому, по сути, в США не было как такового национального политического ответа. Здесь мы обсуждаем субъективные мнения, которые сформировали общественное отношение).
3. Она обнажила аспекты американского общества, которые некоторые могут считать шокирующими, например, глубокое неравенство в условиях эпидемиологической вспышки, отсутствие всеобщего медицинского страхования и вопрос системного расизма, поднятый движением Black Lives Matter.

Все это побудило Кишора Махбубани, влиятельного аналитика соперничества США и Китая⁹⁶, утверждать, что COVID-19 поменял местами

роли обеих стран в плане борьбы с бедствиями и поддержки других. Если раньше США всегда первыми прибывали с помощью туда, где помощь была необходима (как, например, 26 декабря 2004 года, когда на Индонезию обрушилось мощное цунами), то теперь эта роль принадлежит Китаю, говорит он. В марте 2020 года Китай отправил в Италию 31 тонну медицинского оборудования (аппараты искусственной вентиляции легких, маски и защитные костюмы), которое ЕС не смог предоставить. По его мнению, 6 миллиардов человек, составляющих "остальной мир" и проживающих в 191 стране, уже начали готовиться к геополитическому соревнованию между США и Китаем. Махбубани говорит, что именно от их выбора будет зависеть, кто победит в соперничестве, и что он будет основан на «холодном расчете разума для анализа затрат и выгод того, что США и Китай могут им предложить»⁹⁷. Чувства могут не играть большой роли, потому что все эти страны будут основывать свой выбор на том, кто, США или Китай, в конце концов, улучшит условия жизни их граждан, но подавляющее большинство из них не хотят быть втянутыми в геополитическую игру с нулевой суммой и предпочтут держать все свои варианты открытыми (т.е. не быть вынужденными выбирать между США и Китаем). Однако, как показал пример Huawei, даже традиционные союзники США, такие как Франция, Германия и Великобритания, подвергаются давлению со стороны США. Решения, которые примут страны, оказавшись перед столь суровым выбором, в конечном итоге определяют, кто выйдет победителем в растущем соперничестве между США и Китаем.

США как победитель

В лагере Америки как окончательного победителя, аргументы сосредоточены на присущих США сильных сторонах, а также на предполагаемых структурных слабостях Китая.

Сторонники «США как победителя» считают преждевременным призывать к резкому прекращению господства США в постпандемическую эпоху и приводят следующие аргументы: страна, возможно, уменьшается в относительном выражении, но она все еще является грозным гегемоном в абсолютном выражении и продолжает обладать значительным объемом «мягкой силы»; ее привлекательность в глобальном смысле может в какой-то степени ослабевать, но, тем не менее, она остается сильной, о чем свидетельствует успех американских университетов за рубежом и привлекательность ее культурной индустрии. Кроме того, господство доллара как мировой валюты, используемой в торговле и воспринимаемой как безопасное убежище, на данный момент остается практически неоспоримым. Это означает значительную геополитическую силу, позволяющую властям США исключать компании и даже страны (такие как Иран или Венесуэла) из долларовой системы. Как мы видели в предыдущей главе, в будущем ситуация может измениться, но в ближайшие несколько лет альтернативы доминированию доллара США в мире не существует. Более фундаментально, сторонники "несводимости" США будут спорить с Ручиром Шармой, что: «Экономическое превосходство США неоднократно доказывало, что сторонники упадка ошибаются»⁹⁸. Они также согласятся с Уинстоном Черчиллем, который однажды заметил, что США обладают врожденной способностью учиться на своих ошибках, когда заметил, что США всегда поступали правильно, когда все альтернативы были исчерпаны.

Оставляя в стороне высоконапряженный политический спор (демократия против автократии), те, кто считает, что США останутся «победителем» еще много лет, также подчеркивают, что Китай сталкивается с собственными препятствиями на пути к статусу мировой сверхдержавы. Наиболее часто упоминаются следующие факторы:

- 1) он страдает от демографического недостатка, имея быстро стареющее население и население трудоспособного возраста, пик которого пришелся на 2015 год;
- 2) его влияние в Азии ограничено существующими территориальными спорами с Брунеем, Индией, Индонезией, Японией, Малайзией, Филиппинами и Вьетнамом;
- 3) он сильно зависит от энергоносителей.

Нет победителя

Что думают те, кто утверждает, что «пандемия не сулит ничего хорошего как для американской, так и для китайской власти - и для мирового порядка»⁹⁹. Они утверждают, что, как и почти все другие страны мира, и Китай, и США наверняка понесут огромный экономический ущерб, который ограничит их возможности по расширению сферы влияния. Китаю, чей торговый сектор составляет более трети общего ВВП, будет трудно начать устойчивое экономическое восстановление, когда его крупные торговые партнеры (такие как США) резко сокращают свои расходы. Что касается США, то их чрезмерная задолженность рано или поздно приведет к ограничению расходов после восстановления экономики, при этом сохраняется риск того, что текущий экономический кризис метастазирует в системный финансовый кризис.

Ссылаясь в случае обеих стран на экономический удар и внутривластные трудности, сомневающиеся утверждают, что обе страны, скорее всего, выйдут из этого кризиса значительно ослабленными. «Ни новый Рах Сингапур, ни обновленный Рах Америка не поднимутся из руин. Скорее, обе державы будут ослаблены, как внутри страны, так и за рубежом».

В основе аргумента «нет победителя» лежит интригующая идея, выдвинутая несколькими учеными, в частности, Нилом Фергюсоном. По сути, она гласит, что коронный кризис показал несостоятельность таких сверхдержав, как США и Китай, высветив успех малых государств. По словам Фергюсона: «Настоящий урок здесь не в том, что США закончили свое существование, а Китай станет доминирующей державой 21-го века. Я думаю, что реальность заключается в том, что все сверхдержавы - Соединенные Штаты, Китайская Народная Республика и Европейский Союз - оказались в высшей степени дисфункциональными»¹⁰⁰. Быть большим, как утверждают сторонники этой идеи, влечет за собой экономию от масштаба: страны или империи выросли настолько, что достигли порога, за которым они не могут эффективно управлять собой. Это, в свою очередь, является причиной того, что малые экономики, такие как Сингапур, Исландия, Южная Корея и Израиль, похоже, лучше, чем США, справились со сдерживанием пандемии и борьбой с ней.

Прогнозирование — это игра в угадку для дураков. Простая истина заключается в том, что никто не может сказать с разумной степенью уверенности или определенности, как будет развиваться соперничество между США и Китаем — кроме как сказать, что оно неизбежно будет расти. Пандемия усугубила соперничество, которое противопоставляет действующую и развивающуюся державы. США оступились во время пандемического кризиса, и их влияние ослабло. Между тем, Китай, возможно, пытается извлечь выгоду из кризиса, расширяя свое влияние за рубежом. Мы очень мало знаем о том, что ждет нас в будущем в плане стратегического соперничества между Китаем и США. Оно будет колебаться между двумя крайностями: сдерживаемым и управляемым ухудшением, сдерживаемым деловыми интересами, на одном конце спектра, и постоянной и тотальной враждебностью на другом.

1.4.4. Хрупкие и несостоятельные государства

Границы между хрупкостью государства, теряющим состоятельность и несостоявшимся государством (state fragility, a failing state and a failed one) подвижны и зыбки. В современном сложном и адаптивном мире принцип нелинейности означает, что внезапно хрупкое государство может превратиться в несостоявшееся и что, наоборот, в несостоявшемся государстве ситуация может улучшиться с такой же быстротой благодаря посредничеству международных организаций или даже вливанию иностранного капитала. В ближайшие годы, по мере того как пандемия будет причинять страдания по всему миру, наиболее вероятно, что динамика для самых бедных и хрупких стран мира будет идти только в одном направлении: от плохого к худшему. Короче говоря, многие государства, проявляющие признаки хрупкости, рискуют потерпеть крах.

Хрупкость государств остается одной из наиболее важных глобальных проблем, особенно распространенной в Африке. Ее причины многочисленны и взаимосвязаны; они варьируются от экономического неравенства, социальных проблем, политической коррупции и неэффективности до внешних или внутренних конфликтов и стихийных бедствий. Сегодня, по оценкам, около 1,8-2 миллиардов человек живут в нестабильных государствах, и это число, безусловно, возрастет в постпандемическую эпоху, поскольку нестабильные страны особенно уязвимы к вспышке COVID-19¹⁰¹. Сама суть их нестабильности – слабый государственный потенциал и связанная с этим неспособность обеспечить фундаментальные функции основных общественных услуг и безопасности – делает их менее способными справиться с вирусом. Ситуация еще хуже в теряющих состоятельность и несостоявшихся государствах, которые почти всегда являются жертвами крайней бедности и разгула насилия и, как таковые, едва ли могут или уже не могут выполнять основные государственные функции, такие, как

образование, безопасность или управление. В условиях вакуума власти беспомощные люди становятся жертвами конкурирующих группировок и преступности, что часто вынуждает ООН или соседнее государство (не всегда с благими намерениями) вмешиваться, чтобы предотвратить гуманитарную катастрофу. Для многих таких государств пандемия станет тем экзогенным шоком, который заставит их потерпеть крах и пасть еще ниже.

По всем этим причинам почти тавтологией является утверждение, что ущерб, нанесенный пандемией хрупким и несостоятельным государствам, будет гораздо глубже и продолжительнее, чем в более богатых и развитых экономиках. Она опустошит некоторые из наиболее уязвимых сообществ в мире. Во многих случаях экономическая катастрофа вызовет политическую нестабильность и вспышки насилия, поскольку беднейшие страны мира окажутся в двух затруднительных ситуациях: во-первых, нарушение торговых и логистических цепочек, вызванное пандемией, приведет к немедленному разрушению, например, отсутствию денежных переводов или усилению голода; и, во-вторых, в дальнейшем они столкнутся с длительной и серьезной потерей работы и доходов. Именно по этой причине глобальная вспышка имеет такой потенциал, чтобы посеять хаос в беднейших странах мира. Именно там экономический спад будет иметь еще более непосредственные последствия для общества. На обширных территориях Африки к югу от Сахары, в частности, а также в Азии и Латинской Америке, миллионы людей зависят от скудного ежедневного дохода, чтобы прокормить свои семьи. Любая блокировка или кризис здоровья, вызванные коронавирусом, могут быстро привести к массовому отчаянию и беспорядкам, потенциально вызывая массовые беспорядки с глобальными последствиями. Последствия будут особенно пагубными для всех тех стран, которые оказались в эпицентре конфликта. Для них пандемия неизбежно нарушит гуманитарную помощь и потоки помощи. Она также ограничит

миротворческие операции и отложит дипломатические усилия по прекращению конфликтов.

Геополитические потрясения имеют свойство заставлять наблюдателей врасплох, вызывая пульсацию и последствия, которые приводят к последствиям второго, третьего и более порядка, но где в настоящее время риски наиболее очевидны?

Все сырьевые страны находятся в зоне риска (Норвегия и некоторые другие страны не входят в эту категорию). На момент написания статьи они особенно сильно страдают от обвала цен на энергоносители и сырьевые товары, который усугубляет проблемы, вызванные пандемией, и все другие проблемы, с которыми они связаны (безработица, инфляция, неадекватные системы здравоохранения и, конечно, бедность). Для богатых и относительно развитых стран с энергозависимой экономикой, таких как Российская Федерация и Саудовская Аравия, обвал цен на нефть «всего лишь» представляет собой значительный экономический удар, подвергая напряжению бюджеты и валютные резервы и создавая серьезные среднесрочные и долгосрочные риски. Но для таких стран с низким уровнем дохода, как Южный Судан, где нефть составляет практически весь экспорт (99%), этот удар может оказаться просто разрушительным. Это справедливо и для многих других нестабильных сырьевых стран. Прямой коллапс не является чем-то необычным для таких нефтяных стран, как Эквадор или Венесуэла, где вирус может очень быстро переполнить немногочисленные функционирующие больницы. Тем временем в Иране санкции США усугубляют проблемы, связанные с высоким уровнем заражения COVID-19.

В особой опасности сейчас находятся многие страны Ближнего Востока и Магриба, где экономическая боль была все более очевидной еще до начала пандемии, где проживает беспокойное, молодое население и процветает

безработица. Тройной удар: COVID-19, обвал цен на нефть (для некоторых) и замораживание туризма (жизненно важный источник занятости и валютных поступлений) могут вызвать волну массовых антиправительственных демонстраций, напоминающих "арабскую весну" 2011 года. Зловещим признаком является то, что в конце апреля 2020 года в Ливане произошли беспорядки, вызванные безработицей и растущей бедностью.

Пандемия вновь остро поставила вопрос о продовольственной безопасности, и во многих странах она может повлечь за собой гуманитарный и продовольственный кризис. Официальные представители Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН прогнозируют, что в 2020 году число людей, страдающих от острого отсутствия продовольственной безопасности, может удвоиться и достигнуть 265 миллионов. Сочетание ограничений на передвижение и торговлю, вызванных пандемией, с ростом безработицы и ограниченным или полным отсутствием доступа к продовольствию может спровоцировать масштабные социальные волнения, за которыми последуют массовые перемещения мигрантов и беженцев. В нестабильных и несостоятельных государствах пандемия усугубляет существующий дефицит продовольствия из-за барьеров в торговле и нарушения глобальных цепочек поставок продовольствия. Это происходит в столь значительной степени, что 21 апреля 2020 года Дэвид Бисли, исполнительный директор Всемирной продовольственной программы ООН, предупредил Совет Безопасности ООН о том, что "многочисленные голоды библейских масштабов" стали возможны примерно в трех десятках стран, в первую очередь в Йемене, Конго, Афганистане, Венесуэле, Эфиопии, Южном Судане, Сирии, Судане, Нигерии и Гаити.

В беднейших странах мира локауты и экономический спад, происходящие в странах с высоким уровнем дохода, приведут к серьезным потерям доходов для работающих бедняков и всех тех, кто от них зависит. Снижение денежных

переводов из-за рубежа, составляющих значительную часть ВВП (более 30%) в некоторых странах, таких как Непал, Тонга или Сомали, является тому примером. Это нанесет разрушительный удар по их экономике с драматическими социальными последствиями. По данным Всемирного банка, последствия локаутов и последующей экономической "спячки", случившейся во многих странах мира, приведут к 20%-ному сокращению денежных переводов в страны с низким и средним уровнем дохода, с 554 млрд долларов в прошлом году до 445 млрд долларов в 2020 году¹⁰². В таких крупных странах, как Египет, Индия, Пакистан, Нигерия и Филиппины, для которых денежные переводы являются важнейшим источником внешнего финансирования, это приведет к большим трудностям и сделает их экономическую, социальную и политическую ситуацию еще более хрупкой, с вполне реальной возможностью дестабилизации. Кроме того, одной из наиболее пострадавших от пандемии отраслей является туризм, который является экономическим спасательным кругом для многих бедных стран. В таких странах, как Эфиопия, где доходы от туризма составляют почти половину (47%) всего экспорта, соответствующая потеря доходов и занятости причинит значительную экономическую и социальную боль. То же самое относится к Мальдивам, Камбодже и некоторым другим странам.

Кроме того, есть все зоны конфликтов, где многие вооруженные группировки думают о том, как использовать предлог пандемии для продвижения своих планов (как в Афганистане, где Талибан просит освободить своих заключенных из тюрем, или в Сомали, где группировка Аль-Шабааб представляет COVID-19 как попытку дестабилизации). Всемирный призыв о прекращении огня, с которым 23 марта 2020 года выступил генеральный секретарь ООН, остался без ответа. Из 43 стран, в которых в 2020 году было зарегистрировано не менее 50 случаев организованного насилия, только 10 ответили положительно (чаще всего простыми заявлениями о поддержке, но без обязательств к действию). Среди других 31 страны с продолжающимися

конфликтами субъекты не только не предприняли шагов в ответ на призыв, но многие из них фактически увеличили уровень организованного насилия¹⁰³. Первые надежды на то, что озабоченность пандемией и последующая чрезвычайная ситуация в области здравоохранения смогут обуздать затянувшиеся конфликты и стимулировать мирные переговоры, испарились. Это еще один пример того, что пандемия не только не смогла остановить тревожную или опасную тенденцию, но и фактически ускорила ее.

Богатые страны игнорируют трагедию, разворачивающуюся в хрупких и нестабильных странах, на свой страх и риск. Так или иначе, риски будут отражаться в виде большей нестабильности или даже хаоса. Одним из наиболее очевидных, для богатых стран мира, последствий экономических бедствий, недовольства и голода в самых хрупких и бедных государствах станет новая волна массовой миграции в их сторону, подобная той, что произошла в Европе в 2016 году.

1.5. Экологический сброс

На первый взгляд может показаться, что пандемия и окружающая среда - лишь дальние родственники, но они гораздо ближе и переплетены между собой сильнее, чем мы думаем. Они взаимодействовали и будут взаимодействовать непредсказуемым и характерным образом, начиная от роли, которую играет уменьшение биоразнообразия в поведении инфекционных заболеваний, и заканчивая влиянием, которое COVID-19 может оказать на изменение климата, иллюстрируя тем самым опасно тонкий баланс и сложное взаимодействие между человечеством и природой.

Более того, с точки зрения глобального риска, пандемия легче всего приравнивается именно к изменению климата и коллапсу экосистем (два ключевых экологических риска). Эти три риска по своей природе и в разной

степени представляют собой экзистенциальные угрозы для человечества, и можно утверждать, что COVID-19 уже дал нам представление или предвкушение того, что может повлечь за собой полноценный климатический кризис и коллапс экосистемы с экономической точки зрения: комбинированные потрясения спроса и предложения, нарушение торговли и цепочек поставок с пульсирующими и побочными эффектами, которые усиливают риски (а в некоторых случаях и возможности) в других макрокатегориях: геополитика, социальные проблемы и технологии. Если изменение климата, разрушение экосистем и пандемии выглядят также похоже как глобальные риски, то как они выглядят на самом деле? Они обладают многими общими признаками и в то же время демонстрируют сильные различия.

Пять основных общих признаков таковы:

- 1) они являются известными (т.е. белые лебеди) системные риски, которые очень быстро распространяются в нашем взаимосвязанном мире и, таким образом, усиливают другие риски из разных категорий;
- 2) они нелинейны, что означает, что за определенным порогом или переломным моментом они могут привести к катастрофическим последствиям (например, "сверхраспространение" в определенном месте и последующее подавление возможностей системы здравоохранения в случае пандемии);
- 3) вероятность и распределение их воздействия очень трудно, если не невозможно, измерить – они постоянно меняются и требуют пересмотра в соответствии с пересмотренными предположениями, что, в свою очередь, делает их чрезвычайно трудными для управления с точки зрения политики;

4) они глобальны по своей природе и поэтому могут быть правильно решены только глобально скоординированным образом;

5) они непропорционально влияют на уже наиболее уязвимые страны и слои населения.

В чем же их различия? Их несколько, большинство из них концептуального и методологического характера (например, пандемия – это риск заражения, а изменение климата и коллапс экосистемы – риски накопления), но два из них имеют наибольшее значение:

1) разница во временном горизонте (она имеет решающее значение для политики и действий по смягчению последствий);

2) проблема причинности (она затрудняет принятие обществом стратегий по смягчению последствий):

1. Пандемии – это квазипостоянный риск, неизбежность и опасность которого очевидны для всех. Вспышка угрожает нашему выживанию – как отдельных людей или вида – и поэтому мы немедленно и решительно реагируем, когда сталкиваемся с риском. В отличие от этого, изменение климата и утрата природы происходят постепенно и кумулятивно, а их последствия заметны в основном в среднесрочной и долгосрочной перспективе (и, несмотря на все большее число климатических и "исключительных" событий, связанных с утратой природы, значительное число людей по-прежнему не убеждены в непосредственности климатического кризиса). Это решающее различие между соответствующими временными горизонтами пандемии, изменения климата и потери природы означает, что риск пандемии требует немедленных действий, за которыми последует быстрый результат, в то

время как изменение климата и потеря природы также требуют немедленных действий, но результат (или «будущее вознаграждение», на жаргоне экономистов) последует только с определенной задержкой во времени. Марк Карни, бывший управляющий Банка Англии, а ныне специальный посланник ООН по климатическим действиям и финансам, заметил, что эта проблема временной асинхронности порождает «трагедию горизонта»: в отличие от немедленных и наблюдаемых рисков, риски изменения климата могут казаться отдаленными (с точки зрения времени и географии), и в этом случае на них не будут реагировать с той серьезностью, которой они заслуживают и требуют. Например, существенный риск, который глобальное потепление и подъем воды представляют для физического актива (например, курорт на берегу моря) или компании (например, гостиничной группы), не обязательно будет рассматриваться инвесторами как существенный и, следовательно, не будет оценен рынками.

2. Проблему причинно-следственной связи легко понять, как и причины, которые делают соответствующую политику гораздо более сложной для реализации. В случае пандемии причинно-следственная связь между вирусом и болезнью очевидна: SARS-CoV-2 вызывает COVID-19. Кроме горстки теоретиков заговора, никто не будет это оспаривать. В случае с экологическими рисками гораздо сложнее установить прямую причинно-следственную связь с конкретным событием. Часто ученые не могут указать на прямую причинно-следственную связь между изменением климата и конкретным погодным явлением (например, засухой или силой урагана). Точно так же они не всегда согласны с тем, как та или иная деятельность человека влияет на конкретные виды, которым грозит вымирание. Это невероятно усложняет процесс снижения рисков изменения климата и природных потерь. Если в случае пандемии большинство граждан, как правило, согласятся с необходимостью

применения принудительных мер, то в случае экологических рисков, где доказательства могут быть оспорены, они будут сопротивляться сдерживающей политике. Существует и более фундаментальная причина: борьба с пандемией не требует существенного изменения базовой социально-экономической модели и наших потребительских привычек. Борьба с экологическими рисками требует.

1.5.1. Коронавирус и окружающая среда

1.5.1.1. Природа и зоонозные заболевания

1.5.1.2. Зоонозные заболевания – это заболевания, которые передаются от животных к человеку. Большинство экспертов и специалистов по охране природы сходятся во мнении, что в последние годы их число резко возросло, особенно из-за вырубki лесов (это явление также связано с увеличением количества углекислого газа в атмосфере), что повышает риск тесного взаимодействия человека с животными и последующего заражения. В течение многих лет исследователи считали, что природные среды, такие как тропические леса и их богатый животный мир, представляют угрозу для человека, поскольку именно там могут быть обнаружены патогены и вирусы, стоящие у истоков новых заболеваний человека, таких как лихорадка денге, лихорадка Эбола и ВИЧ. Сегодня мы знаем, что это неверно, потому что причинно-следственная связь идет в обратном направлении. Как утверждает Дэвид Куаммен, автор книги «Spillover: Инфекции животных и следующая пандемия человека», утверждает: «Мы вторгаемся в тропические леса и другие дикие ландшафты, в которых обитает так много видов животных и растений – и внутри этих существ так много неизвестных вирусов. Мы рубим деревья; мы убиваем животных или сажаем их в клетки и отправляем на рынки. Мы нарушаем экосистемы и вытряхиваем вирусы из их естественных хозяев. Когда это происходит, им нужен новый хозяин. Часто им становимся

мы»¹⁰⁴. К настоящему времени все большее число ученых доказывает, что именно разрушение биоразнообразия, вызванное человеком, является источником новых вирусов, таких как COVID-19. Эти исследователи объединились вокруг новой дисциплины «здоровье планеты», которая изучает тонкие и сложные связи, существующие между благополучием людей, других живых видов и целых экосистем, и их выводы ясно показывают, что уничтожение биоразнообразия приведет к увеличению числа пандемий.

1.5.1.3. В недавнем письме, направленном в Конгресс США, 100 групп по защите дикой природы и окружающей среды подсчитали, что за последние 50 лет число зоонозных заболеваний увеличилось в четыре раза¹⁰⁵. С 1970 года изменения в землепользовании оказали наибольшее относительное негативное воздействие на природу (и при этом вызвали четверть антропогенных выбросов). Только сельское хозяйство занимает более трети земной поверхности и является тем видом экономической деятельности, который больше всего нарушает природу. В недавнем научном обзоре сделан вывод о том, что факторы сельского хозяйства связаны с более чем 50% зоонозных заболеваний¹⁰⁶. Поскольку такие виды человеческой деятельности, как сельское хозяйство (а также многие другие, такие как добыча полезных ископаемых, лесозаготовки или туризм) вторгаются в природные экосистемы, они разрушают барьеры между людьми и животными, создавая условия для возникновения инфекционных заболеваний путем передачи от животных к людям. Потеря естественной среды обитания животных и торговля дикими животными особенно актуальны, поскольку, когда животные, известные как связанные с определенными заболеваниями (например, летучие мыши и панголины с коронавирусом), изымаются из дикой природы и переселяются в города, резервуар заболеваний дикой природы просто переносится в густонаселенный район. Именно это могло произойти на рынке в Ухане, где, как полагают, зародился новый коронавирус

(китайские власти с тех пор навсегда запретили торговлю дикими животными и их потребление). Сегодня большинство ученых согласятся с тем, что чем больше растет население, чем больше мы нарушаем окружающую среду, чем интенсивнее становится сельское хозяйство без надлежащей биобезопасности, тем выше риск возникновения новых эпидемий. Ключевым противоядием, доступным нам в настоящее время для сдерживания распространения зоонозных заболеваний, является уважение и сохранение природной среды и активная защита биоразнообразия. Чтобы сделать это эффективно, нам всем необходимо переосмыслить наши отношения с природой и задаться вопросом, почему мы стали настолько отчужденными от нее. В заключительной главе мы предлагаем конкретные рекомендации о том, какую форму может принять "дружественное природе" восстановление.

1.5.1.4. Загрязнение воздуха и риск пандемии

1.5.1.5. Уже давно известно, что загрязнение воздуха, вызванное в основном выбросами, которые также способствуют глобальному потеплению, является тихим убийцей, связанным с различными заболеваниями, начиная от диабета или рака и заканчивая сердечно-сосудистыми и респираторными заболеваниями. По данным ВОЗ, 90% населения планеты дышит воздухом, не отвечающим требованиям безопасности, что ежегодно приводит к преждевременной смерти 7 миллионов человек и побуждает организацию квалифицировать загрязнение воздуха как "чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения".

1.5.1.6. Теперь мы знаем, что загрязнение воздуха ухудшает воздействие любого конкретного коронавируса (не только нынешнего SARS-CoV-2) на наше здоровье. Еще в 2003 году исследование, опубликованное в разгар эпидемии SARS, предположило, что загрязнение воздуха может объяснить колебания в уровне летальности¹⁰⁷, впервые четко показав, что чем выше

уровень загрязнения воздуха, тем выше вероятность смерти от заболевания, вызванного коронавирусом. С тех пор все больше исследований показывают, как пожизненное дыхание грязным воздухом может сделать людей более восприимчивыми к коронавирусу. В США в недавней медицинской работе был сделан вывод о том, что в регионах с более загрязненным воздухом риск смерти от COVID-19 будет выше, и показано, что в округах США с более высоким уровнем загрязнения будет больше госпитализаций и смертей¹⁰⁸. В медицинском и общественном сообществе сформировался консенсус о том, что существует синергетический эффект между воздействием загрязнения воздуха и возможным возникновением COVID-19, а также худший исход, если вирус все-таки поразит людей. Исследования шин, еще только зарождающиеся, но быстро развивающиеся, еще не доказали наличие причинно-следственной связи, но они однозначно показывают сильную корреляцию между загрязнением воздуха, распространением коронавируса и тяжестью его течения. Похоже, что загрязнение воздуха в целом, и концентрация твердых частиц в частности, ухудшает состояние дыхательных путей – первой линии защиты легких – это означает, что люди (независимо от возраста), живущие в сильно загрязненных городах, подвергаются большему риску заразиться COVID-19 и умереть от него. Это может объяснить, почему люди в Ломбардии (одном из самых загрязненных регионов Европы), заразившиеся вирусом, имели в два раза больше шансов умереть от COVID-19, чем люди почти в любой другой части Италии.

1.5.1.5. Блокировка и выбросы углекислого газа

Еще слишком рано определять, на какую величину сократятся глобальные выбросы двуокиси углерода в 2020 году, но Международное энергетическое агентство (МЭА) в своем "Глобальном энергетическом обзоре 2020" оценивает их снижение на 8%¹⁰⁹. Даже если эта цифра будет соответствовать самому большому годовому сокращению за всю историю наблюдений, она

все равно мизерна по сравнению с масштабами проблемы и по-прежнему уступает ежегодному сокращению выбросов на 7,6% в течение следующего десятилетия, которое, по мнению ООН, необходимо для удержания глобального повышения температуры ниже 1,5°C¹¹⁰.

Учитывая серьезность влияния локдаунов, цифра 8% выглядит довольно разочаровывающей. Похоже, это говорит о том, что небольшие индивидуальные действия (намного меньшее потребление, отказ от использования автомобилей, отказ от авиаперелётов) не имеют большого значения по сравнению с объемом выбросов, производимых генерацией электроэнергии, сельским хозяйством и промышленностью – «крупными эмитентами», которые продолжали работать во время локдаунов (за исключением некоторых отраслей промышленности). Это также показывает, что самыми большими "нарушителями" в плане выбросов углекислого газа не всегда являются те, кого часто считают очевидными виновниками. Недавний отчет об устойчивом развитии показывает, что общий объем выбросов углекислого газа, генерируемый при производстве электроэнергии, необходимой для питания наших электронных устройств и устройств для передачи данных, примерно равен объему выбросов мировой авиационной промышленности¹¹¹. Вывод? Даже беспрецедентные и драконовские меры по закрытию людей по домам, когда треть населения планеты оказалась в своих жилищах более, чем на месяц, не смогли стать жизнеспособной стратегией декарбонизации, поскольку даже в этом случае мировая экономика продолжала выбрасывать большое количество углекислого газа. Как же может выглядеть успешная в этом направлении стратегия? Значительные размеры и масштабы проблемы могут быть решены только путем сочетания:

1) радикальных и серьезных системных изменений в том, как мы производим энергию, необходимую нам для функционирования;

2) структурных изменений в нашем потребительском поведении.

Если в эпоху после пандемии мы решим продолжать жить как прежде (ездить на тех же машинах, летать в те же пункты назначения, есть то же самое, отапливать дом тем же способом и т.д.), то кризис COVID-19 пройдет впустую с точки зрения климатической политики. И наоборот, если некоторые из привычек, которые мы были вынуждены перенять во время пандемии, превратятся в структурные изменения в поведении, климатический результат может быть совсем иным. Меньше ездить на работу, больше работать удаленно, ездить на велосипеде и ходить пешком вместо того, чтобы водить машину, чтобы воздух в наших городах оставался таким же чистым, как во время изоляции, проводить отпуск поближе к дому: все это, если объединить в масштабе, может привести к устойчивому сокращению выбросов углерода. Это подводит нас к важному вопросу о том, окажет ли пандемия в конечном итоге положительное или отрицательное влияние на политику в области изменения климата.

1.5.2. Влияние пандемии на изменение климата и на другие экологические инициативы

Пандемии суждено на долгие годы занять доминирующее положение в политике, причем есть серьезный риск, что она может затмить экологические проблемы. Показателен анекдот о том, что конференц-центр в Глазго, где в ноябре 2020 года должен был состояться Климатический саммит ООН COP-26, в апреле был превращен в больницу для пациентов с COVID-19. Уже были отложены переговоры по климату и отложены политические инициативы, что подпитывает версию о том, что в течение длительного времени правительственные лидеры будут уделять внимание только многогранному спектру неотложных проблем, порожденных пандемическим кризисом. Появилась и другая версия, разработанная некоторыми национальными

лидерами, высшими руководителями бизнеса и видными деятелями общественного мнения. Она заключается в том, что кризис COVID-19 не может пройти впустую и что сейчас самое время проводить устойчивую экологическую политику.

В действительности, борьба с изменением климата в постпандемическую эпоху может развиваться в двух противоположных направлениях. Первое соответствует описанию, приведенному выше: экономические последствия пандемии настолько болезненны, трудны для решения и сложны для реализации, что большинство правительств во всем мире могут решить «временно» отложить в сторону проблемы глобального потепления, чтобы сосредоточиться на восстановлении экономики. В этом случае политические решения будут поддерживать и стимулировать тяжелые отрасли промышленности, использующие ископаемое топливо и выбрасывающие углекислый газ, путем их субсидирования. Они также отменят жесткие экологические стандарты, которые считаются камнем преткновения на пути к быстрому восстановлению экономики, и будут поощрять компании и потребителей производить и потреблять как можно больше «вещей». Второй вариант основан на другой версии, в которой бизнес и правительства воодушевлены новым социальным сознанием среди широких слоев населения, что жизнь может быть другой, и он поддерживается активистами: необходимо воспользоваться моментом, чтобы воспользоваться уникальной возможностью и перестроить экономику в более устойчивую и работающую на благо общества.

Давайте рассмотрим оба возможных результата более подробно. Нет необходимости говорить, что они зависят от страны и региона (ЕС). Никакие две страны не будут проводить одинаковую политику и двигаться с одинаковой скоростью, но, в конечном счете, все они должны принять направление менее углеродоемкой тенденции.

Три основные причины могут объяснить, почему это не является само собой разумеющимся и почему внимание к окружающей среде может ослабнуть, когда пандемия начнет отступать:

1. Правительства могут решить, что в наилучших коллективных интересах добиваться роста «любой ценой», чтобы смягчить воздействие на безработицу.
2. Компании окажутся под таким давлением необходимости увеличения доходов, что устойчивое развитие в целом и климатические соображения в частности станут второстепенными.
3. Низкие цены на нефть (если они сохранятся, что вполне вероятно) могут побудить как потребителей, так и предприятия еще больше полагаться на углеродоемкую энергию.

Эти три причины достаточно убедительны, но есть и другие, которые могут помочь изменить тенденцию, идущую в противоположном направлении. В частности, четыре причины могут сделать мир чище и устойчивее:

1. **Просвещенное лидерство.** Некоторые лидеры и лица, принимающие решения, которые уже были на переднем крае борьбы с изменением климата, могут захотеть воспользоваться шоком, вызванным пандемией, для осуществления долгосрочных и более масштабных экологических изменений. Они, по сути, «правильно используют» пандемию, не позволяя кризису пройти впустую. Призывы различных лидеров – от Его Королевского Высочества принца Уэльского до Эндрю Куомо – «построить все лучше» направлены именно в этом направлении. Также как и двойное заявление, сделанное МЭА совместно с Дэном Йоргенсеном, министром климата, энергетики и коммунальных услуг Дании, в котором

говорится о том, что переход на чистую энергию может помочь запустить экономику: «Во всем мире лидеры готовятся уже сейчас, разрабатывая масштабные пакеты экономических стимулов. Некоторые из этих планов дадут краткосрочный толчок, другие будут формировать инфраструктуру на десятилетия вперед. Мы считаем, что, сделав чистую энергию неотъемлемой частью своих планов, правительства смогут обеспечить рабочие места и экономический рост, а также модернизацию, повышение устойчивости и снижение загрязнения окружающей среды»¹¹². Правительства, возглавляемые просвещенными лидерами, поставят свои пакеты стимулирования в зависимость от "зеленых" обязательств. Например, они будут предоставлять более щедрые финансовые условия для компаний с низкоуглеродными бизнес-моделями.

2. Осознание рисков. Пандемия сыграла роль великого «пробуждения риска», заставив нас гораздо лучше осознать риски, которым мы коллективно подвергаемся, и напомнив нам, что наш мир тесно взаимосвязан. Пандемия COVID-19 ясно показала, что мы игнорируем науку и опыт на свой страх и риск, и что последствия наших коллективных действий могут быть значительными. Хочется надеяться, что некоторые из этих уроков, дающих нам лучшее понимание того, что на самом деле означает и влечет за собой экзистенциальный риск, теперь будут перенесены на климатические риски. Как заявил Николас Стерн, председатель Грэнтэмского исследовательского института по вопросам изменения климата и окружающей среды: «Из всего этого мы видим, что мы можем внести изменения (...). Мы должны признать, что будут и другие пандемии, и лучше подготовиться к ним. [Но] мы также должны признать, что изменение климата – это более глубокая и серьезная угроза, которая никуда не исчезнет и является столь же неотложной»¹¹³. Беспokoясь в течение нескольких месяцев о пандемии и ее влиянии на наши легкие, мы станем одержимы идеей чистого воздуха; во время локдауна значительное

число из нас увидели и почувствовали преимущества снижения уровня загрязнения воздуха, что, возможно, послужит толчком к коллективному осознанию того, что у нас есть всего несколько лет для устранения худших последствий глобального потепления и изменения климата. Если это так, то изменения в обществе (коллективные и индивидуальные) последуют за этим осознанием.

3. Изменения в поведении. Как следствие вышеизложенного, отношение и требования общества могут измениться в сторону большей устойчивости в большей степени, чем принято считать. Наши модели потребления кардинально изменились во время локдауна, заставив нас сосредоточиться на самом необходимом и не оставив нам иного выбора, кроме как перейти на «более экологичный образ жизни». Это может продолжаться и дальше, побуждая нас отказаться от всего, что нам не нужно, и привести в движение благотворный круг для окружающей среды. Аналогичным образом мы можем решить, что работа из дома (когда это возможно) полезна как для окружающей среды, так и для нашего личного благополучия (поездка на работу является «разрушителем» благополучия – чем дольше она длится, тем более пагубно она влияет на наше физическое и психическое здоровье). Эти структурные изменения в том, как мы работаем, потребляем и инвестируем, могут занять некоторое время, прежде чем они станут достаточно распространенными, чтобы реально изменить ситуацию, но, как мы утверждали ранее, важно направление и сила тенденции. Поэт и философ Лао Цзы был прав, когда сказал: «Путешествие в тысячу миль начинается с одного шага». Мы находимся только в начале долгого и болезненного восстановления, и для многих из нас мысли об устойчивом развитии могут показаться роскошью, но, когда ситуация начнет улучшаться, мы все вместе вспомним, что между загрязнением воздуха и COVID-19 существует причинно-следственная связь. Тогда устойчивое развитие перестанет быть

второстепенным, а изменение климата (столь тесно связанное с загрязнением воздуха) выйдет на передний план наших забот. Тогда то, что социологи называют «поведенческим заражением» (способ распространения установок, идей и поведения среди населения), может сработать!

4. Активизм. Некоторые аналитики полагали, что пандемия спровоцирует устаревание активизма, однако все может оказаться совсем наоборот. По мнению группы американских и европейских ученых, коронавирус усилил мотивацию к переменам и вызвал к жизни новые инструменты и стратегии социальной активности. В течение нескольких недель эта группа исследователей собирала данные о различных формах социальной активности и выявила почти 100 различных методов ненасильственных действий, включая физические, виртуальные и гибридные акции. Их вывод: «Чрезвычайные ситуации часто оказываются кузницей, в которой рождаются новые идеи и возможности. Хотя невозможно предсказать, какими могут быть долгосрочные последствия такого роста мастерства и осведомленности, ясно, что сила людей не уменьшилась. Наоборот, движения по всему миру адаптируются к дистанционной организации, создают свои базы, оттачивают свои коммуникации и планируют стратегии на будущее»¹¹⁴. Если их оценка верна, то социальная активность, подавленная по необходимости на время изоляции и различных мер физического и социального дистанцирования, может вспыхнуть с новой силой после окончания периодов заключения (confinement). Ободренные тем, что они увидели во время локдауна (отсутствие загрязнения воздуха), климатические активисты удвоят свои усилия, оказывая дальнейшее давление на компании и инвесторов. Как мы увидим в главе 2, активность инвесторов также станет силой, с которой придется считаться. Она усилит дело социальных активистов, добавив ему дополнительное и мощное измерение. Представим себе следующую ситуацию для иллюстрации: группа «зеленых» активистов может провести

демонстрацию перед угольной электростанцией, требуя более строгого соблюдения норм загрязнения, в то время как группа инвесторов делает то же самое в зале заседаний совета директоров, лишая электростанцию доступа к капиталу.

По всем четырем причинам, разрозненные фактические данные дают нам надежду на то, что «зеленая» тенденция в конечном итоге возобладает. Они поступают из разных областей, но сходятся к выводу, что будущее может быть более «зеленым», чем мы обычно предполагаем. Чтобы подтвердить эту уверенность, четыре наблюдения пересекаются с четырьмя приведенными причинами:

1. В июне 2020 года BP, один из мировых нефтегазовых «супермагнатов», сократил стоимость своих активов на 17,5 млрд долларов, придя к выводу, что пандемия ускорит глобальный переход к более чистым видам энергии. Другие энергетические компании собираются сделать аналогичный шаг¹¹⁵. В том же духе крупные мировые компании, такие как Microsoft, обязались стать углеродно-нейтральными к 2030 году.

2. Европейский план «Зеленый курс», инициированный Европейской комиссией, является масштабным мероприятием и наиболее ощутимым проявлением того, что государственные органы решили не пускать кризис COVID-19 на самотек¹¹⁶. План предусматривает выделение 1 триллиона евро на снижение выбросов и инвестиции в экономику с многооборотным использованием продукции (circular economy) с целью сделать ЕС первым углеродно-нейтральным континентом к 2050 году (с точки зрения чистых выбросов) и отделить экономический рост от использования ресурсов.

3. Различные международные опросы показывают, что большинство граждан во всем мире хотят, чтобы в процессе восстановления экономики

после коронного кризиса приоритетом было изменение климата¹¹⁷. В странах, входящих в G20, значительное большинство – 65% граждан – поддерживают «зеленое» восстановление¹¹⁸.

4. Некоторые города, такие как Сеул, укрепляют свою приверженность политике в области климата и сохранения окружающей среды, реализуя собственный «Новый зеленый курс», который рассматривается как один из способов смягчения последствий пандемии¹¹⁹.

Направление тенденции очевидно, но в конечном итоге, системные изменения произойдут благодаря политикам и бизнес-лидерам, готовым воспользоваться пакетами стимулов COVID, чтобы запустить природосберегающую экономику. Речь идет не только о государственных инвестициях. Ключом к привлечению частного капитала в новые источники природно-позитивной экономической ценности станет изменение ключевых рычагов политики и стимулов государственного финансирования в рамках более широкого экономического сброса. Существуют веские основания для более решительных действий в области территориального планирования и регулирования землепользования, реформы государственного финансирования и субсидирования, инновационной политики, способствующей расширению и разворачиванию производства в дополнение к НИОКР, смешанного финансирования и более точной оценки природного капитала как ключевого экономического актива. Многие правительства начинают действовать, но необходимо еще многое сделать, чтобы склонить систему в сторону новой позитивной природной нормы и заставить большинство людей во всем мире осознать, что это не только настоятельная необходимость, но и значительная возможность. По оценкам политического документа, подготовленного компанией Systemiq в сотрудничестве с Всемирным экономическим форумом¹²⁰, вложения в создание природно-позитивной экономики может составить более 10 триллионов долларов в год

к 2030 году – с точки зрения новых экономических возможностей, а также предотвращенных экономических издержек. В краткосрочной перспективе использование около 250 миллиардов долларов стимулирующего финансирования может создать до 37 миллионов высокорентабельных рабочих мест с положительным воздействием на природу. Восстановление окружающей среды должно рассматриваться не как затраты, а как инвестиции, которые обеспечат экономическую активность и возможности трудоустройства.

Хочется надеяться, что угроза от COVID-19 не продлится долго. Однажды она останется позади. В отличие от этого, угроза изменения климата и связанных с ним экстремальных погодных явлений будет с нами в обозримом будущем и далее. Климатический риск проявляется медленнее, чем пандемия, но он будет иметь еще более серьезные последствия. В значительной степени его серьезность будет зависеть от политического ответа на пандемию. Каждая мера, направленная на оживление экономической активности, окажет немедленное влияние на то, как мы живем, но также повлияет на выбросы углекислого газа, которые, в свою очередь, окажут воздействие на окружающую среду по всему миру и будут измеряться поколениями. Как мы утверждали в этой книге, этот выбор предстоит сделать нам.

1.6. Технологический сброс

Когда книга "Четвертая промышленная революция" была опубликована в 2016 году, в ней утверждалось, что "технологии и оцифровка произведут революцию во всем мире, что делает уместным слишком часто употребляемое и часто плохо используемое изречение «это время – другое». Проще говоря, крупные технологические инновации находятся на грани того, чтобы вызвать судьбоносные изменения во всем мире¹²¹. За четыре коротких года, прошедших с тех пор, технологический прогресс продвигался

впечатляюще быстро. Теперь все эти технологии вокруг нас – от беспилотников и распознавания голоса до виртуальных помощников и программ-переводчиков. Наши мобильные устройства стали постоянной и неотъемлемой частью нашей личной и профессиональной жизни, помогая нам по многим направлениям, предугадывая наши потребности, слушая нас и определяя наше местонахождение, даже когда нас об этом не просят... Автоматизация и роботы меняют конфигурацию методов работы предприятий с ошеломляющей скоростью и отдачей в масштабах, немыслимых всего несколько лет назад. Инновации в области генетики, с появлением на горизонте синтетической биологии, также вызывают восторг, прокладывая путь к революционным изменениям в здравоохранении. Биотехнологии все еще не способны остановить, а тем более предотвратить вспышку заболевания, но последние инновации позволили идентифицировать и секвенировать геном коронавируса гораздо быстрее, чем в прошлом, а также разработать более эффективные методы диагностики. Кроме того, новейшие биотехнологические технологии с использованием РНК- и ДНК-платформ позволяют разрабатывать вакцины быстрее, чем когда-либо. Они также могут помочь в разработке новых биоинженерных методов лечения.

Подводя итог, можно сказать, что скорость и размах Четвертой промышленной революции были и остаются поразительными. В этой главе утверждается, что пандемия еще больше ускорит инновации, катализируя уже происходящие технологические изменения (сравнимые с эффектом обострения, который она оказала на другие основные глобальные и внутренние проблемы) и это – «турбонаддув» любого цифрового бизнеса или цифрового аспекта любого бизнеса. Это также обострит одну из величайших общественных и индивидуальных проблем, создаваемых технологиями: неприкосновенность частной жизни. Мы увидим, как отслеживание контактов обладает непревзойденными возможностями и занимает квази-

важное место в арсенале средств, необходимых для борьбы с COVID-19, и в то же время может стать инструментом массовой слежки.

1.6.1. Ускорение цифровой трансформации

С пандемией «цифровая трансформация», о которой многие аналитики говорили годами, не будучи точно уверенными в ее смысле, нашла свой катализатор. Одним из основных последствий заключения в тюрьму (confinement) станет расширение и прогресс цифрового мира в решительной манере и, зачастую, на постоянной основе. Это заметно не только по самым обыденным и анекдотическим аспектам (больше разговоров в Интернете, больше потокового вещания для развлечения, больше цифрового контента в целом), но и с точки зрения более глубоких изменений в работе компаний, что более подробно рассматривается в следующей главе. В апреле 2020 года несколько лидеров технологического сектора заметили, как быстро и радикально необходимость, вызванная кризисом здравоохранения, ускорила внедрение широкого спектра технологий. Оказалось, что всего за один месяц многие компании в плане внедрения технологий переместились на несколько лет вперед. Для тех, кто разбирается в цифровых технологиях, это означало хорошие перспективы, а для остальных – очень плохие перспективы (иногда катастрофические). Сатья Наделла, генеральный директор Microsoft, отметил, что требования, связанные с социальным и физическим отчуждением, создали «удаленное все», отодвинув на два года внедрение широкого спектра технологий, а Сундар Пичаи, генеральный директор Google, восхитился впечатляющим скачком цифровой активности, прогнозируя «значительное и продолжительное» влияние на такие разные сектора, как работа в Интернете, образование, покупки, медицина и развлечения¹²².

1.6.1.1. Потребитель

Во время локдауна многие потребители, ранее не желавшие слишком сильно полагаться на цифровые приложения и услуги, были вынуждены практически в одночасье изменить свои привычки: смотреть фильмы онлайн вместо похода в кинотеатр, заказывать доставку еды вместо похода в ресторан, общаться с друзьями удаленно вместо встречи с ними наяву, разговаривать с коллегами на экране вместо болтовни у кофейного автомата, заниматься спортом онлайн вместо похода в спортзал и так далее. Таким образом, почти мгновенно большинство вещей стали «электронными»: электронное обучение, электронная коммерция, электронные игры, электронные книги, электронная посещаемость. Некоторые из старых привычек, конечно, вернутся (радость и удовольствие от личных контактов ни с чем не сравнить – в конце концов, мы социальные животные!), но многие из технологических моделей поведения, которые мы были вынуждены принять во время заключения, станут более естественными благодаря привычке. По мере того, как социальное и физическое отдаление будет продолжаться, все большее использование цифровых платформ для общения, работы, поиска совета или заказа чего-либо будет постепенно отвоевывать позиции у укоренившихся ранее привычек. Кроме того, плюсы и минусы онлайн и офлайн будут постоянно рассматриваться под разными углами зрения. Если интересы здоровья станут первостепенными, мы можем решить, например, что занятия велоспортом дома перед экраном не сравнятся с общением и весельем, которые можно получить, занимаясь с группой в живом классе, но, тем не менее, это безопаснее (и дешевле!). Те же самые рассуждения применимы ко многим другим областям, например, к полетам на встречу (Zoom безопаснее, дешевле, экологичнее и намного удобнее), к поездке на машине на выходные к дальним родственникам (семейная группа WhatsApp не так весела, но, опять же, безопаснее, дешевле и экологичнее) или даже к посещению академических курсов (не так увлекательно, но дешевле и удобнее).

1.6.1.2. Регулятор

Этот переход к более цифровому «всему» в нашей профессиональной и личной жизни также будет поддерживаться и ускоряться регулирующими органами. До сих пор правительства часто замедляли темпы внедрения новых технологий долгими размышлениями о том, как должна выглядеть оптимальная нормативная база, но, как показывает пример телемедицины и беспилотной доставки, резкое ускорение, вызванное необходимостью, возможно. Во время локдаунов произошло квази-глобальное ослабление регулирования, которое ранее препятствовало прогрессу в тех областях, где технология была доступна в течение многих лет, и внезапно была внедрена потому, что не было лучшего или другого выбора. То, что еще недавно было немыслимо, вдруг стало возможным, и мы можем быть уверены, что ни те пациенты, которые ощутили, насколько проста и удобна телемедицина, ни регулирующие органы, сделавшие это возможным, не захотят, чтобы этот процесс пошел вспять. Новые правила останутся. Аналогичная история разворачивается и в США с Федеральным авиационным управлением, а также в других странах, в связи с ускорением регулирования доставки грузов беспилотниками. Нынешний императив продвижения, несмотря ни на что, «бесконтактной экономики» и последующая готовность регулирующих органов ускорить его означает, что нет никаких ограничений. То, что верно для таких до недавнего времени деликатных областей, как телемедицина и беспилотная доставка, верно и для более обыденных и хорошо освещенных областей регулирования, таких как мобильные платежи. В качестве банального примера можно привести тот факт, что в разгар локдаунов (в апреле 2020 года) европейские банковские регуляторы решили увеличить сумму, которую покупатели могут оплачивать с помощью своих мобильных устройств, а также снизить требования к аутентификации, которые ранее затрудняли осуществление платежей с помощью таких платформ, как PayPal или Venmo. Такие шаги только ускорят «проникновение» цифровых технологий в нашу повседневную жизнь, хотя и не без проблем с кибербезопасностью.

1.6.1.3. Фирма

В том или ином виде меры по социальному и физическому дистанцированию, вероятно, сохранятся и после того, как пандемия утихнет, оправдывая решение многих компаний из разных отраслей ускорить автоматизацию. Через некоторое время постоянная обеспокоенность технологической безработицей отступит, поскольку общество подчеркнет необходимость изменения рабочего места таким образом, чтобы свести к минимуму тесные контакты с людьми. Действительно, технологии автоматизации особенно хорошо подходят для мира, в котором люди не могут находиться слишком близко друг к другу или готовы сократить взаимодействие между людьми. Наш томительный и, возможно, долговременный страх быть зараженным вирусом (COVID-19 или другим), таким образом, ускорит неумолимое шествие автоматизации, особенно в областях, наиболее восприимчивых к автоматизации. В 2016 году два ученых из Оксфордского университета пришли к выводу, что до 86% рабочих мест в ресторанах, 75% рабочих мест в розничной торговле и 59% рабочих мест в сфере развлечений могут быть автоматизированы к 2035 году¹²³. Эти три отрасли относятся к тем, которые больше всего пострадают от пандемии и в которых автоматизация по причинам гигиены и чистоты станет необходимостью, что, в свою очередь, еще больше ускорит переход к более технологичным и более цифровым технологиям. Существует еще одно явление, которое будет способствовать расширению автоматизации: когда «экономическое дистанцирование» может последовать за социальным дистанцированием. По мере того, как страны будут поворачиваться ко своим внутренним интересам, а глобальные компании сокращать свои сверхэффективные, но очень хрупкие цепочки поставок, автоматизация и роботы, позволяющие производить больше продукции на местах, сохраняя при этом низкие затраты, будут пользоваться всё большим спросом.

Процесс автоматизации был запущен много лет назад, но критический важный вопрос вновь связан с ускорением темпов изменений и перехода: пандемия ускорит внедрение автоматизации на рабочих местах и внедрение большего количества роботов в нашу личную и профессиональную жизнь. С самого начала блокировки стало очевидно, что роботы и AI были «естественной» альтернативой, когда человеческий труд был недоступен. Более того, их использовали везде, где это было возможно, чтобы снизить риск для здоровья работников-людей. В то время, когда физическое дистанцирование стало обязательным, роботы использовались в таких разных местах, как склады, супермаркеты и больницы, для выполнения широкого спектра работ, начиная от сканирования полок (область, в которой AI и, конечно же, роботизированная доставка – важный компонент цепочек поставок в здравоохранении, который в скором времени приведет к «бесконтактной» доставке продуктов питания и других предметов первой необходимости. Что касается многих других технологий, которые были в отдаленной перспективе (например, телемедицина), то сейчас предприятия, потребители и государственные органы спешат ускорить процесс внедрения. В таких разных городах, как Ханчжоу, Вашингтон и Тель-Авив, предпринимаются усилия по переходу от пилотных программ к крупномасштабным операциям, способным вывести на дороги и в воздух целую армию роботов-доставщиков. Китайские гиганты электронной коммерции, такие как Alibaba и jd.com, уверены, что в ближайшие 12-18 месяцев автономная доставка может получить широкое распространение в Китае – гораздо раньше, чем предполагалось до начала пандемии.

Максимальное внимание часто уделяется промышленным роботам, поскольку они являются наиболее заметным лицом автоматизации, но радикальное ускорение происходит и в автоматизации рабочих мест с помощью программного обеспечения и машинного обучения. Так называемая роботизированная автоматизация процессов (RPA) делает бизнес более

эффективным за счет установки компьютерного программного обеспечения, которое конкурирует и заменяет действия человека. Это может принимать различные формы, начиная от финансовой группы Microsoft, консолидирующей и упрощающей разрозненные отчеты, инструменты и контент в автоматизированный персонализированный портал, основанный на ролях, до нефтяной компании, устанавливающей программное обеспечение, которое отправляет фотографии трубопровода на двигатель AI, чтобы сравнить их с существующей базой данных и предупредить соответствующих сотрудников о потенциальных проблемах. Во всех случаях RPA помогает сократить время на сбор и проверку данных, а значит, снизить затраты (за счет вероятного роста безработицы, о чем говорилось в разделе «Экономический сброс»). Во время пика пандемии RPA завоевала свою популярность, доказав свою эффективность при работе со скачками объема; таким образом, в постпандемическую эпоху этот процесс будет внедряться и ускоряться. Два примера подтверждают этот тезис. Решения RPA помогли некоторым больницам ускорить получение результатов анализов на COVID-19, сэкономя медсестрам до трех часов работы в день. Аналогичным образом, цифровое устройство AI, обычно используемое для ответа на запросы клиентов в режиме онлайн, было адаптировано для того, чтобы помочь медицинским цифровым платформам проводить онлайн скрининг пациентов на наличие симптомов COVID-19. По всем этим причинам компания Bain & Company (консалтинговая фирма) считает, что число компаний, внедряющих автоматизацию бизнес-процессов, удвоится в течение следующих двух лет, а пандемия может сократить этот срок еще больше¹²⁴.

1.6.2. Отслеживание контактов, слежение за контактами и наблюдение

Из опыта стран, которые наиболее эффективно справились с пандемией (в частности, стран Азии), можно извлечь важный урок: технологии в целом и

цифровые технологии в частности помогают. Успешное отслеживание контактов оказалось ключевым компонентом успешной стратегии борьбы с COVID-19. Хотя локдауны эффективны для снижения скорости распространения коронавируса, они не устраняют угрозу пандемии. Кроме того, они сопряжены с непомерно высокими экономическими и социальными издержками. Будет очень трудно бороться с COVID-19 без эффективного лечения или вакцины, а до тех пор наиболее эффективным способом сдержать или остановить передачу вируса является широкомасштабное тестирование с последующей изоляцией больных, отслеживанием контактов и карантином контактов с инфицированными людьми. Как мы увидим ниже, в этом процессе технология может стать грозным средством, позволяющим работникам здравоохранения очень быстро выявлять инфицированных людей, тем самым сдерживая вспышку до того, как она начнет распространяться.

Поэтому отслеживание контактов и слежение являются важнейшими компонентами ответных мер общественного здравоохранения на COVID-19. Оба термина часто используются как взаимозаменяемые, однако они имеют несколько разное значение. Приложение для отслеживания получает информацию в режиме реального времени, например, определяя текущее местоположение человека с помощью геоданных через координаты GPS или местоположение базовой станции сотовой связи. В отличие от этого, отслеживание заключается в получении информации в ретроспективе, например, выявлении физических контактов между людьми с помощью Bluetooth. Ни один из этих методов не дает чудесного решения, способного полностью остановить распространение пандемии, но они позволяют почти сразу же забить тревогу, что дает возможность раннего вмешательства, тем самым ограничивая или сдерживая вспышку, особенно когда она происходит в сверхплотной среде (например, в обществе или на семейном собрании). Для удобства и простоты чтения мы объединим эти два понятия и будем

использовать их как взаимозаменяемые (как это часто делают статьи в прессе).

Очевидно, что наиболее эффективной формой слежения или отслеживания является технология: она позволяет не только проследить все контакты, с которыми пользователь мобильного телефона поддерживал связь, но и отслеживать перемещения пользователя в режиме реального времени, что, в свою очередь, дает возможность лучше обеспечить блокировку и предупредить других пользователей мобильных телефонов, находящихся поблизости от носителя, о том, что они подверглись заражению.

Неудивительно, что цифровое отслеживание стало одним из самых деликатных вопросов в сфере общественного здравоохранения, вызывая острую озабоченность по поводу конфиденциальности во всем мире. На ранних стадиях пандемии многие страны (в основном в Восточной Азии, но также и другие, например, Израиль) решили внедрить цифровое отслеживание в различных формах. Они перешли от ретроактивного отслеживания цепочек заражения в прошлом к отслеживанию перемещений в режиме реального времени, чтобы задержать человека, зараженного COVID-19, и обеспечить соблюдение последующих карантинов или частичной изоляции. С самого начала Китай, САР Гонконг и Южная Корея применяли принудительные и интрузивные меры цифрового отслеживания. Они приняли решение отслеживать людей без их согласия, через данные их мобильных телефонов и кредитных карт, и даже использовали видеонаблюдение (в Южной Корее). Кроме того, некоторые страны требовали обязательного ношения электронных браслетов для прибывающих в страну путешественников и людей, находящихся в карантине (в САР Гонконг), чтобы предупредить людей, склонных к заражению. Другие выбрали "промежуточные" решения, когда лица, помещенные в карантин,

оснащаются мобильным телефоном для отслеживания их местонахождения и публичной идентификации в случае нарушения ими правил.

Наиболее восхваляемым и обсуждаемым решением в области цифрового отслеживания было приложение TraceTogether, разработанное Министерством здравоохранения Сингапура. По-видимому, оно предлагает «идеальный» баланс между эффективностью и вопросами конфиденциальности, поскольку данные пользователя хранятся на телефоне, а не на сервере, и благодаря анонимному присвоению наименования учетной записи. Обнаружение контактов работает только с последними версиями Bluetooth (очевидное ограничение во многих менее развитых в цифровом отношении странах, где большой процент мобильных телефонов не имеет достаточных возможностей Bluetooth для эффективного обнаружения). Bluetooth определяет физические контакты пользователя с другим пользователем приложения с точностью до двух метров и, если возникает риск передачи COVID-19, приложение предупреждает об этом, после чего передача сохраненных данных в министерство здравоохранения становится обязательной (но анонимность контакта сохраняется). Таким образом, TraceTogether не требует вмешательства в частную жизнь, и это приложение, у которого доступен открытый исходный код, позволяет использовать его в любой стране мира, однако защитники частной жизни возражают, что риски все же существуют. Если все население страны загрузит приложение, и если произойдет резкий рост заражений COVID-19, то приложение может идентифицировать большинство граждан. Кибервзломы, вопросы доверия к оператору системы и сроки хранения данных создают дополнительные проблемы с конфиденциальностью.

Существуют и другие варианты. В основном они связаны с доступностью открытых и проверяемых исходных кодов, а также с гарантиями, касающимися контроля данных и продолжительности их сохранения. Можно

было бы принять общие стандарты и нормы, особенно в ЕС, где многие граждане опасаются, что пандемия заставит искать компромисс между конфиденциальностью и здоровьем. Но, как заметила Маргрете Вестагер, комиссар ЕС по вопросам конкуренции:

«Я думаю, что это ложная дилемма, потому что с помощью технологий можно сделать много вещей, которые не нарушают неприкосновенность частной жизни. Я думаю, что очень часто, когда люди говорят, что это можно сделать только одним способом, это потому, что они хотят получить данные для своих собственных целей. Мы разработали ряд рекомендаций, и вместе с государствами-членами мы превратили их в набор инструментов, так что вы можете использовать добровольно приложение с децентрализованным хранением данных, с технологией Bluetooth. Вы можете использовать технологию для отслеживания вируса, но при этом предоставить людям свободу выбора, и, делая это, люди доверяют, что технология предназначена для отслеживания вируса, а не для каких-либо других целей. Я думаю, очень важно, чтобы мы показали, что мы действительно имеем в виду, когда говорим, что вы должны иметь возможность доверять технологии при ее использовании, что это не начало новой эры наблюдения. Это для отслеживания вирусов, и это может помочь нам открыть наши общества»¹²⁵.

И снова мы хотим подчеркнуть, что это быстро развивающаяся и крайне нестабильная ситуация. Объявление, сделанное в апреле компаниями Apple и Google, о сотрудничестве в разработке приложения, которое сотрудники здравоохранения могли бы использовать для ретроспективного анализа перемещений и связей человека, зараженного вирусом, указывает на возможный выход для обществ, наиболее обеспокоенных конфиденциальностью данных и боящихся цифрового наблюдения больше всего на свете. Человек, который носит мобильный телефон, должен будет добровольно загрузить приложение и согласиться на обмен данными, и обе

компаниям ясно дали понять, что их технология не будет предоставлена агентствам общественного здравоохранения, которые не соблюдают их руководящие принципы конфиденциальности. Но у приложений для добровольного отслеживания контактов есть проблема: они действительно сохраняют конфиденциальность своих пользователей, но эффективны только при достаточно высоком уровне участия – проблема коллективного действия, которая еще раз подчеркивает глубоко взаимосвязанную природу современной жизни под индивидуалистическим фасадом прав и договорных обязательств. Ни одно добровольное приложение для отслеживания контрактов не будет работать, если люди не желают предоставлять свои личные данные правительственному агентству, которое следит за системой; если любой человек откажется загружать приложение (и, следовательно, скрывать информацию о возможном заражении, перемещениях и контактах), это негативно скажется на всех. В конечном счете, граждане будут пользоваться приложением только в том случае, если они считают его надежным, что само по себе зависит от доверия к правительству и государственным органам. По состоянию на конец июня 2020 года опыт использования приложений для отслеживания был недавним и неоднозначным. Менее чем в 30 странах они были внедрены¹²⁶. В Европе некоторые страны, такие как Германия и Италия, внедрили приложения, основанные на системе, разработанной Apple и Google, в то время как другие страны, например Франция, решили разработать собственное приложение, что вызвало вопросы совместимости. В целом, технические проблемы и опасения по поводу конфиденциальности, похоже, повлияли на использование и скорость принятия приложения. Вот несколько примеров: Великобритания после технических неполадок и критики со стороны защитников конфиденциальности сделала разворот и решила заменить свое приложение для отслеживания контактов, разработанное внутри страны, на модель, предлагаемую Apple и Google. Норвегия приостановила использование своего приложения из-за проблем с конфиденциальностью, а

во Франции, спустя всего три недели после запуска, приложение StopCovid просто не прижилось, с очень низким уровнем принятия (1,9 миллиона человек), после чего часто принимались решения о его удалении.

Сегодня в мире существует около 5,2 миллиарда смартфонов, каждый из которых потенциально может помочь определить, кто, где, а, часто, и кем заражен. Эта беспрецедентная возможность может объяснить, почему различные опросы, проведенные в США и Европе во время блокировок, показали, что все большее число граждан выступают за отслеживание смартфонов государственными органами (в очень определенных границах). Но, как всегда, дьявол кроется в деталях политики и ее реализации. Такие вопросы, как обязательность или добровольность цифровой слежки, сбор данных на анонимной или персональной основе, а также сбор информации в частном или публичном порядке, содержат множество различных оттенков черного и белого, что делает чрезвычайно сложным коллективное согласование единой модели цифровой слежки. Все эти вопросы и беспокойство, которое они могут вызывать, обострились в связи с ростом числа корпораций, отслеживающих состояние здоровья сотрудников, который возник на ранних стадиях открытия национальных предприятий. Их актуальность будет постоянно возрастать по мере того, как будет затягиваться коронавирусная пандемия и появятся опасения относительно других возможных пандемий.

Когда коронавирусный кризис отступит и люди начнут возвращаться на рабочие места, корпорации перейдут к более активному наблюдению; к лучшему или к худшему, компании будут следить, а иногда и записывать то, что делают их сотрудники. Эта тенденция может принимать различные формы, от измерения температуры тела с помощью тепловизоров до контроля через приложение за тем, как сотрудники соблюдают социальную дистанционность. В связи с этим неизбежно возникнут серьезные вопросы регулирования и конфиденциальности, которые многие компании будут

отвергать, утверждая, что, если они не усилят цифровое наблюдение, они не смогут возобновить работу без риска новых вспышек распространения инфекций (и в некоторых случаях будут нести за это ответственность). Они будут ссылаться на охрану здоровья и безопасность в качестве оправдания для усиления наблюдения.

Постоянная озабоченность законодателей, ученых и профсоюзных деятелей заключается в том, что инструменты наблюдения, скорее всего, останутся на своих местах после кризиса и даже когда вакцина будет наконец найдена, просто потому, что у работодателей нет стимула демонтировать систему наблюдения после ее установки, особенно если одним из косвенных преимуществ наблюдения является проверка производительности труда сотрудников.

Именно это произошло после террористических атак 11 сентября 2001 года. Во всем мире новые меры безопасности, такие как использование широко распространенных камер видеонаблюдения, требование электронных идентификационных карт, регистрация входа и выхода сотрудников или посетителей, стали нормой. В то время эти меры считались экстремальными, но сегодня они используются повсеместно и считаются "нормальными". Все большее число аналитиков, политиков и специалистов по безопасности опасаются, что то же самое произойдет и с технологическими решениями, принятыми для сдерживания пандемии. Они предвидят, что нас ждет антиутопический мир.

1.6.3. Риск антиутопии

Теперь, когда информационные и коммуникационные технологии проникают практически во все аспекты нашей жизни и формы социального участия, любой наш цифровой опыт может быть превращен в "продукт",

предназначенный для мониторинга и прогнозирования нашего поведения. Риск возможной антиутопии вытекает из этого наблюдения. За последние несколько лет она питала бесчисленные произведения искусства, начиная с таких романов, как "Рассказ горничной", и заканчивая телесериалом "Черное зеркало". В академической среде она находит свое выражение в исследованиях, проводимых такими учеными, как Шошана Зубофф (Shoshana Zuboff). Ее книга «Капитализм наблюдения» (Surveillance Capitalism) предупреждает о том, что потребители вновь превращаются в источники данных, а «капитализм наблюдения» трансформирует нашу экономику, политику, общество и нашу собственную жизнь, создавая глубоко антидемократическую асимметрию знаний и власти, которую дают знания.

В ближайшие месяцы и годы компромисс между пользой для общественного здоровья и потерей приватности будет тщательно взвешиваться, становясь темой многих оживленных бесед и жарких дебатов. Большинство людей, опасаясь опасности, исходящей от COVID-19, спросят: не глупо ли не использовать возможности технологии, чтобы прийти нам на помощь, когда мы станем жертвами вспышки и окажемся в ситуации, когда риск для жизни окажется не за горами? Тогда они будут готовы отказаться от большей части частной жизни и согласятся с тем, что в таких обстоятельствах государственная власть может по праву превалировать над правами личности. Затем, когда кризис закончится, некоторые могут осознать, что их страна внезапно превратилась в место, где они больше не хотят жить. В этом процессе мышления нет ничего нового. В последние несколько лет и правительства, и фирмы используют все более сложные технологии для наблюдения, а иногда и манипулирования гражданами и сотрудниками; если мы не будем бдительны, предупреждают защитники частной жизни, пандемия станет важным водоразделом в истории наблюдения¹²⁷. Аргумент, выдвигаемый теми, кто прежде всего боится наступления технологий на личную свободу, прост и понятен: во имя общественного здоровья некоторые

элементы частной жизни будут отброшены ради сдерживания эпидемии, точно так же, как террористические атаки 11 сентября вызвали усиление на постоянной основе служб безопасности во имя защиты общественной безопасности. Затем, сами того не осознавая, мы станем жертвами новых сил наблюдения, которые никогда не отступят и которые могут быть использованы в качестве политического средства для достижения более зловещих целей.

Как показали последние несколько страниц, пандемия может открыть эру активного наблюдения за здоровьем, которое станет возможным благодаря смартфонам, определяющим местоположение, камерам, распознающим лица, и другим технологиям, позволяющим выявлять источники инфекции и отслеживать распространение болезни в квази-реальном времени.

Несмотря на все меры предосторожности, которые некоторые страны принимают для контроля над мощностью технологий и ограничения наблюдения (другие страны не столь озабочены этим), некоторые мыслители беспокоятся о том, как некоторые из быстрых решений, которые мы принимаем сегодня, повлияют на наше общество на годы вперед. Историк Юваль Ной Харари - один из них. В своей недавней статье он утверждает, что нам предстоит сделать фундаментальный выбор между тоталитарной слежкой и расширением прав и возможностей граждан. Стоит подробно разобрать его аргументы:

Технологии наблюдения развиваются с бешеной скоростью, и то, что 10 лет назад казалось научной фантастикой, сегодня является старой новостью. В качестве эксперимента рассмотрим гипотетическое правительство, которое требует, чтобы каждый гражданин носил биометрический браслет, отслеживающий температуру тела и частоту сердечных сокращений 24 часа в сутки. Полученные данные будут

накапливаться и анализироваться правительственными алгоритмами. Алгоритмы будут знать, что вы больны, еще до того, как вы об этом узнаете, а также будут знать, где вы были и с кем встречались. Цепочки заражения могут быть радикально сокращены и даже полностью прерваны. Такая система может остановить эпидемию в считанные дни. Звучит замечательно, правда? Недостатком, конечно, является то, что это придаст легитимность новой ужасающей системе наблюдения. Если вы, например, знаете, что я перешел по ссылке Fox News, а не CNN, это может рассказать вам кое-что о моих политических взглядах и, возможно, даже о моей личности. Но если вы сможете проследить, что происходит с температурой моего тела, кровяным давлением и частотой сердечных сокращений во время просмотра видеоклипа, вы сможете узнать, что заставляет меня смеяться, что заставляет меня плакать, а что заставляет меня очень, очень злиться. Очень важно помнить, что гнев, радость, скука и любовь – это такие же биологические явления, как жар и кашель. Та же технология, которая идентифицирует кашель, может идентифицировать и смех. Если корпорации и правительства начнут массово собирать наши биометрические данные, они смогут узнать нас гораздо лучше, чем мы сами себя знаем, и тогда они смогут не только предсказывать наши чувства, но и манипулировать ими и продавать нам все, что захотят – будь то товар или политик. Биометрический мониторинг сделает тактику взлома данных Cambridge Analytica похожей на что-то из каменного века. Представьте себе Северную Корею в 2030 году, когда каждый гражданин должен будет носить биометрический браслет 24 часа в сутки. Если вы слушаете речь великого вождя и браслет улавливает признаки гнева, вам конец¹²⁸.

Нас предупредили! Некоторые социальные комментаторы, такие как Евгений Морозов, идут еще дальше, убежденные, что пандемия предвещает темное

будущее технототалитарного государственного наблюдения. Его аргументы, основанные на концепции «технологического решения», выдвинутой в книге, написанной в 2012 году, утверждают, что технологические «решения», предлагаемые для сдерживания пандемии, обязательно выведут государство наблюдения на новый уровень. Он видит подтверждение этому в двух различных направлениях «решения» в правительственных ответах на пандемию, которые он выявил. С одной стороны, есть «прогрессивные сторонники решений», которые считают, что соответствующее ознакомление через приложение с нужной информацией об инфекции может заставить людей вести себя в интересах общества. С другой стороны, есть «каратели», которые намерены использовать обширную инфраструктуру цифрового наблюдения для ограничения нашей повседневной деятельности и наказания за любые проступки. Самую большую и окончательную опасность для наших политических систем и свобод Морозов видит в том, что «успешный» пример технологий в мониторинге и сдерживании пандемии затем «закрепит инструментарий "решателей" в качестве стандартного варианта решения всех других экзистенциальных проблем – от неравенства до изменения климата». В конце концов, гораздо проще использовать технологии решения проблем для влияния на поведение отдельных людей, чем задавать сложные политические вопросы о коренных причинах этих кризисов»¹²⁹.

Спиноза, философ XVII века, который всю свою жизнь сопротивлялся деспотичной власти, знаменито сказал: «Страх не может быть без надежды, как и надежда без страха». Это хороший руководящий принцип для завершения этой главы, наряду с мыслью о том, что ничто не является неизбежным и что мы должны симметрично осознавать как хорошие, так и плохие результаты. Антиутопические сценарии – это не смертельно. Действительно, в эпоху после пандемии личное здоровье и благополучие

станут гораздо более приоритетными для общества, поэтому джинна технологического наблюдения не удастся загнать обратно в бутылку. Но контролировать и использовать преимущества технологий без ущерба для наших индивидуальных и коллективных ценностей и свобод должны те, кто управляет, и каждый из нас лично.

2. Микросброс (Промышленность и бизнес)

На микроуровне, то есть на уровне отраслей и компаний, Великий Сброс повлечет за собой длительную и сложную серию изменений и адаптации. Столкнувшись с этим, некоторые лидеры отрасли и руководители высшего звена могут поддасться искушению приравнять Сброс к Перезагрузке, надеясь вернуться к старому и восстановить то, что работало в прошлом: традиции, проверенные процедуры и привычные способы ведения дел – короче говоря, вернуться к привычному ведению бизнеса. Этого не произойдет, потому что не может произойти никак. В большинстве своем «бизнес по-старому» умер от COVID-19 (или, по крайней мере, был заражен им). Некоторые отрасли промышленности были разрушены экономической спячкой, вызванной закрытием предприятий, локдаунами и мерами социальной защиты. Другим будет трудно восстановить утраченные доходы, прежде чем они смогут пройти по все более узкому пути к прибыльности, вызванному экономической рецессией, охватившей мир. Однако для большинства компаний, вступающих в посткоронавирусное будущее, ключевым вопросом будет поиск оптимального баланса между тем, что было раньше, и тем, что необходимо сейчас для процветания в новой нормальности. Для этих компаний пандемия – уникальная возможность переосмыслить свою организацию и осуществить позитивные, устойчивые и долгосрочные изменения.

Что будет определять новую нормальность в бизнесе после распространения коронавируса? Как компании смогут найти оптимальное равновесие между

прошлым успехом и основами, необходимыми для успеха в постпандемическую эпоху? Ответ, безусловно, зависит от конкретной отрасли и степени тяжести, с которой на неё негативно повлияла пандемия. В эпоху после COVID-19, за исключением тех немногих отраслей, в которых компании в среднем выиграют от сильных попутных ветров (в первую очередь это касается технологий, здравоохранения и оздоровления), путь будет сложным, а иногда и коварным. Для некоторых из них, таких как сфера развлечений, путешествий или гостиничного бизнеса, возвращение к условиям, существовавшим до пандемии, немыслимо в обозримом будущем (а, в некоторых случаях, возможно, и никогда...). Для других, таких как производство или продукты питания, важнее найти способы адаптации к шоку и использовать некоторые новые тенденции (например, цифровые) для процветания в постпандемическую эпоху. Размер также имеет значение. Малые предприятия, которые в среднем оперируют меньшими денежными резервами, маржой и прибылью, чем крупные компании, столкнутся с куда большими трудностями. В будущем большинство из них будут иметь дело с соотношением затрат и доходов, которое ставит их в невыгодное положение по сравнению с более крупными конкурентами. Однако малый размер может дать некоторые преимущества в современном мире, где гибкость и быстрота могут сыграть решающую роль в адаптации. Быть проворным легче для небольшой структуры, чем для промышленного гиганта.

При всем этом, независимо от отрасли и конкретной ситуации, в которой они оказались, почти каждая компания, принимающая решения по всему миру, столкнется с аналогичными проблемами и будет вынуждена отвечать на некоторые общие вопросы и вызовы. Наиболее очевидными из них являются следующие:

1. Должен ли я поощрять удаленную работу для тех, кто может это сделать (около 30% от общей численности рабочей силы в США)?

2. Сокращу ли я авиаперевозки в своем бизнесе, и сколько личных встреч я могу реально заменить виртуальным взаимодействием?
3. Как я могу преобразовать бизнес и процесс принятия решений, чтобы стать более гибким и действовать быстрее и решительнее?
4. Как я могу ускорить оцифровку и внедрение цифровых решений?

Макросброс, о котором шла речь в главе 1, приведет к многочисленным микропоследствиям на уровне отрасли и компаний. Ниже мы рассмотрим некоторые из этих основных тенденций, прежде чем перейти к вопросу о том, кто станет «победителями и проигравшими» в результате пандемии и ее влияния на конкретные отрасли.

2.1. Микротренды

Мы все еще находимся в самом начале постпандемической эры, но новые мощные или ускоряющиеся тенденции действуют уже сейчас. Для одних отраслей они станут благом, для других – серьезной проблемой. Однако во всех отраслях каждая компания должна будет извлечь максимум пользы из этих новых тенденций, адаптируясь к ним быстро и решительно. Те компании, которые окажутся наиболее гибкими и проворными, станут сильнее.

2.1.1. Ускорение цифровизации

В допандемическую эпоху шума о «цифровой трансформации» была мантрой большинства советов директоров и исполнительных комитетов. Цифровая трансформация была «ключевой», ее нужно было «решительно» внедрять, и она рассматривалась как «предпосылка успеха»! С тех пор, всего

за несколько месяцев, эта мантра стала обязательным условием, а в случае некоторых компаний даже вопросом жизни или смерти. Это объяснимо и понятно. Во время заключения мы полностью зависели от Сети в большинстве вопросов: от работы и образования до общения. Именно онлайн-сервисы позволяли нам сохранять видимость нормальной жизни, и вполне естественно, что «онлайн» стал крупнейшим бенефициаром пандемии, дав огромный толчок технологиям и процессам, позволяющим нам делать все удаленно: универсальному широкополосному интернету, мобильным и удаленным платежам, работоспособным электронным государственным услугам и т.п. Прямым следствием этого станет то, что предприятия, уже работавшие в Интернете, получают долгосрочное конкурентное преимущество. По мере того, как все больше и больше разнообразных вещей и услуг будут предоставляться нам через наши мобильные телефоны и компьютеры, компании в таких разных секторах, как электронная коммерция, бесконтактные операции, цифровой контент, роботы и беспилотные доставки (и это лишь часть из них), будут процветать. Не случайно такие компании, как Alibaba, Amazon, Netflix или Zoom, оказались «победителями» в результате локдауна.

По большому счету, потребительский сектор начал двигаться первым и быстрее всех. От необходимого бесконтактного опыта, навязанного многим компаниям пищевой и розничной торговли во время локдауна, до виртуальных шоу-румов в обрабатывающей промышленности, позволяющих клиентам просматривать и выбирать наиболее понравившиеся им товары, большинство компаний, работающих в сфере бизнеса, быстро поняли необходимость предложить своим клиентам цифровое путешествие «от начала до конца».

По мере того, как некоторые локдауны закончились и некоторые экономики ожили, аналогичные возможности появились и в приложениях для бизнеса,

особенно в производстве, где правила физического разделения должны были быть введены в действие в кратчайшие сроки, часто в сложных условиях (например, на сборочных линиях). В результате технология IoT (интернет вещей) добилась впечатляющих успехов. Некоторые компании, которые в недавнем без-локдаунном прошлом (pre-lockdown past) медленно принимали IoT, теперь массово внедряют его с конкретной целью – делать как можно больше вещей удаленно. Обслуживание оборудования, управление запасами, отношения с поставщиками или стратегии безопасности: все эти виды деятельности теперь можно выполнять (в значительной степени) с помощью компьютера. IoT предлагает компаниям не только средства для выполнения и поддержания правил, нарушающих социальную сферу, но и для снижения затрат и осуществления более гибких операций.

Во время пика пандемии, тенденция «O2O – online to offline» – приобрела большую популярность, подчеркивая важность присутствия как в онлайн, так и в офлайн, и открывая двери (или, возможно, даже шлюзы) для подобного поворота (eversion). Это явление стирания различий между онлайн и офлайн, о котором сказал известный писатель-фантаст Уильям Гибсон: «Наш мир постоянно расширяется»¹³⁰, а киберпространство неустанно открывается, стало одной из самых многообещающих тенденций эпохи после COVID-19. Пандемический кризис ускорил этот феномен поворота, потому что он одновременно заставил и подтолкнул нас к цифровому, «невесомому» миру быстрее, чем когда-либо, поскольку все больше и больше видов экономической деятельности не имели другого выбора, кроме как продолжать действовать в цифровом формате: образование, консалтинг, издательская деятельность и многое другое. Можно сказать, что на некоторое время телепортация вытеснила транспорт: большинство заседаний исполнительных комитетов, советов директоров, командных встреч, мозговых штурмов и других форм личного или социального взаимодействия должны были проходить дистанционно. Эта

новая реальность отражена в рыночной капитализации Zoom (компания, занимающейся видеоконференциями), которая в июне 2020 года подскочила до 70 миллиардов долларов, что на тот момент было больше, чем у любой американской авиакомпания. Одновременно с этим крупные интернет-компании, такие как Amazon и Alibaba, решительно расширяют свой бизнес в сфере «O2O», особенно в розничной торговле продуктами питания и логистике.

Такие тенденции, как телемедицина или удаленная работа, получившие широкое распространение во время эпидемии, вряд ли отступят – для них не будет возврата к статус-кво, преобладавшему до пандемии. Телемедицина, в частности, получит значительные преимущества. По понятным причинам здравоохранение является одной из наиболее жестко регулируемых отраслей в мире, что неизбежно замедляет темпы инноваций. Однако необходимость бороться с пандемией любыми доступными средствами (плюс, во время вспышки, необходимость защитить медицинских работников, позволив им работать удаленно) устранила некоторые нормативные и законодательные препятствия, связанные с внедрением телемедицины. В будущем, несомненно, все больше медицинских услуг будет оказываться дистанционно. Это, в свою очередь, ускорит тенденцию к использованию более носимых и домашних средств диагностики, таких как «умные» туалеты, способные отслеживать данные о состоянии здоровья и проводить анализ состояния здоровья. Кроме того, пандемия может оказаться благом для онлайн-образования. В Азии переход к онлайн-образованию был особенно заметен: резко возросло число студентов, обучающихся в цифровом формате, значительно повысилась стоимость бизнеса в сфере онлайн-образования и увеличился объем капитала, доступного для стартапов в сфере «ed-tech». Обратной стороной этой медали станет усиление давления на учебные заведения, предлагающие более традиционные методы образования, с целью

подтверждения их ценности и обоснования стоимости обучения (о чем мы расскажем чуть позже).

Темпы роста не могут не поражать воображение. «В Великобритании в 2019 году менее 1 процента первичных медицинских консультаций проходили по видеосвязи; в условиях изоляции 100 процентов проходят дистанционно». Другой пример: в 2019 году один из ведущих американских ритейлеров хотел запустить бизнес по доставке товаров «до двери» (curbside-delivery); его план предусматривал 18 месяцев. Во время блокировки он был запущен менее чем за неделю, что позволило ему обслуживать своих клиентов, сохраняя при этом средства к существованию своих сотрудников. Во время кризиса количество банковских операций в режиме онлайн возросло с 10 процентов до 90 процентов, при этом качество не снизилось, а уровень соответствия требованиям повысился, обеспечивая клиентам не только банковское обслуживание в режиме онлайн»¹³¹. Подобных примеров множество.

Реакция общества на пандемию и физические меры, принятые во время заключения (confinement), также приведут к тому, что электронная коммерция станет все более мощным отраслевым трендом. Потребителям нужны товары, и, если у них нет возможности ходить по магазинам, они неизбежно прибегнут к их покупке через Интернет. По мере формирования привычки люди, которые никогда раньше не совершали покупок через Интернет, будут чувствовать себя комфортно, а те, кто раньше совершал покупки через Интернет лишь частично, предположительно, будут больше полагаться на него. Это стало очевидным во время локдаунов. В США Amazon и Walmart наняли в общей сложности 250 000 работников, чтобы справиться с ростом спроса, и создали массивную инфраструктуру для доставки товаров через Интернет. Ускоряющийся рост электронной коммерции означает, что гиганты индустрии розничной торговли через Интернет, скорее всего, выйдут из кризиса еще более сильными, чем в

допандемическую эпоху. В истории всегда есть две стороны: по мере распространения привычки делать покупки через Интернет, она будет еще больше угнетать кирпичную и минометную (на центральных улицах и в торговых центрах) розничную торговлю – явление, более подробно рассмотренное в следующих разделах.

2.1.2. Эластичные цепочки поставок

Сама природа глобальных цепочек поставок и их врожденная хрупкость подразумевает, что споры о сокращении этих цепочек ведутся уже много лет. Они имеют тенденцию быть запутанными и сложными в управлении. Их также трудно контролировать с точки зрения соблюдения экологических стандартов и трудового законодательства, что потенциально подвергает компании репутационному риску и наносит ущерб их брендам. В свете этого тревожного прошлого пандемия вбила последний гвоздь в крышку гроба принципа, согласно которому компании должны оптимизировать цепочки поставок на основе стоимости отдельных компонентов и зависимости от единственного источника поставок критически важных материалов, что, в общем виде, означает предпочтение эффективности перед устойчивостью. В эпоху после пандемии будет преобладать «сквозная оптимизация стоимости» – идея, которая включает в себя как устойчивость, так и эффективность наряду с затратами. Это находит свое воплощение в формуле, согласно которой «точно в срок» в конечном итоге заменит «точно вовремя».

Потрясения глобальных цепочек поставок, проанализированные в макроразделе, затронут как глобальные предприятия, так и небольшие компании. Но что означает «just-in-case» на практике? Модель глобализации, разработанная в конце прошлого века, задуманная и созданная глобальными производственными компаниями, которые искали дешевую рабочую силу, продукты и компоненты, нашла свои пределы. Она раздробила

международное производство на все более сложные части и привела к созданию системы, работающей по принципу «точно в срок», которая оказалась чрезвычайно бережливой и эффективной, но в то же время чрезвычайно сложной и, как таковая, очень уязвимой (сложность порождает хрупкость и часто приводит к нестабильности). Поэтому упрощение является противоядием, которое, в свою очередь, должно обеспечить большую устойчивость. Это означает, что «глобальные цепочки создания стоимости», на которые приходится примерно три четверти всей мировой торговли, неизбежно придут в упадок. Этот спад будет усугубляться новой реальностью: компании, зависящие от сложных цепочек поставок «точно в срок», больше не могут считать само собой разумеющимся, что тарифные обязательства, закрепленные Всемирной торговой организацией, защитят их от внезапного всплеска протекционизма где-либо. В результате они будут вынуждены подготовиться соответствующим образом, сократив или локализовав свою цепочку поставок и разработав альтернативные планы производства или закупок для защиты от длительных сбоев. Каждый бизнес, прибыльность которого зависит от принципа глобальной цепи поставок «точно в срок», должен будет переосмыслить свою деятельность и, возможно, пожертвовать идеей максимизации эффективности и прибыли ради «безопасности поставок» и устойчивости. Таким образом, устойчивость станет главным фактором для любого бизнеса, серьезно настроенного на защиту от сбоев – будь то сбои в работе конкретного поставщика, возможные изменения в торговой политике или в конкретной стране или регионе. На практике это заставит компании диверсифицировать свою базу поставщиков, даже ценой хранения запасов и создания резервных мощностей. Это также заставит эти компании убедиться, что то же самое происходит в их собственной цепи поставок: они будут оценивать устойчивость всей цепи поставок, вплоть до своего конечного поставщика и, возможно, даже поставщиков своих поставщиков. Затраты на производство неизбежно возрастут, но это будет цена, которую придется заплатить за создание

устойчивости. На первый взгляд, наиболее пострадавшими отраслями, которые первыми изменят производственные схемы, являются автомобилестроение, электроника и промышленное оборудование.

2.1.3. Правительство и бизнес

По всем причинам, о которых говорилось в первой главе, COVID-19 переписал многие правила игры между государственным и частным секторами. В эпоху после пандемии бизнес будет подвергаться гораздо большему вмешательству со стороны государства, чем в прошлом. Благожелательное (или не очень) вмешательство правительств в жизнь компаний и ведение их бизнеса будет зависеть от страны и отрасли и, следовательно, принимать различные обличья. Ниже описаны три заметные формы воздействия, которые с силой проявятся в первые месяцы постпандемического периода: условное спасение, государственные закупки и регулирование рынка труда.

Начнем с того, что все пакеты мер по стимулированию экономики в западных странах для поддержки пострадавших отраслей и отдельных компаний будут содержать условия, ограничивающие, в частности, возможности заемщиков увольнять сотрудников, выкупать акции и выплачивать бонусы руководителям. В том же ключе правительства (поощряемые, поддерживаемые, а иногда и «подталкиваемые» активистами и общественными настроениями) будут стремиться к подозрительно низким корпоративным налогам и щедрому вознаграждению руководителей. Они будут проявлять мало снисхождения к топ-менеджерам и инвесторам, которые заставляют компании тратить больше средств на обратный выкуп акций, минимизировать свои налоговые выплаты и выплачивать огромные дивиденды. Американские авиакомпании, которых осуждали за обращение за помощью к правительству, но которые недавно и последовательно

использовали большие суммы денежных средств компании для выплаты дивидендов акционерам, являются ярким примером того, как это изменение в общественном отношении будет применяться правительствами. Кроме того, в ближайшие месяцы и годы может произойти «смена режима», когда политики возьмут на себя значительную часть риска дефолта частного сектора. Когда это произойдет, правительства захотят получить что-то взамен. Подобную ситуацию иллюстрирует спасение Lufthansa в Германии: правительство влило ликвидность в национального перевозчика, но только при условии, что компания ограничит выплаты руководителям (включая опционы на акции) и обязуется не выплачивать дивиденды.

Улучшение согласованности между государственной политикой и корпоративным планированием станет предметом особого внимания с точки зрения усиления государственного вмешательства. Схватка за аппараты искусственной вентиляции легких во время пика пандемии является наглядным примером. В 2010 году в США по государственному контракту было заказано 40 000 аппаратов искусственной вентиляции легких, но они так и не были поставлены, что во многом объясняет их нехватку в стране, которая стала столь очевидной в марте 2020 года. Что привело к такой ситуации нехватки? В 2012 году первоначальная компания, выигравшая тендер, была куплена (при несколько сомнительных и неясных обстоятельствах) гораздо более крупным производителем (публично торгуемой компанией, также производящей аппараты искусственной вентиляции легких): позже выяснилось, что компания-покупатель хотела помешать первоначальному участнику тендера создать более дешевый аппарат искусственной вентиляции легких, который подорвал бы прибыльность ее собственного бизнеса. Эта компания тянула время, в итоге отказалась от контракта и была приобретена конкурентом. Ни один из 40 000 аппаратов искусственной вентиляции легких так и не был поставлен правительству США¹³². Маловероятно, что подобная ситуация повторится в эпоху после пандемии,

поскольку государственные органы будут дважды думать о передаче проектов, имеющих критические последствия для общественного здравоохранения (или вообще критические последствия для общества, безопасности и т.д.), частным компаниям. Итог: максимизация прибыли и краткосрочный подход, который часто сопутствует этому, редко или, по крайней мере, не всегда соответствует общественной цели подготовки к будущему кризису.

Во всем мире давление, направленное на улучшение социальной защиты и уровня заработной платы низкооплачиваемых работников, будет возрастать. Скорее всего, в нашем постпандемическом мире повышение минимальной заработной платы станет центральным вопросом, который будет решаться путем более жесткого регулирования минимальных стандартов и более тщательного соблюдения уже существующих правил. Скорее всего, компаниям придется платить более высокие налоги и различные формы государственного финансирования (например, услуги по социальному уходу). Гиг-экономика почувствует влияние такой политики больше, чем любой другой сектор. До пандемии она уже находилась под пристальным вниманием правительства. В постпандемическую эпоху, по причинам, связанным с пересмотром общественного договора, это внимание усилится. Компании, которые в своей деятельности полагаются на гиг-работников, также почувствуют на себе влияние более активного вмешательства государства, возможно, даже в такой степени, которая способна подорвать их финансовую жизнеспособность. Поскольку пандемия радикально изменит общественное и политическое отношение к гиг-работникам, правительства заставят компании, которые их нанимают, предлагать надлежащие контракты с такими льготами, как социальное страхование и медицинское обеспечение. Трудовой вопрос встанет перед ними во весь рост, и, если им придется нанимать гиг-работников как обычных сотрудников, они перестанут быть прибыльными. Смысл их существования может даже исчезнуть.

2.1.4. Капитализм заинтересованных сторон (Stakeholder capitalism) и ESG

За последние 10 лет фундаментальные изменения, произошедшие в каждой из пяти макрокатегорий, рассмотренных в главе 1, глубоко изменили среду, в которой работают компании. Они сделали капитализм заинтересованных сторон и экологические, социальные и управленческие вопросы (ESG: and environmental, social and governance) все более актуальными для создания устойчивой стоимости (ESG можно рассматривать как критерий капитализма заинтересованных сторон).

Пандемия разразилась в то время, когда множество различных проблем, начиная с активизма против изменения климата и растущего неравенства и заканчивая гендерным разнообразием и скандалами #MeToo, уже начали повышать осведомленность и усиливать критичность капитализма заинтересованных сторон и соображений ESG в современном взаимозависимом мире. Открыто или нет, но никто не станет отрицать, что основной целью компаний больше не может быть только безудержная погоня за финансовой прибылью; теперь они обязаны служить всем заинтересованным сторонам, а не только тем, кто владеет акциями. Это подтверждают первые анекдотические свидетельства, указывающие на еще более позитивный взгляд на ESG в постпандемическую эпоху. Это можно разделить по трем направлениям:

1. Кризис создал или усилил острое чувство ответственности и срочности по большинству вопросов, относящихся к стратегиям ESG – наиболее важным из них является изменение климата. Однако другие вопросы, такие как поведение потребителей, будущее работы и мобильности, ответственность цепочки поставок, выйдут на передний план инвестиционного процесса и станут неотъемлемым компонентом комплексной проверки.

2. Пандемия не оставляет в залах заседаний советов директоров сомнений в том, что отсутствие соображений ESG способно уничтожить значительную стоимость и даже поставить под угрозу жизнеспособность бизнеса. Поэтому ESG будет более полно интегрировано и внедрено (internalized) в основную стратегию и управление компаний. Это также изменит то, как инвесторы оценивают корпоративное управление. Налоговые отчеты, выплаты дивидендов и вознаграждений будут все более тщательно изучаться из-за страха понести репутационные издержки в случае возникновения или обнаружения проблемы.

3. Поощрение доброй воли сотрудников и общества будет ключевым фактором укрепления репутации бренда. Все чаще компаниям придется доказывать, что они хорошо относятся к своим работникам, приветствуя улучшенную практику труда и уделяя внимание здоровью и безопасности, а также благополучию на рабочем месте. Компании будут придерживаться этих мер не обязательно потому, что они действительно «хорошие», а скорее потому, что «цена» отказа будет слишком высока с точки зрения гнева активистов, как инвесторов-активистов, так и социальных активистов.

Убежденность в том, что стратегии ESG выиграли от пандемии и, скорее всего, выиграют еще больше, подтверждается различными опросами и отчетами. Первые данные показывают, что в первом квартале 2020 года сектор устойчивого развития превзошел обычные фонды. По данным компании Morningstar, которая сравнила доходность за первый квартал более чем 200 фондов акций, ориентированных на устойчивое развитие, и биржевых фондов, устойчивые фонды показали более высокие результаты на один или два процентных пункта в относительном выражении. Отчет компании BlackRock предлагает еще одно доказательство того, что компании с высоким рейтингом ESG превзошли своих коллег во время пандемии¹³³. Некоторые аналитики предположили, что это превосходство могло просто

отражать меньшую подверженность фондов и стратегий ESG ископаемому топливу, но BlackRock утверждает, что компании, соответствующие требованиям ESG (еще один способ сказать, что они придерживаются принципа капитализма заинтересованных сторон), как правило, более устойчивы из-за их целостного понимания управления рисками. Похоже, что чем более восприимчивым становится мир к широкому набору макрорисков и проблем, тем больше необходимость в принятии капитализма заинтересованных сторон и стратегий ESG.

Дебаты между теми, кто считает, что капитализм заинтересованных сторон будет принесен в жертву на алтарь восстановления, и теми, кто утверждает, что настало время «построить мир лучше», далеки от разрешения. На каждого Майкла О'Лири (CEO Ryanair), который считает, что COVID-19 отодвинет вопросы ESG «на второй план на несколько лет», найдется Брайан Чески (CEO Airbnb), который стремится превратить свой бизнес в «компанию заинтересованных сторон»¹³⁴. Однако, независимо от чьего-либо мнения о достоинствах капитализма заинтересованных сторон и стратегий ESG и их будущей роли в постпандемическую эпоху, активизм изменит ситуацию и усилит эту тенденцию. Социальные активисты и многие инвесторы-активисты будут внимательно изучать поведение компаний во время пандемического кризиса. Вполне вероятно, что рынки или потребители, или и те, и другие, накажут те компании, которые плохо проявили себя в социальных вопросах. Эссе, написанное в апреле 2020 года Лео Стрином, влиятельным судьей в корпоративной Америке, подчеркивает необходимость изменений в корпоративном управлении: «Мы снова расплачиваемся за систему корпоративного управления, в которой не уделяется должного внимания финансовой устойчивости, созданию устойчивого благосостояния и справедливому отношению к работникам. Слишком долго власть фондового рынка над нашей экономикой росла за счет других заинтересованных сторон, особенно работников. Хотя общее богатство

выросло, это произошло несправедливо по отношению к большинству американских работников, которые несут основную ответственность за этот рост. Сдвиг в сторону удовлетворения ненасытных потребностей фондового рынка также привел к росту уровня корпоративного долга и экономических рисков»¹³⁵.

Для активистов порядочность, проявленная (или не проявленная) компаниями во время кризиса, будет иметь первостепенное значение. О действиях компаний будут судить еще долгие годы – причем не только в узком коммерческом смысле, но и рассматривая их через более широкую социальную призму. Мало кто забудет, например, что за последние 10 лет американские авиакомпании потратили 96% своего денежного потока на выкуп акций, и что в марте 2020 года компания Easyjet выплатила своим акционерам дивиденды в размере 174 млн фунтов стерлингов (включая 60 млн фунтов стерлингов своему основателю)¹³⁶.

Активизм, которому теперь могут подвергаться компании, выходит за традиционные рамки социального активизма (со стороны аутсайдеров) и активизма инвесторов; с активизмом сотрудников он расширяется внутри компании. В мае 2020 года, как раз когда эпицентр пандемии переместился из США в Латинскую Америку, сотрудники Google, воодушевленные докладом, опубликованным Greenpeace, сумели убедить компанию больше не создавать пользовательские алгоритмы AI и машинного обучения для добычи нефти и газа¹³⁷. Несколько подобных примеров в недавнем прошлом иллюстрируют растущую активность сотрудников, начиная от экологических вопросов и заканчивая социальными проблемами и вопросами инклюзивности. Они служат показательным примером того, как различные типы активистов учатся работать вместе для достижения целей создания более устойчивого будущего.

Одновременно с этим резко возросла активность в самой старой форме активизма – в промышленных действиях. В США, в частности, в то время как многие «белые воротнички» переживали пандемию, работая дома, многие низкооплачиваемые работники основных профессий «в окопах», у которых не было другого выбора, кроме как выйти на работу, устроили волну шествий, забастовок и протестов¹³⁸. По мере того, как вопросы безопасности, оплаты труда и льгот становятся все более важными, повестка дня капитализма заинтересованных сторон будет набирать актуальность и силу.

2.2. Промышленный сброс

В результате локдауна пандемия оказала активное воздействие на все отрасли промышленности по всему миру. Это влияние продолжается и будет ощущаться в ближайшие годы. По мере реконфигурации глобальных цепочек поставок, изменения требований потребителей, усиления вмешательства правительств, изменения рыночных условий и технологических сбоев компании будут вынуждены постоянно адаптироваться и заново изобретать себя. Цель данного раздела – не предложить точный прогноз о том, как может развиваться каждая конкретная отрасль, а, скорее, проиллюстрировать импрессионистскими мазками, как некоторые из основных характеристик и тенденций, связанных с пандемией, повлияют на конкретные отрасли.

2.2.1. Социальное взаимодействие и деденсификация («разуплотнение», de-densification)

Влияние на путешествия и туризм, гостиничный бизнес, развлечения, розничную торговлю, аэрокосмическую и даже автомобильную промышленность.

Пандемия существенно повлияла на то, как потребители взаимодействуют друг с другом, а также на то, что и как они потребляют. Следовательно, последующий сброс в различных отраслях будет существенно различаться в зависимости от характера экономических операций. В тех отраслях, где потребители совершают сделки социально и лично, первые месяцы и, возможно, годы постпандемической эры будут гораздо сложнее, чем в тех, где сделки могут совершаться на большом физическом расстоянии или даже виртуально. В современной экономике большая часть того, что мы потребляем, происходит через социальное взаимодействие: путешествия и отпуска, бары и рестораны, спортивные мероприятия и розничная торговля, кинотеатры и театры, концерты и фестивали, съезды и конференции, музеи и библиотеки, образование: все они соответствуют социальным формам потребления, которые составляют значительную часть общей экономической активности и занятости (сфера услуг составляют около 80% всех рабочих мест в США, большинство из которых «социальные» по своей природе). Они не могут происходить в виртуальном мире, а если и могут, то только в усеченной и зачастую неоптимальной форме (как пример – живое выступление оркестра на экране). Отрасли, в основе которых лежит социальное взаимодействие, больше всего пострадали от локдауна. Среди них много отраслей, которые составляют очень значительную часть общей экономической активности и занятости: путешествия и туризм, досуг, спорт, мероприятия и развлечения. В течение нескольких месяцев, а, возможно, и лет, они будут вынуждены работать на пониженных мощностях, испытывая двойной удар: опасения по поводу вируса, сдерживающего потребление, и введение правил, направленных на борьбу с этими опасениями путем создания большего физического пространства между потребителями. Общественное давление, направленное на физическое дистанцирование, будет продолжаться до тех пор, пока не будет разработана и запущена в производство вакцина (что, опять же, по мнению большинства экспертов, вряд ли произойдет раньше первого или второго квартала 2021 года). В

промежуточный период, вероятно, люди будут гораздо меньше путешествовать в отпуск и/или по делам, реже посещать рестораны, кинотеатры и театры, а также решат, что безопаснее покупать товары через Интернет, а не ходить в магазины физически. По этим фундаментальным причинам отрасли, наиболее сильно пострадавшие от пандемии, будут восстанавливаться медленнее всего. В частности, отели, рестораны, авиакомпании, магазины и культурные заведения будут вынуждены внести дорогостоящие изменения в способы предоставления своих услуг, чтобы адаптироваться к новой нормальности после пандемии, которая потребует осуществления радикальных изменений, включающих введение дополнительных площадей, регулярную уборку и дезинфекцию, защиту персонала и технологии, ограничивающие взаимодействие клиентов с работниками.

Во многих из этих отраслей, но особенно в гостиничном бизнесе и розничной торговле, малые предприятия пострадают несоразмерно, им придется пройти очень тонкую грань между выживанием в условиях локдаунов, резкого сокращения бизнеса или банкротством. Работа на сниженных мощностях с еще более низкой маржой означает, что многие из них не выживут. Последствия их банкротства будут иметь тяжелые последствия как для национальной экономики, так и для местных сообществ. Малый бизнес является основным двигателем роста занятости, и в большинстве развитых стран на него приходится половина всех рабочих мест в частном секторе. Если значительное число таких предприятий будет закрыто, если в конкретном районе станет меньше магазинов, ресторанов и баров, это скажется на всем сообществе, поскольку безработица вырастет, а спрос иссякнет, запустив порочную нисходящую спираль и затронув все большее число малых предприятий в конкретном районе. В конечном счете, эта волна распространится за пределы местного сообщества и затронет, хотя, надеюсь, в меньшей степени, другие, более отдаленные районы. Крайне

взаимозависимый и взаимосвязанный характер современной экономики, отраслей и предприятий, сравнимый с динамической связью макрокатегорий, означает, что каждая из них оказывает быстрое воздействие на другие отрасли огромным количеством различных способов. Возьмем рестораны. Этот сектор деятельности пострадал от пандемии в такой драматической степени, что даже нет уверенности в том, что ресторанный бизнес когда-нибудь вернется. Как сказал один ресторатор: «Я, как и сотни других шеф-поваров по всему городу и тысячи по всей стране, сейчас стою перед вопросом, как будут выглядеть наши рестораны, наши карьеры, наши жизни, если мы вообще сможем их вернуть»¹³⁹. Во Франции и Великобритании, по оценкам нескольких представителей отрасли, до 75% независимых ресторанов могут не пережить локдаунов и последующих мер по социальному дистанцированию. Крупные сети и гиганты фаст-фуда переживут. Это, в свою очередь, предполагает, что крупные предприятия станут еще крупнее, в то время как самые мелкие сократятся или исчезнут. Например, у крупной сети ресторанов больше шансов остаться на плаву, поскольку она получает больше ресурсов и, в конечном счете, меньше конкуренции в результате банкротства мелких предприятий. Небольшим ресторанам, которые переживут кризис, придется заново изобретать себя. В то же время, в случае с теми, кто закроет свои двери навсегда, закрытие повлияет не только на ресторан и его непосредственный персонал, но и на все предприятия, которые работают в его орбите: поставщиков, фермеров и водителей грузовиков.

На другом конце спектра размеров некоторые очень крупные компании станут жертвами тех же трудностей, что и очень маленькие. Авиакомпании, в частности, столкнутся с аналогичными ограничениями с точки зрения потребительского спроса и правил социальной дистанции. В результате трехмесячного локдауна авиаперевозчики по всему миру оказались в катастрофической ситуации практически нулевых доходов и перспективы сокращения десятков тысяч рабочих мест. British Airways, например,

объявила о сокращении до 30% от 42 000 сотрудников. На момент написания этой статьи (середина июня 2020 года) перезагрузка экономики может вот-вот начаться. Она окажется чрезвычайно сложной, и ожидается, что восстановление займет годы. Улучшение начнется с поездок для отдыха, а затем последуют корпоративные поездки. Однако, как говорится в следующем разделе, потребительские привычки могут измениться окончательно. Если многие компании решат меньше путешествовать для сокращения расходов и по возможности заменять физические встречи виртуальными, это может оказать значительное и долговременное влияние на восстановление и конечную прибыльность авиакомпаний. До пандемии на корпоративные поездки приходилось 30% объема авиаперевозок, но 50% доходов (благодаря более дорогим местам и бронированию в последнюю минуту). В будущем ситуация изменится, что сделает крайне неопределенным результат прибыльности некоторых отдельных авиакомпаний и заставит всю отрасль пересмотреть долгосрочную структуру мирового авиационного рынка.

При оценке конечного эффекта для конкретной отрасли необходимо учитывать всю цепочку последствий, происходящих в смежных отраслях, судьба которых во многом зависит от того, что происходит в той отрасли, которая находится выше, или «наверху». Чтобы проиллюстрировать это, мы кратко рассмотрим три отрасли, которые полностью зависят от авиационного сектора: аэропорты (инфраструктура и розничная торговля), самолеты (аэрокосмическая промышленность) и аренда автомобилей (автомобильная промышленность).

Аэропорты сталкиваются с теми же проблемами, что и авиакомпании: чем меньше люди летают, тем меньше их транзит через аэропорты. «Это, в свою очередь, влияет на уровень потребления в различных магазинах и ресторанах, которые составляют экосистему всех международных аэропортов мира.

Более того, опыт работы аэропортов в мире пост-COVID-19, включающий более длительное время ожидания, жесткие ограничения или даже отсутствие ручной клади и другие потенциально неудобные меры социальной дискриминации, может подорвать желание потребителей путешествовать по воздуху для удовольствия и отдыха. Различные торговые ассоциации предупреждают, что реализация политики социальной дистанции не только ограничит пропускную способность аэропортов до 20-40%, но и сделает весь опыт настолько неприятным, что это станет сдерживающим фактором.

Авиакомпании, сильно пострадавшие от локдаунов, начали отменять или откладывать заказы на новые самолеты и менять свой выбор конкретной модели, что серьезно повлияло на аэрокосмическую промышленность. Прямым следствием этого в обозримом будущем будет то, что основные заводы по сборке гражданских самолетов будут работать на пониженных мощностях, что окажет каскадное воздействие на всю цепочку создания стоимости и на сеть поставщиков. В более долгосрочной перспективе изменения в спросе со стороны авиакомпаний, которые переоценят свои потребности, приведут к полной переоценке производства гражданских самолетов. Это делает оборонный аэрокосмический сектор исключением и относительно безопасной гаванью. Для национальных государств неопределенность геополитических перспектив делает необходимым сохранение заказов и закупок, однако правительства, испытывающие недостаток денежных средств, будут требовать более выгодных условий оплаты.

Как и аэропорты, компании по прокату автомобилей почти полностью зависят от объемов авиаперевозок. Компания Hertz, имеющая большие долги и парк из 700 000 автомобилей, который в подавляющем большинстве случаев простаивал во время закрытия рейсов, в мае подала заявление о

банкротстве. Как и для многих других компаний, COVID-19 оказался пресловутой последней каплей.

2.2.2. Поведенческие изменения – постоянные и временные

Влияние на розничную торговлю, недвижимость и образование.

Некоторые изменения в поведении, наблюдавшиеся во время локдаунов, вряд ли будут полностью отменены в постпандемическую эпоху, а некоторые – могут даже стать постоянными. Как именно это будет происходить, пока остается весьма неопределенным. Некоторые модели потребления могут вернуться к долгосрочным тенденциям (например, авиаперевозки после 11 сентября), хотя и в измененном темпе. Другие, несомненно, ускорятся, как, например, онлайн-услуги. Некоторые могут быть отложены, например, покупка автомобиля, в то время как могут появиться новые постоянные модели потребления, например, покупки, связанные с экологической мобильностью.

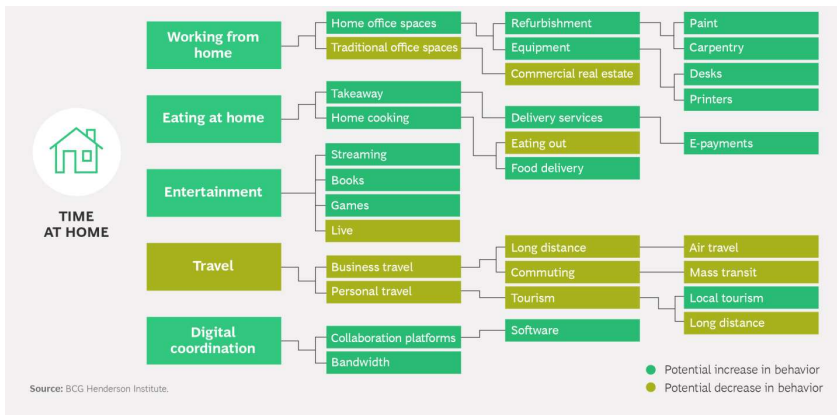
Многое из этого еще неизвестно. Во время локдаунов многие потребители были вынуждены научиться делать что-то для себя (печь хлеб, готовить с нуля, самостоятельно стричься и т.д.) и почувствовали необходимость в экономить. Насколько укоренятся эти новые привычки и формы «сделай сам» и автопотребления в постпандемическую эпоху? То же самое можно сказать и о студентах, которые в некоторых странах платят непомерную плату за высшее образование. После триместра, проведенного за наблюдением за своими профессорами на экранах, начнут ли они задаваться вопросом о высокой стоимости образования?

Чтобы понять всю сложность и неопределенность этой эволюции в поведении потребителей, давайте вернемся к примеру с покупками через Интернет и

розничной торговлей в присутствии человека. Как уже говорилось, весьма вероятно, что кирпично-розничные магазины сильно проиграют в пользу интернет-магазинов. Потребители могут быть готовы заплатить немного больше за доставку тяжелых и громоздких товаров, таких как бутылки и бытовые товары. Таким образом, торговые площади супермаркетов будут сокращаться, становясь похожими на магазины шаговой доступности, куда покупатели приходят за относительно небольшими партиями конкретных продуктов питания. Но может случиться и так, что меньше денег будет тратиться в ресторанах, что говорит о том, что в местах, где традиционно большой процент бюджета на питание людей шел на рестораны (например, 60% в Нью-Йорке), эти средства могут быть перенаправлены в городские супермаркеты и принести пользу, поскольку горожане вновь откроют для себя удовольствие готовить дома. То же самое может произойти и с бизнесом развлечений. Пандемия может усилить наше беспокойство по поводу нахождения в замкнутом пространстве с совершенно незнакомыми людьми, и многие люди могут решить, что остаться дома, чтобы посмотреть последний фильм или оперу, будет самым разумным решением. Такое решение пойдет на пользу местным супермаркетам в ущерб барам и ресторанам (хотя возможность онлайн-сервисов доставки еды на вынос может стать спасением для последних). Существует множество примеров того, как это происходит в городах по всему миру во время локдауна. Может быть, это станет важным элементом нового плана выживания некоторых ресторанов в период после "COVID-19"? Есть и другие эффекты первого раунда, которые гораздо легче предугадать. Чистота – один из них. Пандемия, безусловно, усилит наше внимание к гигиене. Новая одержимость чистотой повлечет за собой, в частности, создание новых форм упаковки. Нас будут призывать не трогать продукты, которые мы покупаем. Такие простые удовольствия, как понюхать дыню или сжать фрукт, будут восприниматься неодобительно и даже могут уйти в прошлое.

Micro Reset (Industry and Business)

Одно изменение отношения к продуктам будет иметь множество различных последствий, каждое из которых окажет влияние на одну конкретную отрасль, но в конечном итоге окажет воздействие на множество различных отраслей через эффект пульсации. Следующий рисунок иллюстрирует этот момент для одного изменения: проводить больше времени дома. Рис. 2: Потенциальные последствия проведения большего времени дома:

Источник: Ривз, Мартин, и др., "Чувствуя и формируя эру пост-COVID", BCG Henderson Институт, 3 апреля 2020 года, <https://www.bcg.com/publications/2020/8-ways-companies-can-shape-reality-post-covid-19.aspx>

Горячие споры о том, будем ли мы в будущем работать удаленно (или в какой степени) и, как следствие, проводить больше времени дома, ведутся с момента начала пандемии. Некоторые аналитики утверждают, что фундаментальная привлекательность городов (особенно крупных) как динамичных центров экономической активности, социальной жизни и творчества сохранится. Другие опасаются, что коронавирус спровоцировал фундаментальный сдвиг во взглядах. Они утверждают, что COVID-19 стал

переломным моментом, и предсказывают, что по всему миру городские жители всех возрастов, столкнувшиеся с недостатками городского загрязнения и недостаточно просторного и дорогого жилья, решат переехать в места, где больше зелени, больше пространства, меньше загрязнения и ниже цены. Пока рано говорить о том, кто из них окажется прав, но можно с уверенностью сказать, что даже относительно небольшой процент людей, переезжающих из крупнейших центров (таких как Нью-Йорк, Гонконг, Лондон или Сингапур), окажет огромное влияние на многие отрасли промышленности (прибыль всегда достигается за счет маржи). Нигде эта реальность не является более очевидной, чем в сфере недвижимости и, в частности, в коммерческой недвижимости.

Сфера коммерческой недвижимости является важнейшим фактором глобального роста. Ее общая рыночная стоимость превышает стоимость всех акций и облигаций, вместе взятых, во всем мире. До начала пандемического кризиса она уже страдала от избытка предложения. Если чрезвычайная практика удаленной работы станет устоявшейся и широко распространенной привычкой, трудно представить, какие компании (если таковые вообще существуют) будут поглощать этот избыток предложения, спеша арендовать лишние офисные площади. Возможно, найдется немного инвестиционных фондов, готовых сделать это, но они будут исключением, что говорит о том, что коммерческой недвижимости еще есть куда падать. Пандемия сделает с коммерческой недвижимостью то, что она сделала со многими другими проблемами (как макро-, так и микро): она ускорит и усилит уже существующую тенденцию. Сочетание увеличения числа обанкротившихся компаний-"зомби" (тех, которые используют долг для финансирования еще большего долга и которые за последние несколько лет не получили достаточно денежных средств для покрытия своих процентных расходов) и увеличения числа людей, работающих удаленно, означает, что будет гораздо меньше арендаторов для аренды пустующих офисных зданий. Девелоперы

недвижимости (в большинстве своем обладающие высоким уровнем заемных средств) начнут испытывать волну банкротств, причем крупнейшие и системообразующие из них придется спасать за счет правительств своих стран. Таким образом, во многих крупных городах мира цены на недвижимость будут падать в течение длительного периода времени, пробивая глобальный пузырь на рынке недвижимости, который формировался годами. В определенной степени та же логика применима и к жилой недвижимости в крупных городах. Если тенденция удаленной работы получит развитие, то сочетание того, что необходимость ездить на работу больше не актуальна, и отсутствие роста занятости означает, что молодое поколение больше не сможет позволить себе аренду или покупку жилья в дорогих городах. Неизбежно падение цен. Кроме того, многие поймут, что работа из дома более благоприятна для климата и создаёт меньше стресса, чем необходимость ездить в офис.

Возможность работать удаленно означает, что крупнейшие центры, которые извлекли выгоду из более высоких темпов экономического роста, чем другие города или регионы, расположенные поблизости, могут начать терять своих рабочих в следующий эшелон растущих городов. Это явление, в свою очередь, может вызвать волну восходящих городов-звезд или регионов, привлекающих людей, стремящихся к лучшему качеству жизни благодаря большему пространству по более доступным ценам.

Несмотря на все вышесказанное, возможно, идея о том, что повсеместная удаленная работа станет нормой, слишком надуманна, чтобы произойти каким-либо значимым образом. Разве мы так часто не слышали, что оптимизация «работы со знаниями» (в действительности это самый простой сектор для удаленной работы) зависит от тщательно продуманной офисной среды? Технологическая индустрия, которая так долго сопротивлялась такому шагу, вкладывая огромные средства в сложные кампусы, теперь

меняет свое мнение в свете опыта блокировки. Twitter был первой компанией, которая взяла на себя обязательства по удаленной работе. В мае Джек Дорси, ее генеральный директор, сообщил сотрудникам, что многим из них будет разрешено работать из дома даже после того, как пандемия COVID-19 утихнет, другими словами – навсегда. Другие технологические компании, такие как Google и Facebook, также обязались разрешить своим сотрудникам продолжать работать удаленно, по крайней мере, до конца 2020 года. Анекдотические данные свидетельствуют о том, что и другие глобальные компании из различных отраслей примут аналогичные решения, разрешив части своих сотрудников работать удаленно часть времени. Пандемия сделала возможным то, что еще несколько месяцев назад казалось немыслимым в таких масштабах.

Может ли нечто подобное и столь же разрушительное произойти с высшим образованием? Можно ли представить себе мир, в котором гораздо меньше студентов будут получать образование в университетском городке? В мае или июне 2020 года, в разгар локдаунов, студенты были вынуждены учиться и получать образование дистанционно, многие из них в конце семестра задавались вопросом, вернутся ли они физически в свой кампус в сентябре. В то же время университеты начали сокращать свои бюджеты, размышляя о том, как эта беспрецедентная ситуация может отразиться на их бизнес-модели. Стоит ли им переходить в онлайн или нет? В допандемическую эпоху большинство университетов предлагали некоторые курсы онлайн, но всегда воздерживались от полного внедрения онлайн-образования. Самые известные университеты отказывались предлагать виртуальные дипломы, опасаясь, что это может разбавить их эксклюзивные предложения, сделать ненужными некоторых преподавателей и даже поставить под угрозу само существование физического кампуса. В постпандемическую эпоху ситуация изменится. Большинство университетов – особенно дорогих в англосаксонском мире – будут вынуждены изменить свою бизнес-модель или

обанкротиться, потому что COVID-19 сделает ее устаревшей. Если в сентябре (а возможно, и позже) продолжится онлайн-обучение, многие студенты не согласятся платить такую же высокую плату за виртуальное образование, потребуют снижения платы или отсрочки зачисления. Кроме того, многие потенциальные студенты усомнятся в целесообразности непомерно высоких затрат на высшее образование в мире, омраченном высоким уровнем безработицы. Потенциальное решение может заключаться в гибридной модели. В этом случае университеты будут массово расширять онлайн-образование, сохраняя при этом присутствие в кампусе для другой категории студентов. В некоторых случаях это уже было успешно сделано, в частности, в Технологическом институте Джорджии для получения степени магистра в области компьютерных наук¹⁴⁰. Идя по этому гибриднему пути, университеты расширяют доступ к образованию, одновременно снижая затраты. Вопрос, однако, заключается в том, насколько эта гибридная модель масштабируема и воспроизводима для университетов, не имеющих ресурсов для инвестиций в технологии и эксклюзивную библиотеку первоклассного контента. Но гибридный характер онлайн-образования может принимать и другую форму, сочетая очное и онлайн обучение в рамках одной учебной программы через онлайн-чаты и использование приложений для репетиторства и других форм поддержки и помощи. Преимущество такого подхода заключается в оптимизации процесса обучения, но недостатком является то, что он стирает значительную часть социальной жизни и личного общения в студенческом городке. Летом 2020 года направление тенденции кажется очевидным: мир образования, как и многие другие отрасли, станет частично виртуальным.

2.2.3. Устойчивость

Влияние на большие технологии, здоровье и благосостояние, банковское дело и страхование, автомобильную промышленность, электроэнергию.

Во время пандемии устойчивость, или способность процветать в сложных обстоятельствах, приобрело «обязательную» привлекательность и стало самым популярным словом – повсеместно! И это понятно. Для тех, кому посчастливилось оказаться в отраслях, «естественно» устойчивых к пандемии, кризис стал не только более терпимым, но даже источником прибыльных возможностей в период бедственного положения большинства. Три отрасли, в частности, будут процветать (в совокупности) в эпоху после пандемии: большие технологии, здравоохранение и здоровый образ жизни. В других отраслях, сильно пострадавших от кризиса, устойчивость – это то, что будет определять разницу между восстановлением после внезапного экзогенного шока COVID-19 или тем, чтобы стать его жертвой. Банковский, страховой и автомобильный секторы – вот три примера отраслей, которым необходимо повысить устойчивость, чтобы пройти через глубокий и продолжительный спад, вызванный кризисом здравоохранения.

В целом, большие технологии оказались наиболее устойчивой отраслью, поскольку именно они вышли из этого периода радикальных перемен самыми крупными бенефициарами. Во время пандемии, когда и компании, и их клиенты были вынуждены переходить на цифровые технологии, ускорять онлайн-планы (*accelerate online plans*), осваивать новые сетевые инструменты и начинать работать дома, технологии стали абсолютной необходимостью даже среди традиционно неохотно идущих на контакт клиентов. По этой причине совокупная рыночная стоимость ведущих технологических компаний ставила рекорд за рекордом во время локдаунов, даже поднявшись выше уровня, предшествовавшего началу вспышки. По причинам, описанным в других частях этой книги, это явление вряд ли ослабнет в ближайшее время, скорее наоборот.

Устойчивость, как и любая передовая практика, начинается дома, с нас самих, поэтому мы можем с уверенностью предположить, что в эпоху после

пандемии мы будем коллективно лучше осознавать важность нашей собственной физической и психической устойчивости. Желание чувствовать себя хорошо физически и психически, вызванное необходимостью, а также потребность в укреплении иммунной системы означают, что оздоровительные мероприятия и те сектора индустрии оздоровления, которые призваны помочь в их проведении, окажутся в выигрыше. Кроме того, роль общественного здравоохранения будет развиваться и расширяться. Благополучие должно рассматриваться комплексно; мы не можем быть индивидуально здоровыми в мире, который нездоров. Поэтому забота о планете будет столь же важна, как и забота о себе, и это эквивалент, который сильно поддерживает продвижение принципов, о которых мы говорили ранее, таких как капитализм заинтересованных сторон, экономика с многооборотным использованием продукции и стратегии ESG. На уровне компании, где последствия ухудшения состояния окружающей среды для здоровья становятся все более очевидными, такие вопросы, как загрязнение воздуха, управление водными ресурсами и уважение к биоразнообразию, приобретут первостепенное значение. Быть «чистым» станет императивом отрасли, а также настоящей необходимостью, навязанной потребителем.

Как и в любой другой отрасли, цифровые технологии будут играть важную роль в формировании будущего здоровья и здорового образа жизни. Сочетание AI, IoT, датчиков и носимых технологических решений позволит получить новые сведения о личном благосостоянии. Они будут следить за тем, как мы себя чувствуем, и постепенно стирать границы между государственными системами здравоохранения и системами персонализированной заботы о здоровье – различие, которое в конечном итоге будет уничтожено. Потоки данных во многих отдельных областях – от окружающей среды до личного состояния – дадут нам гораздо больший контроль над собственным здоровьем и благополучием. В мире, который наступит после COVID-19, точная информация о нашем углеродном следе, о

нашем влиянии на биоразнообразие, о токсичности всех ингредиентов, которые мы потребляем, а также об окружающей среде или пространственных условиях, в которых мы развиваемся, приведет к значительному прогрессу в плане нашего осознания коллективного и индивидуального благополучия. Промышленности придется взять это на заметку.

Коллективное стремление к устойчивости также благоприятствует спортивной индустрии, тесно связанной с благополучием. Поскольку сегодня хорошо известно, что физическая активность в значительной степени способствует укреплению здоровья, спорт будет все больше признаваться в качестве недорогого инструмента для создания более здорового общества.

Поэтому правительства будут поощрять занятие спортом, признавая, что спорт является одним из лучших инструментов для инклюзивности и социальной интеграции. Некоторое время социальное дистанцирование может сдерживать занятия некоторыми видами спорта, что, в свою очередь, будет способствовать все более мощному развитию киберспорта. Технологии и цифровые технологии как никогда близки!

Четыре отрасли, которые борются с целым рядом особых проблем, вызванных пандемическим кризисом, иллюстрируют разную природу устойчивости. В банковской сфере речь идет о готовности к цифровой трансформации. В страховании речь идет о готовности к предстоящим судебным разбирательствам. В автомобильной промышленности – это готовность к предстоящему сокращению цепочек поставок. В электроэнергетике – необходимость подготовиться к неизбежному энергетическому переходу. Проблемы в каждой отрасли одни и те же, и только наиболее устойчивые и подготовленные компании в каждой из них смогут «спроектировать» успешный результат.

В силу характера своей деятельности при наступлении экономического кризиса банки, как правило, оказываются в эпицентре бури. В случае с COVID-19 риск, по интенсивности, увеличился вдвое.

Во-первых, банки должны подготовиться к тому, что кризис потребительской ликвидности может перерасти в крупный кризис платежеспособности корпораций, и тогда их устойчивость подвергнется серьезному испытанию.

Во-вторых, они должны приспособиться к тому, как пандемия бросает вызов традиционным банковским привычкам, что представляет собой иную форму устойчивости, требующую дополнительных возможностей для адаптации.

Первый риск относится к категории "традиционных" финансовых рисков, к которым у банков были годы на подготовку. С ним борются с помощью буферов капитала и ликвидности, которые должны быть достаточно надежными, чтобы противостоять серьезным потрясениям. В случае с кризисом COVID-19 проверка на устойчивость наступит, когда начнет расти объем невозвратных кредитов. Для второй категории рисков ситуация совершенно иная. Практически в одночасье розничные, коммерческие и инвестиционные банки столкнулись с (зачастую) неожиданной ситуацией, когда им пришлось перейти в онлайн. Невозможность личной встречи с коллегами, клиентами или коллегами-трейдерами, необходимость использования бесконтактных платежей и призыв регуляторов использовать онлайн-банкинг и онлайн-трейдинг в условиях удаленной работы – всё это означало, что вся банковская индустрия должна бы была одним росчерком пера перейти на цифровой банкинг. COVID-19 заставил все банки ускорить цифровую трансформацию, которая теперь не за горами и которая усилила риски кибербезопасности (которые, в свою очередь, могут привести к последствиям для системной стабильности, если они не будут должным

образом смягчены). Тем, кто отстал и опоздал на скоростной цифровой поезд, будет очень сложно адаптироваться и выжить.

В страховой отрасли было подано множество различных исков, связанных с COVID-19, по различным видам бытового и коммерческого страхования, включая страхование коммерческой недвижимости и локдаунов, путешествий, жизни, здоровья и ответственности (например, компенсация работникам и ответственность по трудовым договорам). Пандемия представляет особый риск для страховой отрасли, поскольку ее существование и функционирование основано на принципе диверсификации рисков, который был эффективно подавлен, когда правительства приняли решение о введении локдауна. По этой причине сотни тысяч предприятий по всему миру не смогли успешно подать иски, и им грозят либо месяцы (если не годы) судебных разбирательств, либо разорение. В мае 2020 года, по оценкам страховой индустрии, стоимость пандемии может превысить 200 миллиардов долларов, что делает ее одним из самых дорогостоящих событий в истории страховой индустрии (стоимость возрастет, если локдауны выйдут за рамки периода, рассматриваемого при составлении прогноза). Задача страховой отрасли после событий COVID-19 заключается в удовлетворении меняющихся потребностей своих клиентов в защите путем повышения устойчивости к широкому спектру потенциально "нестрахуемых" катастрофических потрясений, таких, как пандемии, экстремальные погодные явления, кибератаки и терроризм. Это необходимо делать, ориентируясь на условия чрезвычайно низких процентных ставок и готовясь к ожидаемым судебным разбирательствам и возможности беспрецедентных претензий, как и убытков.

В последние несколько лет автомобильная промышленность оказалась вовлечена в нарастающий шторм проблем, начиная от торговой и геополитической неопределенности, снижения продаж и штрафов за выбросы

CO² до быстро меняющегося спроса клиентов и многогранного характера растущей конкуренции в сфере мобильности (электромобили, автономные автомобили, совместная мобильность (electric vehicles, autonomous cars, shared mobility)). Пандемия усугубила эти проблемы, добавив значительную неопределенность, с которой столкнулась отрасль, в частности, в отношении цепочек поставок. На ранних стадиях вспышки нехватки китайских комплектующих оказала пагубное влияние на мировое автомобильное производство. В ближайшие месяцы и годы отрасли придется переосмыслить всю организационные подходы и методы работы на фоне сокращения цепочек поставок и вероятного падения продаж автомобилей.

На всех этапах пандемии и, в частности, во время локдауна, сектор электроэнергетики играл важнейшую роль, позволяя большей части мира продолжать работу в цифровом формате, обеспечивая работу больниц и нормальное функционирование всех основных отраслей промышленности. Несмотря на значительные трудности, вызванные киберугрозами и изменениями в структуре спроса, электроэнергетика выстояла, доказав свою устойчивость к потрясениям. В дальнейшем электроэнергетический сектор должен принять вызов ускорения энергетического перехода. Сочетание инвестиций в прогрессивную энергетическую инфраструктуру (например, в возобновляемые источники энергии, водородные трубопроводы и сети зарядки электромобилей) и перестройку промышленных кластеров (например, электрификацию энергетики, необходимой для химического производства) способно поддержать восстановление экономики (путем создания рабочих мест и экономической активности), одновременно повышая общую устойчивость энергетического сектора с точки зрения производства чистой энергии.

Микросброс заставит каждую компанию в каждой отрасли экспериментировать с новыми способами ведения бизнеса, работы и деятельности. Те, кто поддастся искушению вернуться к старым методам ведения дел, потерпят неудачу. Те же, кто адаптируется с ловкостью и воображением, в конечном итоге обратят кризис COVID-19 себе на пользу.

3. Индивидуально-личностный сброс

Как и в случае макро- и микро- эффектов, пандемия будет иметь глубокие и разнообразные последствия для каждого из нас, как для личности. Для многих она уже разрушила жизнь. На сегодняшний день COVID-19 заставила большинство людей во всем мире изолироваться от семей и друзей, внесла полный разлад в личные и профессиональные планы, глубоко подорвала чувство экономической, а иногда психологической и физической безопасности. Нам всем напомнили о нашей врожденной человеческой хрупкости, о наших слабостях и недостатках. Осознание этого факта в сочетании со стрессом, вызванным локдауном и сопутствующим глубоким чувством неопределенности относительно того, что будет дальше, может, хотя и скрытно, изменить как нас, так и то, как мы относимся к другим людям и к нашему миру. Для некоторых то, что начинается как перемена, может закончиться как индивидуальный сброс.

3.1. Переопределение нашей человеческой сущности (humanness)

3.1.1. Лучшие ангелы – в нашей природе... или нет

Психологи отмечают, что пандемия, как и большинство трансформирующих событий, способна пробудить в нас как лучшее, так и худшее. Ангелы или дьяволы: какие есть аргументы на сегодняшний день?

На первый взгляд кажется, что пандемия сплотила людей. В марте 2020 года снимки из Италии, страны, пострадавшей в то время больше всего, передавали впечатление, что коллективные «военные усилия» были одним из неожиданных плюсов катастрофы COVID-19, охватившей страну. Когда все население перешло на локдаун, бесчисленные примеры показали, что в результате у людей не только появилось больше времени друг для друга, но и они стали добрее друг к другу. Выходы этой повышенной коллективной чувствительности были самыми разнообразными: от знаменитых оперных певцов, выступавших перед своими соседями с балкона, до ночного ритуала, когда население поет дифирамбы медицинским работникам (это явление распространилось почти на всю Европу), а также различных актов взаимопомощи и поддержки нуждающихся. Италия в некотором смысле стала лидером, и с тех пор, на протяжении всего периода заключения и во всем мире, повсеместно встречаются аналогичные примеры замечательной личной и социальной солидарности. Повсюду простые акты доброты, щедрости и альтруизма, похоже, становятся нормой. С точки зрения того, что мы ценим, на первый план вышли такие понятия, как сотрудничество, идеи сообщества, жертвование собственными интересами ради общего блага и забота. И наоборот, проявления индивидуальной власти, популярности и престижа вызывали неодобрение, затмив даже привлекательность «богатых и знаменитых», которая исчезала по мере развития пандемии. Один из комментаторов заметил, что коронавирус имел эффект быстрого «разрушения культа знаменитости» - ключевой черты нашей современности, отметив при этом: «Мечта о классовой мобильности рассеивается, когда общество в локдауне, экономика замирает, количество смертей увеличивается, а будущее каждого застывает в тесной квартире или роскошном особняке. Разница между ними никогда не была столь очевидна»¹⁴¹. Множество подобных наблюдений побудило не только социальных комментаторов, но и саму общественность задуматься о том, удалось ли пандемии пробудить в нас лучшие качества и тем самым вызвать

поиск высшего смысла. В голову приходит множество вопросов, таких как: «Может ли пандемия породить лучших себя и лучший мир?», «Повлечет ли она за собой изменение ценностей?», «Станем ли мы больше стремиться к укреплению наших человеческих связей и намеренно поддерживать наши социальные связи?», «Проще говоря, станем ли мы более заботливыми и сострадательными?».

Если верить истории, стихийные бедствия, такие как ураганы и землетрясения, объединяют людей, в то время как пандемии делают противоположное: разъединяют их. Причина может быть следующей: столкнувшись со внезапным, сильным и часто кратковременным стихийным бедствием, население сплачивается и, как правило, восстанавливается относительно быстро. Напротив, пандемии – это более длительные, затяжные события, которые часто вызывают постоянное чувство недоверия (по отношению к другим), основанное на первобытном страхе смерти. С психологической точки зрения, наиболее важным последствием пандемии является возникновение феноменальной неопределенности, которая часто становится источником раздражения. Мы не знаем, что принесет нам завтрашний день (Будет ли еще одна волна COVID-19? Затронет ли она людей, которых я люблю? Сохраню ли я свою работу?), и такое отсутствие уверенности вызывает у нас беспокойство и тревогу. Как человеческие существа, мы жаждем определенности, отсюда и потребность в «когнитивном закрытии» (cognitive closure), во всем, что может помочь устранить неопределенность и двусмысленность, которые парализуют нашу способность функционировать «нормально». В контексте пандемии риски сложны, их трудно осознать и они, в значительной степени, неизвестны. Поэтому, столкнувшись с ними, мы, скорее всего, не обратимся к нуждам других, как это обычно происходит в случае внезапных природных (или не природных) катастроф (и, фактически, вопреки преобладающему первому впечатлению, передаваемому средствами массовой информации). Это, в свою

очередь, становится глубоким источником стыда – ключевого чувства, которое определяет отношение и реакцию людей во время пандемий. Стыд – это моральная эмоция, которая приравнивается к плохому самочувствию: некомфортное чувство, сочетающее в себе сожаление, ненависть к себе и смутное ощущение «бесчестья» от того, что человек не сделал «правильную» вещь. Стыд был описан и проанализирован в бесчисленных романах и литературных текстах, написанных об исторических вспышках. Он может принимать такие радикальные и ужасные формы, как родители, бросающие своих детей на произвол судьбы. В начале «Декамерона», серии новелл, повествующих о группе мужчин и женщин, укрывшихся на вилле, когда Черная смерть опустошала Флоренцию в 1348 году, Боккаччо пишет, что: «отцы и матери бросали своих собственных детей на произвол судьбы, без присмотра и посещения оных». В том же ключе многочисленные литературные рассказы о прошлых пандемиях, от «Дневника чумного года» Дефо до «Обрученных» Мандзони, рассказывают о том, как часто страх смерти берет верх над всеми другими человеческими эмоциями. В каждой ситуации люди вынуждены принимать решения о спасении собственной жизни, что приводит к глубокому стыду из-за эгоизма в принятии окончательного решения. К счастью, всегда есть исключения, что мы особенно ярко увидели во время COVID-19, например, среди медсестер и врачей, чьи многочисленные акты сострадания и мужества во многих случаях выходили далеко за рамки их профессионального долга. Но, похоже, это всего лишь исключения! В книге «Великий грипп» , анализирующей последствия испанского гриппа для США в конце Первой мировой войны, историк Джон Барри рассказывает, что медицинские работники не могли найти достаточно добровольцев для оказания помощи. Чем вирулентнее становился грипп, тем меньше было число желающих стать добровольцами. Последовавшее за этим коллективное чувство стыда может быть одной из причин того, что наши общие знания о пандемии 1918-1919 годов столь скудны, несмотря на то, что только в США от нее погибло в 12 раз больше людей, чем от самой войны.

Возможно, это также объясняет, почему до сих пор о ней написано так мало книг и пьес.

Психологи говорят нам, что когнитивная закрытость часто требует черно-белого мышления и упрощенных решений¹⁴³ – территория, благоприятная для теорий заговора и распространения слухов, фальшивых новостей, неправды и других пагубных идей. В таком контексте мы ищем лидерства, авторитета и ясности, что означает, что вопрос о том, кому мы доверяем (в нашем ближайшем окружении и среди наших лидеров), становится критическим. Как следствие, возникает и противоположный вопрос о том, кому мы не доверяем. В условиях стресса возрастает привлекательность сплоченности и единства, что заставляет нас объединяться вокруг нашего клана или нашей группы и в целом становимся более общительными внутри нее, но не за ней. Кажется вполне естественным, что наше чувство уязвимости и хрупкости возрастает, как и наша зависимость от окружающих нас людей, как в случае с младенцем или немощным человеком. Наша привязанность к близким нам людям укрепляется, с новым чувством признательности ко всем тем, кого мы любим: семье и друзьям. Но есть и темная сторона этого праздника. Это также вызывает рост патриотических и националистических настроений, при этом в дело вступают тревожные религиозные и этнические соображения. В конце концов, эта токсичная смесь становится худшей для нас как социальной группы. Орхан Памук (турецкий писатель, удостоенный Нобелевской премии по литературе в 2006 году, чей последний роман «Ночи чумы» должен быть опубликован в конце 2020 года) рассказывает о том, как люди всегда реагировали на эпидемии, распространяя слухи и ложную информацию и представляя болезнь как чужеродную и принесенную со злым умыслом. Такое отношение заставляет нас искать козла отпущения – общая черта всех вспышек на протяжении всей истории – и является причиной того, что «неожиданные и неконтролируемые вспышки насилия, слухи, паника и восстания – обычное явление в рассказах об эпидемиях чумы, начиная с эпохи

Возрождения»¹⁴⁴. Памук добавляет: «История и литература чумы показывает нам, что интенсивность страданий, страх смерти, метафизический ужас и чувство сверхъестественного, испытываемые пораженным населением, также определяют глубину его гнева и политического недовольства».

Пандемия COVID-19 недвусмысленно показала всем нам, что мы живем в мире, который взаимосвязан и в то же время лишен солидарности между странами, а зачастую и внутри стран. На протяжении всех периодов заключения всплывали замечательные примеры личной солидарности, а также контрпримеры эгоистичного поведения. На глобальном уровне добродетель взаимопомощи бросается в глаза своим отсутствием – и это несмотря на антропологические доказательства того, что нас отличает способность сотрудничать друг с другом и формировать в процессе нечто большее и великое, чем мы сами. Приведет ли COVID-19 к тому, что люди замкнутся в себе, или же он будет питать их врожденное чувство сопереживания и сотрудничества, побуждая их к большей солидарности? Примеры предыдущих пандемий не слишком обнадеживают, но на этот раз есть фундаментальное отличие: мы все коллективно осознаем, что без более тесного сотрудничества мы не сможем решить глобальные проблемы, с которыми мы все вместе сталкиваемся. Проще говоря: если мы, как люди, не будем сотрудничать для решения наших экзистенциальных проблем (экология и свободное падение глобального управления, среди прочих), мы обречены. Таким образом, у нас нет иного выбора, кроме как призвать лучших ангелов нашей природы.

3.1.2. Моральный выбор

Пандемия заставила всех нас, как граждан, так и политиков, вольно или невольно, вступить в философские дебаты о том, как максимизировать общее благо наименее пагубным способом. Прежде всего, это побудило нас глубже

задуматься о том, что на самом деле означает общее благо. Общее благо – это то, что приносит пользу обществу в целом, но как мы коллективно решаем, что лучше для нас как для общества? Нужно ли сохранять рост ВВП и экономическую активность любой ценой, чтобы не допустить роста безработицы? Заботиться ли о самых уязвимых членах нашего общества и идти на жертвы ради друг друга? Является ли решение чем-то средним, и если да, то каковы компромиссы? Некоторые философские школы, такие как либертарианство (для которого свобода личности имеет наибольшее значение) и утилитаризм (для которого стремление к наилучшему результату для наибольшего числа людей имеет больше смысла), могут даже оспаривать, что общее благо – это дело, к которому стоит стремиться, но можно ли разрешить конфликты между конкурирующими моральными теориями? Пандемия довела их до кипения, с яростными спорами между противоборствующими лагерями. Многие решения, принимаемые как «холодные» и рациональные, продиктованные исключительно экономическими, политическими и социальными соображениями, на самом деле находятся под глубоким влиянием моральной философии – стремления найти теорию, способную объяснить, что мы должны делать. На самом деле, почти каждое решение, связанное с тем, как лучше бороться с пандемией, может быть переосмыслено как этический выбор, отражающий, что почти во всех случаях человеческие действия подчиняются моральным соображениям. Должен ли я давать тем, у кого ничего нет, и проявлять сочувствие к тем, чье мнение отличается от моего? Можно ли лгать обществу ради какого-то блага? Допустимо ли не помогать соседям, зараженным вирусом COVID-19? Должен ли я уволить нескольких сотрудников в надежде сохранить свой бизнес на плаву для остальных? Можно ли уехать в свой дом отдыха для собственной безопасности и комфорта или лучше предложить его тому, чьи потребности превышают мои? Должен ли я проигнорировать приказ о лишении свободы, чтобы помочь другу или члену семьи?

Каждое решение, большое или маленькое, имеет этическую составляющую, и то, как мы отвечаем на все эти вопросы, в конечном итоге и позволяет нам стремиться к лучшей жизни.

Как и все понятия моральной философии, идея общего блага неуловима и спорна. С момента начала пандемии она вызвала яростные споры о том, следует ли использовать утилитарный расчет при попытке укротить пандемию или придерживаться священного принципа святости жизни.

Ничто так не выкристалливывает проблему этического выбора, как дебаты, бушевавшие во время первых локдаунов, о компромиссе между общественным здоровьем и ударом по экономическому росту. Как мы уже говорили, почти все экономисты развенчали миф о том, что, жертвуя несколькими жизнями, можно спасти экономику, но, независимо от мнения этих экспертов, дебаты и споры продолжались. В США, в частности, но не только, некоторые политики встали на путь оправдания того, что экономика важнее жизни, одоблив выбор политики, который был бы немыслим в Азии или Европе, где подобные заявления были бы равносильны политическому самоубийству. Это осознание, вероятно, объясняет поспешный отход премьер-министра Великобритании Джонсона от первоначальной политики, выступающей за стадный иммунитет, который часто изображается экспертами и СМИ как пример социального дарвинизма. Приоритет бизнеса над жизнью имеет давнюю традицию, начиная с купцов Сиены во время Великой чумы и заканчивая купцами Гамбурга, которые пытались скрыть вспышку холеры в 1892 году. Однако кажется почти нелепым, что она сохранилась и сегодня, со всеми медицинскими знаниями и научными данными, которыми мы располагаем. Аргумент, выдвигаемый некоторыми группами, такими как «Американцы за процветание», заключается в том, что рецессии убивают людей. Это, несомненно, правда, но факт, который сам по себе коренится в выборе политики, продиктованном этическими

соображениями. В США рецессии действительно убивают много людей, потому что отсутствие или ограниченность системы социальной защиты делает их опасными для жизни. Каким образом? Когда люди теряют работу без государственной поддержки и медицинской страховки, они, как правило, «умирают от отчаяния» в результате самоубийств, передозировки наркотиков и алкоголизма, как показали и подробно проанализировали Энн Кейс и Ангус Дитон¹⁴⁵. Экономические спады провоцируют смерти и за пределами США, но выбор политики в области медицинского страхования и защиты работников может обеспечить значительно меньшее их количество. В конечном счете, это моральный выбор – отдать ли предпочтение качествам индивидуализма или тем, которые благоприятствуют судьбе сообщества. Это как индивидуальный, так и коллективный выбор (который может быть выражен через выборы), но пример пандемии показывает, что индивидуалистические общества не очень хорошо умеют выражать солидарность¹⁴⁶.

В ближайший период после пандемии, после первой волны в начале 2020 года и в то время, когда экономика многих стран мира скатывается в глубокую рецессию, перспектива более жесткого локдауна кажется политически немыслимой. Даже самые богатые страны не могут «позволить себе» терпеть локдаун бесконечно долго, даже год или около того. Последствия, особенно в плане безработицы, были бы ужасающими, что привело бы к драматическим последствиям для беднейших слоев общества и индивидуального благосостояния в целом. Как сказал экономист и философ Амартия Сен: «Наличие болезни убивает людей, а отсутствие средств к существованию также убивает людей»¹⁴⁷. Поэтому теперь, когда возможности тестирования и поиска контактов стали широко доступны, многие индивидуальные и коллективные решения будут обязательно включать в себя сложный анализ затрат и выгод и даже иногда «жестокый» утилитарный расчет. Каждое политическое решение станет чрезвычайно

тонким компромиссом между спасением как можно большего числа жизней и обеспечением максимально возможного функционирования экономики. Биоэтики и философы морали часто спорят между собой о подсчете потерянных или спасенных лет жизни, а не только о количестве смертей, которые произошли или которых можно было бы избежать. Питер Сингер, профессор биоэтики и автор книги «Жизнь, которую вы можете спасти», является видным сторонником теории, согласно которой мы должны учитывать количество потерянных лет жизни, а не только количество жизней. Он приводит следующий пример: в Италии средний возраст умирающих от COVID-19 составляет почти 80 лет, что может побудить нас задать следующий вопрос: сколько лет жизни было потеряно в Италии, учитывая, что многие люди, умершие от вируса, были не только пожилыми, но и имели сопутствующие заболевания? По приблизительным оценкам некоторых экономистов, итальянцы потеряли в среднем три года жизни, что совсем не похоже на те 40 или 60 лет жизни, которые теряются, когда множество молодых людей погибает в результате войны¹⁴⁸.

Цель этого примера такова: сегодня почти каждый человек в мире имеет свое мнение о том, был ли локдаун в ее или его стране слишком суровой или недостаточно суровой мерой, следовало ли ее сократить или продлить, был ли локдаун введен должным образом или нет, был ли он должным образом обеспечен или нет, часто формулируя ответ на эти вопросы, как «объективный факт». На самом деле все эти суждения и заявления, которые мы постоянно делаем, определяются этическими соображениями, которые носят исключительно личный характер. Проще говоря, то, что мы выдаем за факты или мнения, является моральным выбором, который обнажила пандемия. Они делаются во имя того, что мы считаем правильным или неправильным, и поэтому определяют нас как личность. Один простой пример для иллюстрации: ВОЗ и большинство национальных органов здравоохранения рекомендуют носить маску на людях. То, что было

сформулировано как эпидемиологическая необходимость и простая мера по снижению риска, превратилось в поле политической битвы. В США и, хотя в меньшей степени и в некоторых других странах, решение носить или не носить маску стало политически окрашенным, поскольку оно рассматривается как посягательство на личную свободу. Но за политической декларацией отказ от ношения маски на публике является моральным выбором, как и решение носить маску. Говорит ли это нам что-то о моральных принципах, которые лежат в основе нашего выбора и решений? Вероятно, да.

Пандемия также заставила нас (заново) задуматься о критической важности справедливости – весьма субъективного понятия, но крайне важного для гармонии в обществе. Рассмотрение понятия справедливости напоминает нам о том, что некоторые из самых основных предположений, которые мы делаем в экономике, содержат в себе моральный элемент. Следует ли, например, учитывать справедливость или правосудие при рассмотрении законов спроса и предложения? И что этот ответ говорит нам о нас самих? Этот квинтэссенциальный моральный вопрос вышел на первый план во время самой острой фазы пандемии в начале 2020 года, когда возник дефицит некоторых предметов первой необходимости (таких как масло и туалетная бумага) и критически важных товаров для борьбы с COVID-19 (таких, как маски и аппараты искусственной вентиляции легких). Какая реакция была бы правильной? Позволить законам спроса и предложения работать по своему волшебству, чтобы цены поднялись достаточно высоко и очистили рынок? Или, скорее, регулировать спрос или даже цены в течение некоторого времени? В знаменитой работе, написанной в 1986 году, Дэниел Канеман и Ричард Талер (впоследствии удостоенные Нобелевской премии по экономике) исследовали этот вопрос и пришли к выводу, что повышение цен в чрезвычайной ситуации просто неприемлемо с точки зрения общества, поскольку будет восприниматься как несправедливость. Некоторые

экономисты могут утверждать, что повышение цен, вызванное спросом и предложением, эффективно в той мере, в какой оно препятствует паническим покупкам, но большинство людей считают, что этот вопрос имеет мало общего с экономикой и больше связан с чувством справедливости, и, следовательно, с моральным осуждением. Большинство компаний понимают это: повышение цены на товар, который необходим в такой экстремальной ситуации, как пандемия, особенно если это маска или дезинфицирующее средство для рук, не только оскорбительно, но и идет вразрез с тем, что считается морально и социально приемлемым. По этой причине Amazon запретил завышать цены на своем сайте, а крупные розничные сети отреагировали на дефицит не повышением цен на товары, а ограничением количества, которое может купить каждый покупатель.

Трудно сказать, являются ли эти моральные соображения Сбросом, и окажут ли они длительное посткоронавирусное влияние на наши взгляды и поведение. По крайней мере, можно предположить, что теперь мы более индивидуально осознаем тот факт, что наши решения пронизаны ценностями и основаны на моральном выборе. Из этого может следовать, что если (но это большое «если») в будущем мы откажемся от корысти, которая загрязняет многие наши социальные взаимодействия, мы сможем уделять больше внимания таким вопросам, как инклюзивность и справедливость. Оскар Уайльд уже в 1892 году обозначил эту проблему, изобразив циника как «человека, который знает цену всему и ценность ничего».

3.2. Психическое здоровье и благополучие

Уже много лет эпидемия психических заболеваний охватила большую часть мира. Пандемия уже усугубила ситуацию и будет усугублять её дальше. Большинство психологов (и уж точно все те, с кем мы говорили), похоже, согласны с суждением, высказанным в мае 2020 года одним из их коллег:

«Пандемия оказала разрушительное воздействие на психическое здоровье»¹⁴⁹.

В отличие от физических заболеваний, люди с проблемами психического здоровья часто имеют раны, невидимые невооруженным глазом непрофессионала. Тем не менее, за последнее десятилетие специалисты в области психического здоровья сообщают о взрыве проблем с психическим здоровьем – от депрессии и самоубийств до психозов и аддиктивных расстройств. В 2017 году, по оценкам, 350 миллионов человек по всему миру страдали от депрессии. В то время ВОЗ прогнозировала, что к 2020 году депрессия станет второй основной причиной бремени болезней в мире, а к 2030 году она обгонит ишемическую болезнь сердца в качестве основной причины болезней. В США, по оценкам CDC, в 2017 году депрессия затрагивала более 26% взрослых. Примерно каждый двадцатый сообщает об умеренных или тяжелых симптомах. В то время также прогнозировалось, что 25% взрослых американцев будут страдать от психических заболеваний в течение года и почти у 50% в течение жизни разовьется хотя бы одно психическое заболевание¹⁵⁰. Подобные цифры (но, возможно, не такие серьезные) и тенденции существуют в большинстве стран мира. На рабочем месте вопрос психического здоровья стал одним из больших слонов в корпоративной комнате (one of the big elephants in the corporate room). Эпидемия стресса, депрессии и тревожности, связанная с работой, похоже, постоянно усугубляется. Показательный пример: в 2017-2018 годах в Великобритании на стресс, депрессию и тревогу пришлось более половины (57%) всех рабочих дней, потерянных по причине плохого самочувствия¹⁵¹.

Для многих людей прохождение через пандемию COVID-19 будет означать персональную (личную) травму. Нанесенные шрамы могут сохраняться годами. Начнем с того, что в первые месяцы вспышки было слишком легко стать жертвой предубеждений доступности и эмоциональной

привлекательности. Эти два умственных недостатка заставляли нас заикливаться и размышлять о пандемии и ее опасностях (доступность заставляла нас полагаться на примеры, которые сразу приходят на ум при оценке чего-либо, а эмоциональность предрасполагает нас фокусироваться на вещах, которые являются более заметными или эмоционально яркими). В течение нескольких месяцев COVID-19 стал почти единственной новостью, которая неизбежно была исключительно плохой. Бесперывные сообщения о смертях, инфекционных заболеваниях и всех других вещах, которые могут пойти не так, вместе с эмоционально заряженными изображениями, позволили нашему коллективному воображению разгуляться в плане беспокойства за себя и своих близких. Такая тревожная атмосфера имела катастрофические последствия для нашего психического благополучия. Кроме того, тревога, нагнетаемая средствами массовой информации, может быть очень заразной. Все это привело к реальности, которая для многих стала личной трагедией, будь то экономические последствия потери доходов и работы и/или эмоциональные последствия домашнего насилия, острой изоляции и одиночества или невозможности должным образом оплакать умерших близких.

Социальное взаимодействие – неотъемлемая часть человека. Дружеское общение и социальные взаимодействия являются жизненно важным компонентом нашей человечности. Лишившись их, мы обнаруживаем, что наша жизнь перевернута с ног на голову. Социальные отношения в значительной степени уничтожаются мерами заключения (confinement measures), физическим или социальным дистанцированием, а, в случае с локдаунами из-за COVID-19, это произошло в период повышенной тревоги, когда мы больше всего в социальных отношениях нуждались. Ритуалы, присущие нашему человеческому поведению – рукопожатия, объятия, поцелуи и многие другие – были подавлены. В результате возникли одиночество и изоляция. Пока мы не знаем, сможем ли мы полностью

вернуться к прежнему образу жизни и когда это произойдет. На любом этапе пандемии, но особенно к концу изоляции, психический дискомфорт остается риском, даже после того, как период острого стресса прошел, что психологи назвали «феноменом третьего квартала»¹⁵², ссылаясь на людей, которые живут в изоляции в течение длительного периода времени (например, полярники или космонавты): они склонны испытывать проблемы и напряжение к концу своей миссии особенно сильно. Подобно этим людям, но в планетарном масштабе, наше коллективное чувство психического благополучия получило очень сильный удар. Справившись с первой волной, мы теперь ожидаем другой, которая может прийти, а может и не прийти, и эта токсичная эмоциональная смесь рискует привести к коллективному состоянию страдания. Невозможность строить планы или заниматься конкретной деятельностью, которая раньше была неотъемлемой частью нашей нормальной жизни и жизненно важным источником удовольствия (например, посещение семьи и друзей за границей, планирование следующего семестра в университете, подача заявления на новую работу), может привести к тому, что мы окажемся растерянными и деморализованными. Для многих людей напряжение и стресс, вызванные непосредственными дилеммами, которые последовали за окончанием локдауна, будут длиться месяцами. Безопасно ли ездить в общественном транспорте? Не слишком ли рискованно идти в любимый ресторан? Стоит ли навестить пожилого члена семьи или друга? Еще долгое время эти банальные решения будут омрачены чувством страха – особенно для тех, кто уязвим в силу своего возраста или состояния здоровья.

На момент написания этой книги (июнь 2020 года) влияние пандемии на психическое здоровье не поддается количественной или обобщенной оценке, но общие контуры известны. В двух словах:

- 1) люди с уже существующими психическими заболеваниями, такими как депрессия, будут все чаще страдать от тревожных расстройств;
- 2) меры по социальному дистанцированию, даже после их сворачивания, усугубят проблемы психического здоровья;
- 3) во многих семьях потеря дохода, вследствие безработицы, ввергнет людей в феномен «смерти от отчаяния»;
- 4) домашнее насилие и жестокость, особенно в отношении женщин и детей, будут расти, пока длится пандемия;
- 5) «уязвимые» люди и дети – те, кто находится под опекой, социально и экономически неблагополучные граждане и инвалиды, нуждающиеся в поддержке выше среднего уровня – будут особенно подвержены риску повышенного психического расстройства.

Рассмотрим ниже некоторые из них более подробно.

Для многих взрыв психических проблем произошел в первые месяцы пандемии и будет продолжаться в постпандемическую эпоху. В марте 2020 года (в самом начале пандемии) группа исследователей опубликовала в журнале «Ланцет» исследование, в котором говорится, что меры заключения привели к ряду тяжелых последствий для психического здоровья, таких как психологическая травма, растерянность и гнев¹⁵³. Хотя сумев избежать наиболее тяжелых проблем с психическим здоровьем, значительная часть населения планеты наверняка испытала стресс различной степени. В первую очередь, именно среди тех, кто уже склонен к психическим расстройствам, будут усугубляться проблемы, присущие ответным мерам на коронавирус (локдауны, изоляция, страдания). Некоторые смогут пережить бурю, но для

определенных людей диагностика депрессии или тревоги может перерасти в острый клинический эпизод. Есть также значительное число людей, у которых впервые проявились симптомы серьезного расстройства настроения, таких, как мания, признаки депрессии и различные психотические переживания. Все они были спровоцированы событиями, прямо или косвенно связанными с пандемией и локдаунами, такими, как изоляция и одиночество, страх заразиться болезнью, потеря работы, тяжелая утрата и беспокойство о членах семьи и друзьях. В мае 2020 года клинический директор по психическому здоровью Национальной службы здравоохранения Англии сообщил парламентскому комитету, что «спрос на психиатрическую помощь "значительно" возрастет после окончания изоляции, и люди будут нуждаться в лечении травмы в течение многих лет»¹⁵⁴. Нет оснований полагать, что в других странах ситуация будет иной.

В период пандемии возросло число случаев домашнего насилия. Измерить точный рост сложно из-за большого количества случаев, которые остаются незарегистрированными, но, тем не менее, очевидно, что рост числа случаев был вызван сочетанием тревоги и экономической неопределенности. В условиях изоляции собрались все необходимые ингредиенты для роста домашнего насилия: изоляция от друзей, семьи и работы, возможность постоянного наблюдения и физическая близость к партнеру, подвергающемуся насилию (зачастую он сам находится в состоянии повышенного стресса), и ограниченные возможности для выхода из дома или полное отсутствие таковых. Условия изоляции усиливают существующее жестокое поведение, практически не оставляя жертвам и их детям передышки вне дома. Согласно прогнозам Фонда ООН в области народонаселения, если уровень домашнего насилия в период изоляции увеличится на 20%, то в 2020 году произойдет дополнительно 15 миллионов случаев насилия со стороны сексуального партнера при средней продолжительности изоляции в три месяца, 31 миллион случаев при средней продолжительности изоляции в шесть месяцев, 45 миллионов при средней продолжительности изоляции в девять месяцев и 61 миллион, если средняя продолжительность изоляции

составит один год. Это глобальные прогнозы, охватывающие все 193 государства-члена ООН, и они отражают высокий уровень занижения данных, характерный для гендерного насилия. В общей сложности, за каждые три месяца локдауна происходит 15 миллионов случаев гендерного насилия¹⁵⁵. Трудно предсказать, как будет развиваться домашнее насилие в эпоху после пандемии. Трудные условия сделают его более вероятным, но многое будет зависеть от того, как отдельные страны будут контролировать два пути, по которым происходит домашнее насилие:

- 1) сокращение усилий по профилактике и защите, социальных услуг и ухода;
- 2) сопутствующий рост случаев насилия.

В заключение этой подглавы мы рассмотрим вопрос, который может показаться анекдотичным, но который приобрел определенную актуальность в эпоху непрекращающихся онлайн-встреч, которая может расшириться в обозримом будущем: являются ли видеоразговоры и психическое благополучие плохими соседями? Во время локдауна видеопереговоры стали для многих личным и профессиональным спасением, позволяя нам поддерживать человеческие связи, отношения на расстоянии и связи с коллегами. Но они также породили феномен психического истощения, получивший название "усталость от Zoom": это состояние можно отнести и к использованию любого другого видеоинтерфейса. Во время локдаунов экраны и видео настолько широко использовались для общения, что это было равносильно новому социальному эксперименту, проводимому в широких масштабах. Вывод: нашему мозгу трудно и иногда тревожно осуществлять виртуальное взаимодействие, особенно если и когда такое взаимодействие составляет квазитотальность наших профессиональных и личных обменов. Мы – социальные животные, для которых множество незначительных и часто невербальных сигналов, которые обычно возникают во время физического социального взаимодействия, являются жизненно важными с точки зрения общения и взаимопонимания. Когда мы разговариваем с кем-то, мы концентрируемся не только на словах, которые он произносит, но и на

множестве инфра-языковых сигналов, которые помогают нам понять смысл происходящего обмена: обращена ли нижняя часть тела человека к нам или отвернута? Что делают их руки? Каков тон их общего языка тела? Как человек дышит? При видеоразговоре интерпретация этих невербальных сигналов, наполненных тонким смыслом, невозможна, и мы вынуждены концентрироваться исключительно на словах и мимике, которые иногда меняются из-за качества видео. В виртуальном разговоре у нас нет ничего, кроме интенсивного, продолжительного зрительного контакта, который может легко стать пугающим или даже угрожающим, особенно при наличии иерархических отношений. Эта проблема усугубляется при просмотре «галереи», когда центральное зрение нашего мозга рискует оказаться под угрозой из-за огромного количества людей в поле зрения. Существует некий порог, за которым мы не можем воспринимать так много людей одновременно. У психологов есть для этого слово: «непрерывное частичное внимание». Это похоже на то, как если бы наш мозг пытался работать в многозадачном режиме, но, конечно, тщетно. В конце разговора постоянный поиск невербальных сигналов, которые не удастся найти, просто перегружает наш мозг. Мы чувствуем, что истощаем энергию и остаемся с чувством глубокой неудовлетворенности. Это, в свою очередь, негативно сказывается на нашем чувстве душевного благополучия.

Воздействие COVID-19 привело к возникновению более широкого и глубокого спектра проблем психического здоровья в лучшем случае у большего числа населения, многих из которых можно было бы пощадить в ближайшем будущем, если бы не пандемия. Если смотреть с этой точки зрения, коронавирус усилил, а не сбросил проблемы психического здоровья. Однако то, чего пандемия достигла в отношении психического здоровья, как и во многих других сферах – это ускорение уже существовавшей тенденции; вместе с этим пришло и осознание общественностью серьезности проблемы. Психическое здоровье – наиболее значимый фактор, влияющий на уровень удовлетворенности людей своей жизнью¹⁵⁶ – уже находилось в поле зрения политиков. В постпандемическую эпоху эти вопросы могут получить

приоритет, которого они заслуживают. Это действительно стало бы жизненно важным Сбросом.

3.3. Изменение приоритетов

Уже много написано о том, как пандемия может изменить нас — как мы думаем о вещах и как мы поступаем. Тем не менее, мы все еще находимся в самом начале пути (мы даже еще не знаем, позади ли пандемия) и, в отсутствие данных и исследований, все предположения о нашем будущем являются весьма спекулятивными. Тем не менее, мы можем предвидеть некоторые возможные изменения, которые перекликаются с макро- и микропроблемами, рассмотренными в этой книге. COVID-19 может заставить нас обратиться к нашим внутренним проблемам таким образом, о котором мы раньше не задумывались. Мы можем начать задавать себе фундаментальные вопросы, которые никогда бы не возникли без кризиса и локдаунов, и тем самым, перестроить свою ментальную карту.

Экзистенциальные кризисы, подобные пандемии, сталкивают нас с нашими собственными страхами и тревогами и предоставляют прекрасные возможности для самоанализа. Они заставляют нас задавать вопросы, которые действительно важны, а также могут сделать нас более творческими в нашем ответе. История показывает, что новые формы индивидуальной и коллективной организации часто возникают после экономических и социальных депрессий. Мы уже приводили примеры прошлых пандемий, которые радикально изменили ход истории. В тяжелые времена часто процветают инновации — их необходимость давно признана матерью изобретений. Это может оказаться особенно верным в отношении пандемии COVID-19, которая заставила многих из нас замедлиться и дала нам больше времени на размышления вдали от темпа и суеты нашего "нормального" мира (за очень значительным исключением, конечно, десятков миллионов

героических работников здравоохранения, продуктовых магазинов и супермаркетов, родителей с маленькими детьми или людей, ухаживающих за пожилыми или инвалидными родственниками, требующими постоянного внимания). Предлагая больше времени, больше тишины, больше одиночества (даже если избыток последнего иногда приводил к одиночеству), пандемия дала возможность глубже задуматься о том, кто мы есть, что действительно важно и чего мы хотим, как отдельные люди, так и общество. Этот период вынужденного коллективного размышления может привести к изменению поведения, что в свою очередь вызовет более глубокий пересмотр наших верований и убеждений. Это может привести к изменению наших приоритетов, что, в свою очередь, повлияет на наше отношение ко многим аспектам повседневной жизни: как мы общаемся, заботимся о членах семьи и друзьях, занимаемся спортом, следим за своим здоровьем, делаем покупки, воспитываем детей и даже как мы видим свое положение в мире. Все чаще на первый план могут выходить очевидные вопросы, такие как: «Знаем ли мы, что важно?», «Не слишком ли мы эгоистичны и не заиклены ли на себе?», «Не придаем ли мы слишком большое значение своей карьере и не уделяем ли ей слишком много времени?», «Являемся ли мы рабами потребительства?». В постпандемическую эпоху, благодаря паузе для размышлений, которую она дала некоторым из нас, наши ответы, возможно, изменились по сравнению с тем, что мы могли бы ответить до пандемии.

Давайте рассмотрим в произвольной и неисключительной форме некоторые из этих потенциальных изменений, вероятность наступления которых, как нам кажется, даже если она не очень высока, все же выше, чем принято считать.

3.3.1. Творчество

Возможно, это клише, когда говорят, что «то, что нас не убивает, делает нас сильнее», но Фридрих Ницше был прав. Не все, кто выживает после пандемии, становятся сильнее, отнюдь нет. Однако некоторые люди становятся сильнее, совершая поступки и достижения, которые в то время могут показаться незначительными, но, оглядываясь назад, можно увидеть, что они оказали огромное влияние. Творческий подход помогает. Как и нахождение в нужном месте (например, в нужной отрасли) в нужное время. Например, мало сомнений в том, что в ближайшие несколько лет мы станем свидетелями взрыва креативности среди стартапов и новых предприятий в цифровой и биотехнологической сферах. Пандемия подудла попутным ветром в паруса и тех, и других, предполагая, что мы станем свидетелями большого прогресса и значительных инноваций со стороны наиболее творческих и оригинальных личностей в этих секторах. Самые талантливые предприниматели будут работать на полную катушку!

То же самое может произойти в сфере науки и искусства. Известные эпизоды прошлого подтверждают, что творческие личности процветают в условиях изоляции. Исаак Ньютон, например, процветал во время чумы. Когда летом 1665 года после вспышки чумы Кембриджский университет пришлось закрыть, Ньютон вернулся в свой семейный дом в Линкольншире, где оставался более года. Во время этого периода вынужденной изоляции, названного *annus mirabilis* («замечательный год»), он пережил излияние творческой энергии, которая легла в основу его теорий гравитации и оптики и, в частности, разработки обратно-квадратичного закона тяготения (рядом с домом росла яблоня, и идея пришла к нему, когда он сравнивал падение яблока с движением Луны по орбите)¹⁵⁷.

Аналогичный принцип вынужденного творчества применим к литературе и лежит в основе некоторых из самых известных литературных произведений западного мира. Ученые утверждают, что закрытие театров в Лондоне, вызванное чумой 1593 года, помогло Шекспиру обратиться к поэзии. Именно тогда он опубликовал «Венеру и Адониса», популярную повествовательную поэму, в которой богиня просит юношу поцеловать ее, «чтобы изгнать заразу из опасного года». Несколько лет спустя, в начале XVII века, из-за бубонной чумы театры в Лондоне чаще закрывались, чем открывались. Официальное правило гласило, что театральные представления должны были отменяться, если число умерших от чумы превышало 30 человек в неделю. В 1606 году Шекспир был очень плодовит именно потому, что театры были закрыты из-за эпидемии и его труппа не могла играть. Всего за год он написал «Короля Лира», «Макбета» и «Антония и Клеопатру»¹⁵⁸. У русского писателя Александра Пушкина был похожий опыт. В 1830 году, после эпидемии холеры, охватившей Нижний Новгород, он оказался в заточении в провинциальном имении. Внезапно, после многих лет личных потрясений, он почувствовал облегчение, свободу и счастье. Три месяца, проведенные в карантине, были самыми творческими и продуктивными в его жизни. Он закончил «Евгения Онегина» – свой шедевр – и написал ряд этюдов, один из которых назывался «Пир во время чумы».

Мы приводим эти исторические примеры расцвета личного творчества величайших художников во время чумы или пандемии не для того, чтобы преуменьшить или отвлечь внимание от катастрофического финансового воздействия, которое кризис COVID-19 оказывает на мир культуры и развлечений, а для того, чтобы дать проблеск надежды и источник вдохновения. Творчество в наибольшей степени проявляется в культурном и художественном секторах нашего общества, и история показала, что именно это творчество может стать основным источником жизнестойкости.

Существует множество подобных примеров. Это необычная форма Сброса, но она не должна нас удивлять. Когда происходят разрушительные события, творчество и изобретательность часто расцветают.

3.3.2. Время

В романе Джошуа Ферриса (2007) «Потом мы пришли к концу» один из персонажей замечает: «Некоторые дни казались длиннее других дней. Некоторые дни казались длиннее в целых два дня». Это произошло во всемирном масштабе в результате пандемии: она изменила наше ощущение времени. Многие люди, находясь на изоляции, упоминали о том, что дни в заключении казались вечностью, а недели проходили удивительно быстро. Опять же, за исключением тех, кто находился в «окопах» (все основные работники, о которых мы уже упоминали), многие люди в изоляции чувствовали одинаковость дней, каждый день был похож на предыдущий и следующий, и почти не было различий между рабочими днями и выходными. Как будто время стало аморфным и недифференцированным, исчезли все маркеры и обычные разделения. В принципиально ином контексте, но в рамках схожего типа опыта, заключенные, сталкивающиеся с самой суровой и радикальной формой заключения, подтверждают это. «Дни тянутся, а потом ты просыпаешься, а месяц прошел, и ты думаешь: "Куда, черт возьми, все делось?"». Виктор Серж, русский революционер, неоднократно сидевший в тюрьме, сказал то же самое: «Бывают быстрые часы и очень длинные секунды»¹⁵⁹. Может быть, эти наблюдения заставят некоторых из нас пересмотреть свое отношение ко времени, лучше осознать, насколько оно ценно, и не дать ему пролететь незаметно? Мы живем в эпоху чрезвычайной скорости, когда все происходит гораздо быстрее, чем когда-либо, потому что технологии создали культуру непосредственности. В этом обществе «реального времени», где все нужно и хочется немедленно, мы постоянно чувствуем нехватку времени и испытываем неприятное ощущение, что темп

жизни постоянно увеличивается. Может ли опыт локдаунов изменить это? Можем ли мы на своем индивидуальном уровне испытать эквивалент того, что будут делать цепочки поставок «точно в срок» в эпоху после пандемии – подавление ускорения времени в пользу большей устойчивости и душевного спокойствия? Может быть, необходимость стать более психологически устойчивыми заставит нас замедлиться и внимательнее относиться к уходящему времени? Возможно. Это может быть одним из неожиданных плюсов COVID-19 и локдауна. Это сделало нас более осознанными и чувствительными к великим маркерам времени: драгоценным моментам, проведенным с друзьями и нашими семьями, временам года и природе, мириадам мелких вещей, которые требуют немного времени (например, разговор с незнакомцем, слушание птиц или любование произведением искусства), но которые способствуют благополучию. Сброс: в эпоху после пандемии мы, возможно, будем по-другому ценить время, используя его для достижения большего счастья¹⁶⁰.

3.3.3. Потребление

С момента возникновения пандемии многие колонки и аналитические материалы были посвящены влиянию COVID-19 на наши модели потребления. Значительная часть из них утверждает, что в постпандемическую эпоху мы станем более сознательными в отношении последствий нашего выбора и привычек и решим ограничить некоторые формы потребления. На другом конце спектра несколько аналитиков прогнозируют «мстительное потребление», которое примет форму всплеска расходов после окончания локдауна, предсказывая сильное возрождение нашего животного духа и возвращение к ситуации, которая была до пандемии. Мстительное потребление еще не произошло. Может быть, оно вообще не произойдет, если сначала возобладает чувство самоограничения.

В основе этой гипотезы лежит аргумент, на который мы ссылались в главе об экологическом Сбросе: пандемия стала для широкой общественности драматическим открытием серьезности рисков, связанных с деградацией окружающей среды и изменением климата.

Повышенная осведомленность о неравенстве и острая озабоченность им в сочетании с осознанием того, что угроза социальных волнений реальна, непосредственна и находится у нашего порога, могут оказать такое же воздействие. Когда достигается переломный момент, крайнее неравенство начинает разрушать общественный договор и все чаще приводит к антисоциальному (даже преступному) поведению, часто направленному на собственность. В ответ на это должны измениться модели потребления.

Как это может произойти? Показное потребление может выйти из моды. Иметь самую последнюю, самую современную модель чего бы то ни было больше не будет признаком статуса, а будет считаться, в лучшем случае, несовременным, а в худшем – откровенно непристойным. Система сигналов о статусе будет перевернута с ног на голову. Проецировать мнение о себе через покупку и щеголять дорогими «штучками» может просто остаться в прошлом. Проще говоря, в постпандемическом мире, охваченном безработицей, невыносимым неравенством и беспокойством об окружающей среде, показная демонстрация богатства больше не будет приемлемой.

Путь вперед может быть вдохновлен примером Японии и некоторых других стран. Экономисты постоянно беспокоятся о возможной японизации мира (о чем мы говорили в разделе макроэкономики), но есть гораздо более позитивная история японизации, которая дает нам представление о том, куда мы можем двигаться в отношении потребления. Япония обладает двумя отличительными особенностями, которые взаимосвязаны: у нее один из самых низких уровней неравенства среди стран с высоким уровнем дохода, и

после того, как в конце 1980-х годов лопнул спекулятивный пузырь, она отличается более низким уровнем показного потребления. Сегодня позитивная ценность минимализма (ставшего популярным благодаря серии книг Мари Кондо), стремление найти смысл и цель жизни (икигай), важность природы и практики лесных купаний (сирин-йоку) подражают во многих частях мира, хотя все они поддерживают относительно более «бережливый» японский образ жизни по сравнению с более потребительскими обществами. Аналогичное явление можно наблюдать в скандинавских странах, где показное потребление осуждается и подавляется. Но все это не делает их менее счастливыми, скорее наоборот¹⁶¹. Как постоянно напоминают нам психологи и поведенческие экономисты, чрезмерное потребление не равно счастью. Возможно, это еще один вариант Сброса личности: понимание того, что показное потребление или чрезмерное потребление любого рода не приносит пользы ни нам, ни нашей планете, и последующее осознание того, что чувство личного удовлетворения и удовлетворения не обязательно должно зависеть от неустанного потребления – возможно, совсем наоборот.

3.3.4. Природа и благополучие

Пандемия в режиме реального времени показала, как управлять нашими тревогами и страхами в период чрезвычайного смятения и неопределенности. Из всего этого можно сделать один четкий вывод: природа является грозным противоядием от многих болезней современности. Последние многочисленные исследования неопровержимо объясняют, почему это так. Неврологи, психологи, медики, биологи и микробиологи, специалисты по физической работоспособности, экономисты, социологи – все в своих областях теперь могут объяснить, почему природа заставляет нас чувствовать себя хорошо, как она облегчает физическую и психологическую боль и почему с ней связано так много преимуществ в плане физического и психического благополучия. И наоборот, они также могут показать, почему

отрыв от природы во всем ее богатстве и разнообразии – дикой природы, деревьев, животных и растений – негативно влияет на наш разум, наше тело, нашу эмоциональную жизнь и наше психическое здоровье¹⁶².

COVID-19 и постоянные напоминания органов здравоохранения о необходимости ежедневных прогулок или физических упражнений для поддержания формы ставят эти соображения во главу угла. Так же, как и мириады индивидуальных свидетельств во время локдауна, показывающих, как сильно люди в городах тоскуют по зелени: лесу, парку, саду или просто дереву. Даже в странах с самым строгим режимом изоляции, таких как Франция, органы здравоохранения настаивали на необходимости ежедневно проводить некоторое время на улице. В эпоху после пандемии гораздо меньше людей будут игнорировать центральное место и важнейшую роль природы в своей жизни. Пандемия сделала это осознание возможным в широких масштабах (ведь теперь об этом знают почти все в мире). Это создаст более глубокие и личные связи на индивидуальном уровне с макропоказателями, о которых мы говорили ранее, о сохранении наших экосистем и необходимости производить и потреблять таким образом, чтобы бережно относиться к окружающей среде. Теперь мы знаем, что без доступа к природе и всему тому, что она может предложить в плане биоразнообразия, наш потенциал физического и психического благополучия серьезно снижается.

На протяжении всей пандемии нам напоминали, что правила социального дистанцирования, мытья рук и ношения масок (плюс самоизоляция для наиболее уязвимых людей) являются стандартными средствами защиты от COVID-19. Однако в нашей физической устойчивости к вирусу важную роль играют еще два важнейших фактора, которые в значительной степени зависят от нашего общения с природой: иммунитет и воспаление. Оба они способствуют нашей защите, но с возрастом иммунитет снижается, а

воспаление усиливается. Чтобы повысить наши шансы противостоять вирусу, необходимо повысить иммунитет и подавить воспаление. Какую роль в этом сценарии играет природа? Она играет главную роль, говорит нам наука! Низкий уровень постоянного воспаления, испытываемого нашим организмом, приводит к всевозможным заболеваниям и расстройствам, начиная от сердечно-сосудистых заболеваний и заканчивая депрессией и снижением иммунных возможностей. Это остаточное воспаление более распространено среди людей, живущих в городах, городской среде и промышленно развитых районах. В настоящее время установлено, что отсутствие связи с природой является фактором, способствующим усилению воспаления. Исследования показали, что всего два часа, проведенные в лесу, могут облегчить воспаление, снизив уровень цитокинов (маркер воспаления)¹⁶³.

Все это сводится к выбору образа жизни: не только времени, которое мы проводим на природе, но и того, что мы едим, как спим, сколько занимаемся спортом. Такой выбор позволяет сделать обнадеживающее наблюдение: возраст не обязательно должен быть фатальным. Многочисленные исследования показывают, что вместе с природой, диетой и физическими упражнениями можно замедлить, а иногда и обратить вспять наш биологический упадок. В этом нет ничего фаталистического! Физические упражнения, природа, необработанная пища... Все они приносят двойную пользу – улучшают иммунитет и подавляют воспаление (inflammation)¹⁶⁴. Это перекликается с тем, что мы только что говорили о привычках потребления. Будет удивительно, если все эти вновь найденные доказательства не приведут к большей осведомленности об ответственном потреблении. По крайней мере, направление тенденции – меньше хищничества, больше устойчивости – кажется очевидным.

Individual Reset

Сброс для отдельных людей: пандемия привлекла наше внимание к важности природы. В дальнейшем внимание к нашим природным богатствам будет постепенно приобретать первостепенное значение.

Заключение

В июне 2020 года, спустя всего шесть месяцев после начала пандемии, мир изменился. За этот короткий промежуток времени COVID-19 вызвал значительные изменения и усилил линии разлома, которые уже раздирают нашу экономику и общество. Растущее неравенство, широко распространенное чувство несправедливости, углубление геополитических разногласий, политическая поляризация, растущий государственный дефицит и высокий уровень задолженности, неэффективное или несуществующее глобальное управление, чрезмерная финансиализация, деградация окружающей среды: это лишь некоторые из основных проблем, существовавших до пандемии. Коронарный кризис усугубил их все. Может ли фиаско с COVID-19 быть молнией перед громом? Может ли он иметь силу, способную зажечь серию глубоких изменений? Мы не можем знать, каким будет мир через 10 месяцев, и тем более, каким он будет через 10 лет, но мы знаем, что если мы не сделаем что-то, чтобы перестроить сегодняшний мир, то завтрашний будет глубоко разрушен. В романе Габриэля Гарсиа Маркеса «Хроника предсказанной смерти» вся деревня предвидит надвигающуюся катастрофу, но никто из жителей не может или не хочет действовать, чтобы предотвратить ее, пока не становится слишком поздно. Мы не хотим быть этой деревней. Чтобы избежать подобной участи, нам необходимо без промедления привести в действие Великий Сброс. Это не «приятная необходимость», а абсолютная необходимость. Неспособность решить и исправить глубоко укоренившиеся проблемы наших обществ и экономик может увеличить риск того, что, как и на протяжении всей истории, в конечном итоге Сброс будет навязан нам насильственными потрясениями, такими, как конфликты и даже революции. Мы обязаны взять быка за рога.

Пандемия дает нам такой шанс: она «представляет собой редкое, но узкое окно возможностей для осмысления, переосмысления и сброса нашего мира»¹⁶⁵.

Глубокий кризис, спровоцированный пандемией, предоставил нам множество возможностей задуматься о том, как работают наши экономики и общества, и о том, как они не работают. Вердикт кажется ясным: мы должны измениться; мы обязаны измениться. Но сможем ли мы? Будем ли мы учиться на ошибках, которые совершили в прошлом? Откроет ли пандемия дверь в лучшее будущее? Наведем ли мы порядок в нашем глобальном доме? Проще говоря, приведем ли мы в движение Великий Сброс? Сброс – это амбициозная задача, возможно, слишком амбициозная, но у нас нет другого выбора, кроме как приложить все усилия для ее достижения. Речь идет о том, чтобы сделать мир менее разобщенным, менее загрязняющим, менее разрушительным, более инклюзивным, более равноправным и более справедливым, чем мы оставили его в допандемическую эпоху. Ничего не делать, или делать слишком мало, значит идти во сне к еще большему социальному неравенству, экономическому дисбалансу, несправедливости и деградации окружающей среды. Бездействие равносильно тому, чтобы позволить нашему миру стать более злым, более разделенным, более опасным, более эгоистичным и просто невыносимым для широких слоев населения планеты. Бездействовать – это неприемлемый вариант.

Тем не менее, Великий Сброс – это далеко не решенный вопрос. Некоторые могут сопротивляться необходимости участвовать в нем, опасаясь масштабов задачи и надеясь, что чувство срочности утихнет и ситуация вскоре вернется в «нормальное русло». Аргумент в пользу пассивности выглядит следующим образом: мы уже проходили через подобные потрясения – пандемии, тяжелые рецессии, геополитические разногласия и социальную напряженность – и мы пройдем через них снова. Как всегда, общества восстановятся, и наши

экономики тоже. Жизнь продолжается! Доводы в пользу отказа от сброса также основаны на убеждении, что состояние мира не так уж плохо и что нам просто нужно исправить несколько вещей по краям, чтобы сделать его лучше. Это правда, что состояние мира сегодня в среднем значительно лучше, чем в прошлом. Мы должны признать, что у нас, как у людей, никогда не было всё так хорошо. Почти все ключевые показатели, измеряющие наше коллективное благосостояние (такие как количество людей, живущих в бедности или гибнущих в конфликтах, ВВП на душу населения, средняя продолжительность жизни или уровень грамотности, и даже количество смертей от пандемий), постоянно улучшались на протяжении веков, а в последние несколько десятилетий – впечатляюще. Но они улучшались «в среднем» – статистическая реальность, которая не имеет смысла для тех, кто чувствует себя (и так часто бывает) исключенным. Поэтому убежденность в том, что сегодняшний мир лучше, чем когда-либо, хотя и верна, но не может служить оправданием для успокоения статус-кво и отказа от исправления многих бед, которые продолжают его поражать.

Трагическая смерть Джорджа Флойда (афроамериканца, убитого полицейским в мае 2020 года) ярко иллюстрирует этот момент. Это была первая костяшка домино или последняя капля, ознаменовавшая переломный момент, когда накопившееся и глубокое чувство несправедливости, испытываемое афроамериканским сообществом США, наконец, вылилось в массовые протесты. Разве указание им на то, что в «среднем» их положение сегодня лучше, чем в прошлом, успокоило бы их гнев? Конечно же, нет! Для афроамериканцев важно их сегодняшнее положение, а не то, насколько «улучшилось» их положение по сравнению с тем, что было 150 лет назад, когда многие их предки жили в рабстве (оно было отменено в США в 1865 году), или даже 50 лет назад, когда брак с белым американцем был незаконным (межрасовый брак стал легальным во всех штатах только в 1967 году). Для Великого Сброса здесь уместны два момента:

1) наши человеческие действия и реакции не основаны на статистических данных, а определяются эмоциями и чувствами – наше поведение определяется нарративами;

2) по мере улучшения состояния человека повышается уровень жизни и растут наши ожидания лучшей и более справедливой жизни.

В этом смысле широкомасштабные социальные протесты, произошедшие в июне 2020 года, отражают настоятельную необходимость приступить к Великому Сбросу. Связав эпидемиологический риск (COVID-19) с социальным риском (протесты), они дали понять, что в современном мире именно системная взаимосвязь между рисками, проблемами, вызовами, а также возможностями имеет значение и определяет будущее. В первые месяцы пандемии внимание общественности, по понятным причинам, было сосредоточено на эпидемиологических и медицинских последствиях COVID-19. Однако в дальнейшем наиболее значимые проблемы связаны с совокупностью экономических, геополитических, социальных, экологических и технологических рисков, которые возникнут в результате пандемии, и их постоянным воздействием на компании и на отдельных людей.

Невозможно отрицать, что вирус COVID-19 чаще всего становился личной катастрофой для миллионов инфицированных им людей, а также для их семей и общин. Однако на глобальном уровне, если рассматривать его с точки зрения процента затронутого населения планеты, коронарный кризис (пока) является одной из наименее смертоносных пандемий, с которыми сталкивался мир за последние 2000 лет. По всей вероятности, если пандемия не будет развиваться непредвиденным образом, последствия COVID-19 с точки зрения здоровья и смертности будут мягкими по сравнению с предыдущими пандемиями. В конце июня 2020 года (в то время, когда

вспышка все еще бушевала в Латинской Америке, Южной Азии и на большей части территории США), COVID-19 унесла жизни менее 0,006% населения Земли. Если рассматривать этот низкий показатель в контексте летальности, то испанский грипп убил 2,7% населения Земли, а ВИЧ/СПИД - 0,6% (с 1981 года по сегодняшний день). Чума Юстиниана с момента своего начала в 541 году до окончательного исчезновения в 750 году убила, по разным оценкам, почти треть населения Византии, а Черная смерть (1347-1351), как считается, убила от 30% до 40% населения мира в то время. Коронная пандемия – другое дело. Она не представляет собой экзистенциальной угрозы или шока, который оставит свой отпечаток на населении планеты на десятилетия. Однако она вызывает тревогу по всем уже упомянутым причинам; в современном взаимозависимом мире риски смешиваются друг с другом, усиливая их взаимное влияние и увеличивая их последствия. Многое из того, что нас ждет, неизвестно, но мы можем быть уверены в следующем: в мире после пандемии на первый план выйдут вопросы справедливости, начиная от стагнации реальных доходов подавляющего большинства населения и заканчивая пересмотром наших социальных договоров. Аналогичным образом, глубокая озабоченность состоянием окружающей среды или вопросы о том, как технологии могут быть использованы и управляться на благо общества, заставят включить их в политическую повестку дня. Все эти проблемы существовали и до пандемии, но COVID-19 обнажил их для всеобщего обозрения и усилил их. Направление тенденций не изменилось, но после COVID-19 оно стало намного быстрее.

Абсолютным условием для надлежащей перезагрузки является расширение сотрудничества и взаимодействия внутри стран и между ними. Сотрудничество – «высшая человеческая когнитивная способность», которая вывела наш вид на уникальную и необычную траекторию – можно охарактеризовать как «совместное намерение» действовать вместе для достижения общей цели¹⁶⁶. Без него мы просто не сможем продвинуться

вперед. Будет ли постпандемическая эра характеризоваться большим или меньшим сотрудничеством? Существует вполне реальный риск того, что завтра мир будет еще более разделен, националистичен и склонен к конфликтам, чем сегодня? Многие тенденции, рассмотренные в разделе "Макро", позволяют предположить, что в будущем наш мир будет менее открытым и менее склонным к сотрудничеству, чем до пандемии. Однако возможен и альтернативный сценарий, при котором коллективные действия внутри сообществ и более тесное сотрудничество между странами позволят выйти из коронного кризиса более быстро и мирно. По мере восстановления экономики появляется возможность внедрить в процесс восстановления большее равенство и устойчивость общества, ускоряя, а не задерживая прогресс в достижении Целей устойчивого развития 2030 года и открывая новую эру процветания¹⁶⁷. Что может сделать это возможным и повысить шансы на такой исход?

Видение неудач и линий разлома в жестоком свете дня, пролитом коронным кризисом, может заставить нас действовать быстрее, заменяя провалившиеся идеи, институты, процессы и правила новыми, более соответствующими текущим и будущим потребностям. В этом суть Великого Сброса. Может ли глобальный опыт пандемии помочь смягчить некоторые проблемы, с которыми мы столкнулись в начале кризиса? Может ли лучшее общество выйти из локдауна? Амартия Сен, лауреат Нобелевской премии по экономике, считает именно так, полагая, что: «Необходимость действовать сообща, безусловно, может породить понимание конструктивной роли общественных действий»¹⁶⁸, приводя в качестве доказательства такие примеры, как Вторая мировая война, заставившая людей осознать важность международного сотрудничества и убедившая такие страны, как Великобритания, в пользу более эффективного совместного питания и здравоохранения (и, в конечном итоге, создания государства всеобщего благосостояния). Джаред Даймонд, автор книги «Переворот: как народы

справляются с кризисами и переменами», придерживается аналогичного мнения, надеясь, что коронный кризис заставит нас обратиться к четырем экзистенциальным рискам, с которыми мы коллективно сталкиваемся:

- 1) ядерная угроза;
- 2) изменение климата;
- 3) неустойчивое использование основных ресурсов, таких как леса, морепродукты, верхний слой почвы и пресная вода;
- 4) последствия огромной разницы в уровне жизни между народами мира: «Как ни странно, успешное разрешение пандемического кризиса может побудить нас к решению тех более серьезных проблем, которые мы до сих пор не решались решать. Если пандемия, наконец, подготовит нас к борьбе с этими экзистенциальными угрозами, в черной туче вируса может быть и положительная сторона. Среди последствий вируса это может оказаться самым большим, самым долговременным – и нашим большим поводом для надежды»¹⁶⁹.

Эти выражения индивидуальной надежды подкрепляются множеством опросов, согласно которым мы все коллективно желаем перемен. Они варьируются от опроса в Великобритании, показавшего, что большинство людей хотят кардинальных изменений в экономике по мере ее восстановления, в отличие от одной четвертой части, желающей, чтобы она вернулась к прежнему состоянию¹⁷⁰, до международных опросов, показавших, что значительное большинство граждан во всем мире хотят, чтобы в процессе восстановления экономики после коронного кризиса приоритетом была борьба с изменением климата¹⁷¹ и поддержка "зеленого" восстановления¹⁷². Во всем мире множатся движения, требующие «лучшего

будущего» и призывающие к переходу к экономической системе, в которой приоритетом является наше коллективное благосостояние, а не просто рост ВВП.

Сейчас мы находимся на перепутье. Один путь приведет нас к лучшему миру: более инклюзивному, более справедливому и более уважительному по отношению к матери-природе. Другой путь приведет нас к миру, похожему на тот, который мы только что оставили позади, только хуже и постоянно преследуемый неприятными сюрпризами. Поэтому мы должны сделать все правильно. Надвигающиеся проблемы могут оказаться более серьезными, чем мы до сих пор могли себе представить, но наша способность к Сбросу также может оказаться выше, чем мы смели надеяться.

Благодарности

Авторы хотели бы поблагодарить Мэри Энн Маллере за ее неоценимый вклад в подготовку рукописи и значительное улучшение общего стиля, благодаря ее "перу", а также Хильду Шваб, выступившую в роли критического читателя. Они также хотели бы поблагодарить Камиллу Мартин из Monthly Barometer за помощь в проведении исследований и Фабьенн Стассен, которая старательно и с вниманием к деталям отредактировала книгу, несмотря на очевидную нехватку времени.

Спасибо также многим коллегам из Всемирного экономического форума, которые консультировали, читали, рецензировали, форматировали, оформляли, публиковали и продвигали эту книгу. Среди них коллеги из офисов в Сан-Франциско, Нью-Йорке, Женеве, Пекине и Токио, а также специалисты в области экономики, общества, технологий, здравоохранения и государственной политики. Особая благодарность выражается Келли Ом-Мундсен и Питеру Ванхэму из офиса председателя.

Наконец, отзывы, полученные от участников Форума со всего мира и от людей с очень разным опытом, помогли сделать эту книгу такой, какой она, надеюсь, является: своевременной, хорошо сбалансированной и информативной книгой о самом важном вызове общественного здравоохранения за столетие, с которым продолжает сталкиваться мир, и о путях его решения и смягчения его последствий в будущем.

Клаус Шваб и Тьерри Маллере

Женева, июль 2020 г.

Примечания

1. Сноуден Фрэнк, Эпидемии и общество: От Черной смерти до наших дней, Издательство Йельского университета, 2019.
2. Такман Барбара, Далекое зеркало - катастрофический 14 век, Random House Trade Paperbacks; переиздание, 1987.
3. Солана Хавьер, "Наш последний час", Проект "Синдикат", 28 марта 2020 года, <https://www.project-syndicate.org/commentary/global-socioeconomic-landscape-after-covid19-pandemic-by-javier-solana-2020-03>
4. Камю Альбер, "Чума", перевод Стюарта Гилберта, Alfred A. Knopf, Inc., 1948, p. 80.
5. Махбубани Кишор, Великая конвергенция: Азия, Запад и логика единого мира, PublicAffairs, Perseus Books Group, 2013.
6. Всемирный экономический форум, Доклад о глобальных рисках 2020, Познавательный доклад, 15-е издание, http://www3.weforum.org/docs/WEF_Global_Risk_Report_2020.pdf
7. Уортонский университет Пенсильвании, Центр управления рисками и процессов принятия решений, "Парадокс страуса: почему мы недостаточно

готовимся к катастрофам", тематическая справка, май 2018, <https://riskcenter.wharton.upenn.edu/wp-content/uploads/2019/03/Ostrich-Paradox-issue-brief.pdf>

8. Вагенаар Уильям А. и Сабато Д. Сагария, "Ошибочное восприятие экспоненциального роста", Восприятие и психофизика, том 18, 1975, стр. 416-422, <https://link.springer.com/article/10.3758/BF03204114>

9. CDC, "Сезон гриппа в США 2019-2020 гг: Предварительные оценки бремени", <https://www.cdc.gov/flu/about/burden/pre-liminary-in-season-estimates.htm>

10. Университет и медицина Джона Хопкинса, Ресурсный центр по коронавирусам, "Приборная панель COVID-19 Центра системной науки и инженерии (CSSE) Университета Джона Хопкинса (JHU)", 24 июня 2020 г.

11. Саймон Герберт, "Архитектура сложности", Труды Американского философского общества, т. 106, № 6, 1962, с. 467-482.

12. Маллерет Тьерри, "Дисквилибриум: A World Out of Kilter, BookBaby, 2012.

13. В отличие от событий типа "белый лебедь", которые являются определенными, события типа "черный лебедь" очень редки, труднопредсказуемы (непробабилистичны) и имеют огромные последствия. Их называют "черными лебедями" в связи с тем, что считалось, что таких лебедей не существует, пока голландские исследователи не обнаружили их в Западной Австралии в конце XVII века.

14. Уэбб Ричард, "Квантовая физика", New Scientist, <https://www.newscientist.com/term/quantum-physics/#>
15. Проект Гутенберг, "Дневник чумного года Даниэля Дефо", <http://www.gutenberg.org/ebooks/376>
16. Джордисон Сэм, "Чумной год Дефо был написан в 1722 году, но ясно говорит о нашем времени", The Guardian, 5 мая 2020 года, <https://www.theguardian.com/books/books-blog/2020/may/05/defoe-a-journal-of-the-plague-year-1722-our-time>
17. Шама Саймон, "Время чумы: Саймон Шама о том, что говорит нам история", Financial Times, 10 апреля 2020 года, <https://www.ft.com/content/279dee4a-740b-11ea-95fe-fc-d274e920ca>
18. Джорда Оскар, Санджай Р. Сингх и Алан М. Тейлор, "Долгосрочные экономические последствия пандемий", Федеральный резервный банк Сан-Франциско, рабочий документ 2020-09, 2020, <https://www.frbsf.org/economic-research/files/wp2020-09.pdf>
19. Bloomberg, "Коронавирус, вероятно, станет сезонной инфекцией, как грипп, предупреждают ведущие китайские ученые", Time, 28 апреля 2020 года, <https://time.com/5828325/corona-virus-covid19-seasonal-asymptomatic-carriers>
20. Кристоф Николас, "Давайте помнить, что коронавирус все еще остается загадкой", The New York Times, 20 мая 2020 года, <https://www.nytimes.com/2020/05/20/opinion/uscoronavirus-reopening.html>

21. Драуланс Дирк, ""Наконец-то меня настиг вирус". Ученый, который боролся с Эболой и ВИЧ, размышляет о столкновении со смертью от COVID-19", Science, 8 мая 2020 года, <https://www.sciencemag.org/news/2020/05/finally-virus-got-me-scientist-who-fought-ebola-and-hiv-reflects-facing-death-covid-19>
22. Мур Кристин и др., COVID-19: Точка зрения CIDRAP, Центр исследований и политики в области инфекционных заболеваний (CIDRAP), 2020, https://www.cidrap.umn.edu/sites/default/files/public/downloads/cidrap-covid-19-viewpoint-part1_O.pdf
23. Черукупалли Раджив и Том Фриден, "Только спасение жизней спасет средства к существованию", Foreign Affairs, 13 мая 2020 года, <https://www.foreignaffairs.com/articles/unit-ed-states/2020-05-13/only-saving-lives-will-save-livelihoods>
24. Барсук Эмили и Алисия Парлапиано, "Одни только правительственные распоряжения не закрыли экономику. Возможно, они не смогут открыть ее снова", The New York Times, обновление от 9 мая 2020 года, <https://www.nytimes.com/2020/05/07/upshot/pandemic-economy-government-orders.html>
25. Уайтон Кейт, "Локдаун и закрытие школ в Европе могло предотвратить 3,1 млн смертей", Imperial College London, 8 июня 2020 года, <https://www.imperial.ac.uk/news/198074/lockdown-school-closures-europe-have-prevented>
26. Хсианг Соломон и др., "Влияние широкомасштабной политики по борьбе с заражением на пандемию COVID-19", Nature, 8 июня 2020 г., <https://www.nature.com/articles/s41586-020-2404-8>

27. Гудман Питер С., "Почему глобальная рецессия может длиться долго", The New York Times, 1 апреля 2020 г., <https://www.nytimes.com/2020/04/01/business/economy/coronavirus-recession.html>
28. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), "Оценка первоначального воздействия мер по сдерживанию распространения вируса КОВИД-19 на экономическую активность", 10 июня 2020 года, https://read.oecd-ilibrary.org/view/?ref=126_126496-evgsi2gmqj&title=Оценка_первоначального_воздействия_оф_КОВИД-19_сдерживания_мероприятий_на_экономическую_активность
29. CPB Нидерландское бюро анализа экономической политики, "Сценарии экономических последствий коронного кризиса", CPB Scenarios, март 2020, <https://www.cpb.nl/sites/default/files/omnidownload/CPB-Scenarios-March-2020-Scenarios-economic-consequences-corona-crisis.pdf>
30. Международный валютный фонд, "Обновление перспектив развития мировой экономики", июнь 2020 года, <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2020/06/24/WEOUNupdate-June2020>
31. Полити Джеймс, "Что нужно знать о новых безработных в Америке", Financial Times, 21 мая 2020 года, <https://www.ft.com/content/5924441b-1cb6-4fbd-891b-0afb07e163d7>
32. Фрей Карл Бенедикт, "Ковид-19 только усилит тревогу аутономии", Файнэншл Таймс, 21 апреля 2020 года, <https://www.ft.com/content/817228a2-82e1-11ea-b6e9-a94cfd9d9bf>

33. Хаймович Нир и Генри Э. Сиу, "Поляризация рабочих мест и восстановление безработицы", Национальное бюро экономических исследований (NBER), рабочий документ 18334, пересмотр за ноябрь 2018 г, <https://www.nber.org/papers/w18334.pdf>
34. Койл Дайан и Бенджамин Митра-Хан, "Обеспечение будущего", mimeo, 2017.
35. Боффи Дэниел, "Амстердам примет "пончиковую" модель для восстановления экономики после коронавируса", The Guardian, 8 апреля 2020 года, <https://www.theguardian.com/world/2020/apr/08/amsterdam-doughnut-model-mend-post-corona-virus-economy>
36. Банерджи Абхиджит В. и Эстер Дуфло, "Хорошая экономика для трудных времен", PublicAffairs, 2019.
37. Там же. Комиссия по росту и развитию, Доклад о росте: Стратегии для устойчивого роста и инклюзивного развития, Всемирный банк, 2008; Hallward-Driemeier, Mary and Gaurav Nayyar, Trouble in the Making? Будущее развития с опорой на производство, Группа Всемирного банка, 2018.
38. Фонд Эллен Макартур, "Что такое циркулярная экономика?", 2017, <https://www.ellenmacarthurfoundation.org/circular-economy/concept>
39. Как доказано Платформой по ускорению циркулярной экономики (PACE), см. <https://pacecircular.org>
40. Международная конфедерация профсоюзов (ITCU), "Инвестиции в экономику ухода: Путь к росту", 8 марта 2016 года, <https://www.ituc-csi.org/investing-in-the-care-economya>

41. Кэссиди Джон, "Можем ли мы иметь процветание без роста?", The New Yorker, 3 февраля 2020 года, <https://www.newyorker.com/magazine/2020/02/10/can-we-have-prosperity-without-growth>
42. Degrowth, "Degrowth: Новые корни для экономики", 2020, <https://www.degrowth.info/en/open-letter>
43. McAfee Andrew, More from Less, Simon & Schuster, Inc, 2019.
44. Бланшар Оливье, "Разработка фискального ответа на пандемию COVID-19", Институт международной экономики Петерсона (PIIE), Брифинг 20-1, 8 апреля 2020 года.
45. Рейнхарт Кармен М. и Кеннет Рогофф, "Долговая угроза коронавируса", The Wall Street Journal, 26 марта 2020 года, <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-debt-threat-11585262515>
46. Рейнхарт Кармен М., "Это время действительно другое", Project Syndicate, 23 марта 2020 года, <https://www.project-syndicate.org/commentary/covid19-crisis-has-no-economic-precedent-by-carmen-rein-hart-2020-03>
47. Саез Эммануэль и Габриэль Зукман, "Сохраняя бизнес живым: The Government Will Pay", пересмотр от 16 марта 2020 года, <http://gabriel-zucman.eu/files/coronavirus2.pdf>
48. Эффективные глубоко отрицательные процентные ставки должны быть подкреплены мерами по предотвращению накопления наличности финансовыми компаниями, см. Рогофф Кеннет, "Доводы в пользу глубоко

отрицательных процентных ставок", Project Syndicate, 4 мая 2020 года, <https://www.project-syndicate.org/commentary/advanced-economies-need-deeply-negative-interest-rates-by-kenneth-rogoff-2020-05>

49. Бланшар Оливье, "Есть ли дефляция или инфляция в нашем будущем?", VOX, 24 апреля 2020 года, <https://voxeu.org/article/there-deflation-or-inflation-our-future>

50. Шарма Ручир, "Элизабет Уоррен и Дональд Трамп ошибаются в одном и том же", The New York Times, 24 июня 2019 г., <https://www.nytimes.com/2019/06/24/opinion/elizabeth-warren-donald-trump-dollar-devalue.html>.

51. Кумар Адити и Эрик Розенбах, "Может ли китайская цифровая валюта победить доллар?", Foreign Affairs, 20 мая 2020 года, <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2020-05-20/could-chinas-digital-currency-unseat-dollar>

52. Полсон-младший Генри М., "Будущее доллара", Foreign Affairs, 19 мая 2020 года, <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-05-19/future-dollar>

53. Эйхенгрин Барри, Арно Мель и Ливия Читту, "Марс или Меркурий? Геополитика выбора международной валюты", VOX, 2 января 2018 года, <https://voxeu.org/article/geopolitics-international-currency-choice>

54. Киссинджер Генри А., "Пандемия коронавируса навсегда изменит мировой порядок", The Wall Street Journal, 3 апреля 2020 года, <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005>

55. Это выражение неоднократно использовалось, а также развенчивалось. В качестве конкретного примера см. Джонс Оуэн, "Коронавирус не является великим уравниателем: он усугубляет неравенство прямо сейчас", The Guardian, 9 апреля 2020 года, <https://www.commentisfree/2020/apr/09/coronavirus-inequality-managers-zoom-cleaners-offices>
56. Эль-Эриан Мохамед А. и Майкл Спенс, "The Great Unequalizer", Foreign Affairs, 1 июня 2020 года, <https://www.foreignaffairs.com/articles/usa/2020-06-01/great-unequalizer>
57. Дингель Джонадиан И. и Brent Нейман, "Сколько рабочих мест можно сделать дома?", Институт Беккера Фридмана, Белая книга, июнь 2020 года, https://bfi.uchicago.edu/wp-content/uploads/BFI_White-Paper_Dingel_Neiman_3.2020.pdf.
58. Дитон Ангус, "Возможно, мы не все равны в глазах коронавируса", Financial Times, 5 апреля 2020 года, <https://www.ft.com/content/0c8bbe82-6dff-11ea-89df-41bea055720b>
59. Миланович Бранко, "Реальная опасность пандемии - это социальный коллапс", Foreign Affairs, 19 марта 2020 года, <https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-03-19/real-pandemic-danger-social-collapse>
60. По данным Глобального трекера протестов Фонда Карнеги за международный мир, <https://carnegieendowment.org/publications/interactive/protest-tracker>

61. Милн Ричард "Коронавирусное "лекарство" может вызвать социальный коллапс", Financial Times, 26 марта 2020 года, <https://www.ft.com/content/3b8ec9fe-6eb8-11ea-89df-41bea055720b>
62. Лонг Хизер и Эндрю Ван Дам, "Экономический разрыв между черными и белыми так же широк, как и в 1968 году", The Washington Post, 4 июня 2020 года, <https://www.washingtonpost.com/business/2020/06/04/economic-divide-black-house-holds>
63. МакАдам Даг, "Вербовка в активисты высокого риска: Случай лета свободы", American Journal of Sociology, vol. 92, no. 1, July 1986, pp. 64-90, <https://www.jstor.org/stable/2779717?seq=1>
64. Миклтвейт Джон и Адриан Вулдридж, "Вирус должен разбудить Запад", Блумберг, 13 апреля 2020 года, <https://www.bloomberg.com/opinion/articles/2020-04-13/coronavirus-pandemic-is-wake-up-call-to-reinvent-the-state>
65. Кноллер Герман, "Полномочия по налогообложению", Marquette Law Review, vol. 22, no. 3, апрель 1938 года.
66. Мерфи Ричард, "Налог и коронавирус: перспектива налоговой справедливости", Tax Research UK, 24 марта 2020 года, <https://www.taxresearch.org.uk/Blog/2020/03/24/tax-and-coronavirus-a-tax-justice-perspective>
67. Маццукато Мариана, "Кризис Covid-19 - это шанс сделать капитализм по-другому", The Guardian, 18 марта 2020 г., <https://www.theguardian.com/commentis-free/2020/mar/18/the-covid-19-crisis-is-a-chance-to-do-capitalism-differently>

68. Стиглиц Джозеф Э., "Долгосрочное средство от экономического кризиса пандемии Ковид-19", The New York Review of Books, 8 апреля 2020 г., <https://www.nybooks.com/daily/2020/04/08/a-lasting-remedy-for-the-covid-19-pandemics-economic-crisis>
69. Об этом, в частности, свидетельствует ежегодный барометр доверия Эдельмана, <https://www.edelman.com/trustbarometer>
70. Два ярких примера можно найти в докладе Международной группы по социальному прогрессу "Переосмысление общества для 21 века", 2018, <https://www.cambridge.org/gb/academic/subjects/politics-international-relations/political-economy/rethinking-society-21st-century-report-international-panel-social-progress> и докладе Всемирного банка "К новому общественному договору", 2019, <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/30393/9781464813535-pdf>
71. Киссинджер, Генри А., "Пандемия коронавируса навсегда изменит мировой порядок", The Wall Street Journal, 3 апреля 2020 г. <https://www.wsj.com/articles/the-coronavirus-pandemic-will-forever-alter-the-world-order-11585953005>
72. Ху, Кэтрин, "Я просто не думаю, что у нас больше нет роскоши мечтать", The New York Times, 24 марта 2020 года, <https://www.nytimes.com/2020/03/24/opinion/coronavirus-recession-gen-z.html>
73. Макналти, Дженнифер, "Молодежный активизм растет по всему миру, и взрослые должны обратить на это внимание, считает автор", Калифорнийский университет в Санта-Крузе, 17 сентября 2019 года, <https://news.ucsc.edu/2019/09/taft-youth.html>

74. В качестве примера, в сентябре 2019 года более 4 миллионов молодых людей одновременно вышли на демонстрации в 150 странах мира, требуя принятия срочных мер по борьбе с изменением климата; см. Sengupta Somini, "Протестуя против изменения климата, молодежь выходит на улицы в рамках глобальной забастовки", The New York Times, 20 сентября 2019 года, <https://www.nytimes.com/2019/09/20/climate/global-climate-strike.html>
75. Обсуждение современных форм национализма см. в Wimmer, Andreas, "Why Nationalism Works", Foreign Affairs, March/April 2019, <https://www.foreignaffairs.com/articles/world/2019-02-12/why-nationalism-works>
76. Радд, Кевин, "Грядущая пост-ковидовская анархия", Foreign Affairs, 6 мая 2020 г., <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-05-06/coming-post-covid-anarchy>
77. Родрик, Дани, Парадокс глобализации, Oxford University Press, 2012.
78. Пастор, Любош и Пьетро Веронези, "Рациональная реакция против глобализации", VOX, 28 сентября 2018 г., <https://voxeu.org/article/rational-backlash-against-globalisation>
79. Хуанг, Янжун, "Зависимость США от фармацевтической продукции из Китая", Совет по международным отношениям, запись в блоге, 14 августа 2019 года, <https://www.cfr.org/blog/us-dependence-pharmaceutical-products-china>
80. Ханна Параг, "Постпандемия: добро пожаловать в многоскоростной мир региональных различий", Global Geneva, 26 апреля 2020 года, <https://www.global-geneva.com/post-pandemic-welcome-to-the-multi-speed-world-of-regional-disparities>

81. Глобальный деловой альянс, "Обзор входящих инвестиций", май 2020 года, https://globalbusiness.org/dmfile/Global-BusinessAlliance_InboundInvestmentSurveyFindings_May2020.pdf
82. Полсон Генри, "Спасти глобализацию, чтобы обеспечить будущее", Financial Times, 17 апреля 2020 года, <https://www.ft.com/content/daf38dc-7fbc-11ea-b0fb-13524ae1056b>
83. Организация Объединенных Наций, Департамент по экономическим и социальным вопросам (ДЭСВ), Комитет по политике в области развития, "Глобальное управление и глобальные правила развития в эпоху после 2015 года", аналитическая записка, 2014 год, <https://www.un.org/en/development/desa/policy/cdp/cdp.publications/2014cdppol-icynote.pdf>
84. Субраманиан, Арвинд, "Угроза ослабленных великих держав", Project Syndicate, 6 мая 2020 года, <https://www.Project-syndicate.org/commentary/covid19-will-weaken-united-states-china-and-europe-by-arvind-subramani-an-2020-05>
85. Фукуяма Фрэнсис, Политический порядок и политический упадок: От промышленной революции до глобализации демократии, Farrar Straus and Giroux, 2014.
86. Шившанкар Менон, бывший советник по национальной безопасности Индии, цитируется в Crabtree, James, "Как коронавирус обнажил крах глобального лидерства", Nikkei Asian Review, 15 April 2020, <https://asia.nikkei.com/Spot-light/Cover-Story/How-coronavirus-exposed-the-collapse-of-global-leadership>

87. Кабестан Жан-Пьер, "Битва Китая с коронавирусом: Возможные геополитические выгоды и реальные вызовы", Центр исследований "Альджазира", 19 апреля 2020 года, <https://studies.aljazeera.net/en/reports/china%E2%80%99s-battle-coronavirus-possible-geopolitical-gains-and-real-challenges>
88. Андерлини Джамиль, "Почему Китай проигрывает в повествовании о коронавирусе", Financial Times, 19 апреля 2020 года, <https://www.ft.com/content/8d7842fa-8082-11ea-82ft>-150830b3b99a>
89. Киндж Джеймс, Катрина Мэнсон и Джеймс Полити, "США и Китай: на пути к новому типу холодной войны?", Financial Times, 8 мая 2020 года, <https://www.ft.com/content/fe59abf8-cbb8-4931-b224-56030586fb9a>
90. Ли Сянь Лун, "Век Азии под угрозой", Foreign Affairs, июль/август 2020 г., <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/2020-06-04/lee-hsien-loong-endangered-asian-century>
91. Федрицци Алессандро и Массимилиано Проитти, "Квантовая физика: наше исследование предполагает, что объективной реальности не существует", - The Conversation, 14 November 2019, <https://theconversation.com/quantum-physics-our-study-suggests-objective-reality-doesnt-exist-126805>
92. Цзямин Ли, "Каждый шаг по стигматизации Китая вызывает нашу историческую память", Global Times, 19 апреля 2020 года, <https://www.globaltimes.cn/content/1186037.shtml>

93. Институт Билля о правах, "Основополагающие принципы и добродетели", <https://billofrightsinstitute.org/founding-documents/founding-principles>
94. Най-младший Джозеф С., "Нет, коронавирус не изменит глобальный порядок", Foreign Policy, 16 апреля 2020 г., <https://foreignpolicy.com/2020/04/16/coronavirus-pandemic-china-united-states-power-competition>
95. Последняя книга Махбубани "Победил ли Китай? The Chinese Challenge to American Primacy, PublicAffairs, вышла в марте 2020 года, в разгар кризиса здравоохранения.
96. Махбубани Кишор, "Как Китай может завоевать мир после коронавируса и оставить США позади", MarketWatch, 18 апреля 14, 2020, <https://www.marketwatch.com/story/how-china-could-win-over-the-post-coronavirus-world-and-leave-the-us-behind-2020-04-14>
97. Шарма Ручир, "The Comeback Nation", Foreign Affairs, май/июнь 2020, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-03-31/comeback-nation>
98. Это подзаголовок уже цитировавшейся статьи Кевина Радда: "Грядущая анархия после КОВИДа: The Pandemic Bodes Ill for Both American and Chinese Power - and for the Global Order", <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-05-06/coming-post-covid-anarchy>

Все цитаты в параграфе взяты из этой статьи.

99. Миямото Такенори, "Интервью: США - это беспорядок, но Китай - это не решение проблемы: Ниалл Фергюсон", Nikkei Asian Review, 21 мая 2020 года, <https://asia.nikkei.com/Editors-Picks/Interview/US-is-a-mess-but-China-isnt-the-solution-Niall-Ferguson>
100. Сигне Ландри, "Необходим новый подход, чтобы победить COVID-19 и исправить хрупкие государства", Брукингс, 21 апреля 2020 года, <https://www.brookings.edu/blog/future-development/2020/04/21/a-new-approach-is-need-to-defeat-covid-19-and-fix-fragile-states>
101. По данным Monthly Barometer, июнь 2020 года.
102. Миллер Адам, "Призыв без ответа: Обзор ответов на призыв ООН о глобальном прекращении огня", Armed Conflict Location & Event Data Project (ACLED), 13 мая 2020 года, <https://acleddata.com/2020/05/13/call-unanswered-un-appeal>
103. Куаммен Дэвид, "Мы создали эпидемию коронавируса", The New York Times, 28 января 2020 года, <https://www.nytimes.com/2020/01/28/opinion/coronavirus-china.html>
104. "Коронавирус и дикая природа Письмо: Пакет стимулов", 24 марта 2020 года, <https://www.documentcloud.org/documents/6819003-CoronavirusWildlifeLetterStimulus-Package.html>
105. Всемирный экономический форум, "COVID-19 - Food/Nature/ Climate", внутренний документ, май 2020 года.
106. Цуй Янь и др., "Загрязнение воздуха и смертность от атипичной пневмонии в Китайской Народной Республике: экологическое исследование",

Здоровье окружающей среды, том 2, № 15, 2003 г,
<https://ehjournal.biomedcentral.com/articles/10.1186/1476-069X-2-15>

107. Фридман Лиза, "Новое исследование связывает загрязнение воздуха с более высокими показателями смертности от коронавируса", The New York Times, 7 апреля 2020 года, <https://www.nytimes.com/2020/04/07/climate/air-pollution-coronavirus-covid.html> Научная статья, опубликованная исследователями из Гарвардского университета, - Wu Xiao., " Воздействие загрязнения воздуха и смертность от COVID-19 в США: Общенациональное кросс-секционное исследование", Гарвардская Т.Н. Chan School of Public Health, обновление 24 апреля 2020 года, <https://projects.iq.harvard.edu/covid-pm>

108. Международное энергетическое агентство (МЭА), "Глобальный энергетический обзор 2020", апрель 2020 года,
<https://www.iea.org/reports/glob-aI-energy-review-2020>

109. Программа ООН по окружающей среде (ЮНЕП), Доклад о разрыве в выбросах 2019, 2019, <https://www.unenvi-ronment.org/interactive/emissions-gap-report/2019>

110. S&P Global и RobecoSAM, The Sustainability Year-book 2020, 2020,
<https://www.robeco.com/docm/do-curobecosam-sustainability-yearbook-2020.pdf>

111. Международное энергетическое агентство (МЭА), "Как переход к чистой энергетике может помочь дать толчок экономике", 23 апреля 2020 года, <https://www.iea.org/commentaries/how-clean-energy-transitions-can-help-kick-start-economies>

112. Хук Лесли и Александра Вишневская, "Как коронавирус остановил импульс изменения климата", Financial Times, 14 апреля 2020 года, <https://www.ft.com/content/052923d2-78c2-1lea-af44-daa3def9ae03>
113. Ченовет Эрика и др., "Глобальная пандемия породила новые формы активизма - и они процветают", The Guardian, 20 апреля 2020 г., <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/20/the-global-pandemic-has-spawned-new-forms-of-activism-and-theyre-flourish-ing>
114. KSTR, "BP получает 17,5 млрд. долларов, поскольку пандемия ускоряет сокращение выбросов", 15 июня 2020 г., <https://kstp.com/business/bp-takes-over-17-billion-dollar-hit-as-coronavirus-pandemic-accelerates-emissions-cuts/5760005/>
115. Херст Лора, "Супермагнаты находят препятствия и возможности, поскольку пандемия затягивается", World Oil, 16 июня 2020 года, <https://www.worldoil.com/news/2020/6/16/supermajors-find-obstacles-and-opportunities-as-pandemic-drag-on>
116. Европейская комиссия, "A European Green Deal", https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en
117. Грей Эмили и Крис Джексон, "Две трети граждан во всем мире согласны с тем, что изменение климата является такой же серьезной проблемой, как коронавирус", Ipsos, 22 апреля 2020 года, <https://www.ipsos.com/en/two-thirds-citizens-around-world-agree-climate-change-serious-crisis-coronavirus>
118. Всемирный экономический форум, COVID-19 Risks Outlook: A Preliminary Mapping and Its Implications, Insight Report, May 2020, http://www3.weforum.org/docs/WEF_COVID_19_Risks_Outlook_Special_Edition_Pages.pdf

119. Седжонг Ким, "Город Сеул реализует "Зеленый новый курс" для смягчения последствий пандемии", The Korea Times, обновление от 4 июня 2020 года, https://www.koreatimes.co.kr/www/nation/2020/06/28_1_290628.html
120. Systemiq и Всемирный экономический форум, "Построение природоположительного будущего - рекомендации для политиков по перезагрузке экономики с помощью силы природного капитала", июль 2020 года.
121. Клаус Шваб, Четвертая промышленная революция, Всемирный экономический форум, 2016, стр. 9.
122. Оба цитируются в Уотерс Ричард, "Локдаун привел цифровое будущее вперед - но не скатимся ли мы назад?", Financial Times, 1 мая 2020 г, <https://www.ft.com/content/flbf5ba5-1029-4252-9150-b4440478a2e7>
123. Фрей Карл Бенедикт и Майкл А. Осборн, "Будущее занятости: Насколько восприимчивы рабочие места к компьютеризации?", Технологическое прогнозирование и социальные изменения, том 114, январь 2017, стр. 254-280, <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0040162516302244>
124. Герик Майкл и др., "Интеллектуальная автоматизация: Заставить сотрудников принять ботов", Bain & Company, 8 апреля 2020 года, <https://www.bain.com/insights/intelligent-automation-getting-employees-embrace-bots>
125. Чотинер Айзек, "Коронавирус и будущее. Большие технологии", The New Yorker, 29 апреля 2020 года, <https://www.newyorker.com/news/q-and-a/the-coronavirus-and-the-future-of-big-tech>

126. Холмс Оливер, и др., "Массовое наблюдение за коронавирусом может остаться, говорят эксперты", The Guardian, 18 июня 2020 г., <https://www.theguardian.com/world/2020/jun/18/coronavirus-mass-surveillance-could-be-here-to-stay-tracking>
127. Харари Юваль Ной, "Мир после коронавируса", Financial Times, 20 марта 2020 года, <https://www.ft.com/content/19d90308-6858-11ea-a3c9-1fe6fedcca75> Там же.
128. Морозов Евгений, "Технологические "решения" для коронавируса выводят государство наблюдения на новый уровень", The Guardian, 25 апреля 2020 г., <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/apr/15/tech-coronavirus-surveillance-state-digital-disrupt>
129. Торнхилл Джон, "Как Covid-19 ускоряет переход от транспорта к телепортации", Financial Times, 30 марта 2020 г., <https://www.ft.com/content/050ea832-7268-11ea-95fe-fcd274e920ca>
130. Снейдер Кевин и Шубхам Сингхал, "От размышлений о следующей норме к тому, чтобы заставить ее работать: Что нужно остановить, начать и ускорить", McKinsey & Company, 15 мая 2020 года, <https://www.mckinsey.com/featured-insights/leader-ship/from-thinking-about-the-next-normal-to-making-it-work-what-to-stop-start-and-accelerate#>
131. Этот анекдот приводится в статье Кулиша Николаса и др. "США пытались построить новый флот вентиляторов. Миссия провалилась", The New York Times, обновление от 20 апреля 2020 года, <https://www.nytimes.com/2020/03/29/business/coronavirus-us-ventilator-shortage.html>

132. BlackRock Устойчивое инвестирование: устойчивость в условиях неопределенности, 2020, <https://www.blackrock.com/corporate/literature/investor-education/sustainable-investing-resilience.pdf>
133. Тетт Джиллиан, "Бизнес сталкивается с суровым испытанием в области ESG на фоне призывов строить лучше", Financial Times, 18 мая 2020 года, <https://www.ft.com/content/e97803b6-8eb4-11ea-af59-5283fc4c0cb0>
134. Стрин Лео и Дороти Лунд, "Как восстановить силу и справедливость нашей экономики", воспроизведено в "Как бизнес должен измениться после кризиса коронавируса", The New York Times, 10 апреля 2020 года, <https://www.nytimes.com/2020/04/10/business/dealbook/coronavirus-corporate-governance.html>
135. Шваб Клаус, "Covid-19 - лакмусовая бумажка для капитализма заинтересованных сторон", Financial Times, 25 марта 2020 года, <https://www.ft.com/content/234d8fd6-6e29-11ea-89df-41be-a055720b>
136. Мерчант Брайан, "Google говорит, что не будет создавать индивидуальный А.И. для добычи нефти и газа", OneZero, 19 мая 2020 г., <https://onezero.medium.com/google-says-it-will-not-build-custom-a-i-for-oil-and-gas-extraction-72dlf71f42c8>
137. Бэрд-Ремба Ребекка, "Как пандемия стимулирует трудовой активизм среди основных работников", Commercial Observer, 11 мая 2020 г., <https://commercialobserver.com/2020/05/how-the-pandemic-is-driving-labor-activism-among-essential-workers>

138. Гамильтон Габриэль, "Мой ресторан был моей жизнью в течение 20 лет. Нужен ли он миру еще?", журнал "Нью-Йорк Таймс", обновление от 26 апреля 2020 года, <https://www.nytimes.com/2020/04/23/magazine/closing-prune-restaurant-covid.html>
139. Тапария Ханс, "Будущее колледжа - онлайн, и это дешевле", The New York Times, 25 мая 2020 года, <https://www.nytimes.com/2020/05/25/opinion/online-college-coronavirus.html>
140. Хесс Аманда, "Культура знаменитостей горит", The New York Times, 30 марта 2020 года, <https://www.nytimes.com/2020/03/30/arts/virus-celebrities.html>
141. Барри Джон, "Великий грипп: История самой смертоносной пандемии в истории, Penguin Books, 2005.
142. Круглански Ари, "3 способа, которыми пандемия коронавируса меняет нас", The Conversation, 20 марта 2020 года, <https://theconversation.com/3-ways-the-coronavirus-pandemic-is-changing-who-we-are-133876>
143. Памук Орхан, "Чему нас учат великие романы о пандемии", Нью-Йорк Таймс, 23 апреля 2020 года, <https://www.nytimes.com/2020/04/23/opinion/sunday/coronavirus-orhan-pamuk.html>
144. Кейс Энн и Ангус Дитон, "Смерть от отчаяния и будущее капитализма", Издательство Принстонского университета, 2020, <https://press.princeton.edu/books/hardcover/9780691190785/deaths-of-despair-and-the-future-of-capitalism>

145. Фридман Томас Л., "Найти "общее благо" в пандемии", Нью-Йорк Таймс, 24 марта 2020 года, <https://www.nytimes.com/2020/03/24/opinion/covid-ethics-politics.html>
146. Facebook, "Капсулы знаний: Локдаун или не Локдаун", 26 апреля 2020 года, <https://ru.facebook.com/KnowledgeCapsules/posts/2374859852804537>
147. Бейзлон Эмили, "Перезапуск Америки означает, что люди умрут. Так когда же мы это сделаем?", журнал "Нью-Йорк Таймс", 10 апреля 2020 года, <https://www.nytimes.com/2020/04/10/magazine/coronavirus-economy-debate.html>
148. Твенге Джин, "Новое исследование показывает ошеломляющий эффект пандемии коронавируса на психическое здоровье Америки", The Conversation, 7 мая 2020 года, <https://theconversation.com/new-study-shows-staggering-effect-of-coronavirus-pandemic-on-americas-mental-health-137944>
149. Туччи Вероника и Нидал Мукаддам, "Мы - полые люди: Всемирная эпидемия психических заболеваний, психиатрических и поведенческих чрезвычайных ситуаций и ее влияние на пациентов и поставщиков услуг", Journal of Emergencies, Trauma, and Shock, vol. 10, no. 1, 2017, pp. 4-6, <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5316796>
150. Исполнительный орган по охране здоровья и безопасности (HSE), "Статистика депрессии или тревоги в связи со стрессом на работе в Великобритании, 2018", Annual Statistics, 31 October 2018, <http://greeningconsultants.co.uk/wp-content/uploads/2019/03/HSE-Stats-2018.pdf>
151. Бехтель Роберт Б. и Эми Бернинг, "Феномен третьей четверти: Испытывают ли люди дискомфорт после прохождения стресса?", в А.А.

Harrison, Y.A. Clearwater and C.P. McKay, От Антарктиды до космоса, Springer, 1991, https://link.springer.com/chapter/10.1007/978-1-4612-3012-0_24

152. Брукс Саманта К., и др., "Психологическое воздействие карантина и как его уменьшить: быстрый обзор доказательств", The Lancet, том 395, № 10227, 14-20 марта 2020 года, стр. 912-920, <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0140673620304608>

153. Кэмпбелл Денис, "Британская изоляция вызывает серьезные психические заболевания у впервые поступивших пациентов", The Guardian, 15 мая 2020 года, <https://amp-theguardian-c0m.cdn.arnppr0ject.0rg/c/s/amp.dieguardian.com/society/2020/may/16/uk-lockdown-causing-serious-mental-illness-in-first-time-patients>

154. Фонд ООН в области народонаселения (ЮНФПА), "Влияние пандемии КОВИД-19 на планирование семьи и прекращение гендерного насилия, калечащих операций на женских половых органах и детских браков", промежуточная техническая записка, 27 апреля 2020 года, https://www.unfpa.org/sites/default/files/resource-pdf/COVID-19_irnpact_brief_for_UNF-PA_24_April_2020_1.pdf

155. Лэйрд Ричард, "Новый приоритет для психического здоровья", документ EA035, Центр экономической эффективности, Лондонская школа экономики и политических наук, май . 2015 ГОДА, <http://cep.lse.ac.uk/pubs/download/ea035.pdf>

156. Фальк Дэн, "Должны ли мы все стать более творческими из-за пандемии?", Scientific American, 29 марта 2020 года, <https://blogs.scientificamerican.com/observations/must-we-all-become-more-creative-because-of-the-pandemic>

157. Поллак-Пельцнер Дэниел, "Шекспир написал свои лучшие произведения во время чумы", The Atlantic, 14 марта 2020 года, <https://www.theatlantic.com/culture/archive/2020/03/broadway-shutdown-could-be-good-theater-coronavirus/607993>
158. Фридланд Джонатан, "Переведите свои часы: Локдаун полностью изгибает время", The Guardian, 24 апреля 2020 года, <https://www.theguardian.com/commentis-free/2020/apr/24/lockdown-time-coronavirus-prisoners>
159. Уилланс Эшли, "Время для счастья", Harvard Business Review, январь 2019, <https://hbr.org/cover-story/2019/01/time-for-happiness>
160. Хелливелл Джон Е, Ричард Лэйард, Джеффри Сакс и Ян-Эммануэль Де Неве (ред.), Всемирный доклад о счастье 2020, Сеть решений устойчивого развития, 2020, <https://happiness-report.s3.amazonaws.com/2020/WHR20.pdf>
161. Эти исследования обобщены в книге Джонс Люси, Потеря Эдема: Почему наши умы нуждаются в дикой природе, Аллен Лейн, 2020.
162. Im Su Geun, "Сравнение влияния двухчасового воздействия лесной и городской среды на уровни цитокинов, антиоксидантов и стресса у молодых взрослых", Международный журнал экологических исследований и общественного здравоохранения, 13, no. 7, 2016, <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4962166>
163. Ниман Дэвид К. и Лорел М. Венц, "Убедительная связь между физической активностью и защитной системой организма", Журнал науки о спорте и здоровье, 8, No.3, 2019, стр. 201-217, <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2095254618301005>

164. Клаус Шваб 3 марта 2020 года; см. также Всемирный экономический форум, "Великий сброс", 3 июня 2020 года, <https://www.facebook.com/worldeconomicforum/videos/189569908956561>
165. Макгоуэн Кэт, "Сотрудничество - это то, что делает нас людьми", Наutilus, 29 апреля 2013 года, <http://nautilus/issue/11what-makes-you-so-special/cooperation-is-what-makes-us-human>
166. Клири Шон, "Восстановление после кризиса на трех столпах: Равенство, безопасность и устойчивость", G20 Insights, Policy Brief, 29 мая 2020 года, https://www.g20-insights.org/policy_briefs/rebuild-after-the-crisis-on-three-pillars-equity-security-and-sustainability
167. Сен Амартия, "Лучшее общество может возникнуть из локдауна", Financial Times, 15 апреля 2020 года, <https://www.ft.com/content/5b41ffc2-7e5e-11ea-b0fb-13524ae056b>
168. Даймонд Джаред, "Уроки пандемии", Financial Times, 27 мая 2020 года, <https://www.ft.com/content/71ed9f88-9f5b-11ea-b65d-489c67b0d85d>
169. Харви Фиона, "Британцы хотят, чтобы показатели качества жизни имели приоритет над экономикой", The Guardian, 10 мая 2020 г., <https://www.theguardian.com/society/2020/may/10/britons-want-quality-of-life-indicators-priority-over-economy-coronavirus>
170. Грей Эмили и Крис Джексон, "Две трети граждан во всем мире согласны с тем, что изменение климата - такой же серьезный кризис, как коронавирус", Ipsos, 22 апреля 2020 года, <https://www.ipsos.com/en/two-thirds-citizens-around-world-agree-climate-change-serious-crisis-coronavirus>

Endnotes

171. Всемирный экономический форум, COVID-19 Перспективы рисков: Предварительное картирование и его последствия, отчет Insight, май 2020, http://www3.weforum.org/docs/WEF_COVID_19_Risks_Outlook_Special_Edition_Pages.pdf